КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ ред. проф. Д. И. Багалѣя

□ □ □

Проф. В. БУЗЕСКУЛЪ

АѲИНСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗ"
Харьковскаго Кредитнаго Союза Кооперативовъ
1920.

„Пров 36"

Харьковъ,
Типографія „Работникъ".
Петровскій пер., № 14.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИЯ
609
29

Введеніе.

Отъ монархіи къ демократіи въ Греціи.

Греческая демократія.

Демократія, какъ и названіе другихъ формъ государственнаго устройства: *монархія* (царская власть, собственно: „единовластіе", власть одного), *аристократія* („господство знатныхъ"), *олигархія* („власть немногихъ"),—слово греческое. Въ переводѣ на русскій языкъ оно значитъ *народовластіе*, *народоправство*, и обозначаетъ такой строй, при которомъ сила, власть принадлежитъ *демосу*, народу. Подъ демосомъ греки первоначально разумѣли только низшіе классы, „простой народъ", иногда лишь „бѣдноту"; но потомъ слово это получило у нихъ и болѣе широкій смыслъ, стало означать весь народъ, всю совокупность гражданъ. Сообразно этому *демократія* еще въ Греціи имѣла двоякое значеніе: во-первыхъ, такъ называлось господство низшихъ классовъ, „простого народа", и во-вторыхъ, подъ демократіей подразумѣвали такой строй, при которомъ участіе въ правленіи принадлежало *всѣмъ* гражданамъ, безъ различія класса или происхожденія, одинаково и знатнымъ и незнатнымъ, богатымъ и бѣднымъ. Впослѣдствіи для перваго вида демократіи употреблялось иногда особое названіе—*охлократія*, что̀ значитъ „господство толпы", „власть черни".

Насколько знаетъ исторія, демократія впервые возникла и развилась въ древней Греціи. Здѣсь она существовала во многихъ областяхъ и была разныхъ видовъ, начиная съ умѣренной и кончая крайней.

Паденіе царской власти въ Греціи.

Въ-старину въ Греціи была царская власть. Ее мы видимъ въ эпоху, которую изображаютъ поэмы Гомера „Иліада" и „Одиссея" (за 1000—800 лѣтъ до Р. Х.). Но гомерическій царь—не восточный деспотъ, не монархъ съ неограниченною властью; это—скорѣе „первый между равными": его окружаютъ представители знати, „старцы" или старѣйшины, съ которыми онъ „думаетъ", совѣщается и дѣлитъ свою власть;

они—его сотрапезники, совѣтники и помощники. Существовало уже тогда и народное собраніе, въ родѣ нашего древняго вѣча.

Къ серединѣ VIII в. до Р. Х. монархическая власть исчезаетъ почти всюду въ Греціи. Сохранилась она лишь въ немногихъ областяхъ, напр., въ Спартѣ, но и тамъ она утратила свое настоящее значеніе и сохранила за собой скорѣе лишь внѣшніе признаки. Дѣло въ томъ, что между греческимъ царемъ и его родомъ—съ одной стороны, и знатными фамиліями съ другой—не было большой разницы. Знатные, подобно царю, нерѣдко вели свое происхожденіе отъ боговъ и героевъ; ихъ тоже называли иногда „царями". Въ древней Греціи не было единаго государства; самыя природныя условія ея, устройство поверхности, способствовали тому, что тамъ было много отдѣльныхъ, самостоятельныхъ небольшихъ государствъ, преимущественно *государствъ-городовъ*. А въ нихъ легко было обойтись и безъ царя. Особа царя здѣсь не казалась чѣмъ-то таинственнымъ, необычайно величественнымъ, какъ на Востокѣ. Она была на виду у всѣхъ, со всѣми ея человѣческими слабостями и недостатками. Царь гомерической эпохи въ своемъ лицѣ соединялъ обязанности военачальника, правителя, судьи и жреца. Но съ теченіемъ времени политическая жизнь развивалась, дѣлалась сложнѣе, и являлась необходимость въ расчлененіи прежде единой власти.

Такъ въ VIII стол. до Р. Х. монархія въ Греціи уступаетъ мѣсто *аристократіи*. Перемѣна эта совершается большею частью безъ особыхъ потрясеній, не путемъ революціи, а путемъ постепенныхъ измѣненій, естественнаго развитія, *эволюціи*. Иногда власть отъ царя переходитъ къ цѣлому царскому роду. Случалось, что потомки царей удерживали свой царскій титулъ и нѣкоторыя преимущества или же этотъ титулъ переносился на сановника и членовъ коллегій, исполнявшихъ обязанности священнаго характера.

Владычество знати. Аристократы носили въ Греціи различные названія: ихъ называли обыкновенно „хорошими", „лучшими" (*аристой*, откуда и самое слово аристократія, аристократы), „благородными", „евпатридами", иногда „богатыми" или „жирными". А простой народъ въ тѣ времена противополагался имъ, какъ „дурные", „худые" или „худшіе", „подлые" люди.

Основой могущества и вліянія греческой знати было прежде всего происхожденіе. Если впослѣдствіи даже въ демократическихъ Аѳинахъ благородное происхожденіе имѣло большое значеніе и считалось „великимъ и почетнымъ жребіемъ“, то тѣмъ болѣе въ старину, во времена преобладанія аристократіи, господствовало убѣжденіе, что только знатный и богатый человѣкъ, не обремененный заботами о насущномъ хлѣбѣ, можетъ заниматься государственными дѣлами. Ремесленники и вообще демосъ, трудящійся въ потѣ лица, еще считались недостойными принимать участіе въ управленіи. Кромѣ того, аристократы располагали большими матеріальными средствами. Знатность тогда соединялась обыкновенно съ богатствомъ и аристократы были самымъ богатымъ классомъ въ Греціи: въ ихъ рукахъ сосредоточивалась крупная земельная собственность; у нихъ были многочисленныя стада скота; въ домахъ ихъ имѣлись богатые запасы металловъ, оружія, утвари, всякаго рода припасовъ, вина и проч. Аристократы были и главною военною силою. Въ ту пору такую силу составляла конница. А чтобы содержать коней, нужно было располагать большими средствами, слугами, челядью. Все это имѣли аристократы, въ нѣкоторыхъ городахъ носившіе и названіе „всадники“. Аристократы были обладателями и тогдашняго образованія, хранителями старины, знатоками и толкователями обычаевъ и права. Они являлись судьями.

Такимъ образомъ въ тѣ времена аристократія была не только политическою, но и общественною, военною и культурною силою. Въ лучшую свою пору она смотрѣла на свое владычество не только какъ на право и привилегію: она понимала, что „знатность обязываетъ“, и она служила обществу и государству, въ мирное и военное время, въ совѣтѣ и на полѣ битвы.

Но съ теченіемъ времени обнаружился нравственный упадокъ аристократіи, разложеніе ея. Новыя поколѣнія расточали богатства отцовъ, предавались наслажденіямъ, забавамъ и роскоши. Сыновья знатныхъ росли среди нѣги и пышности, тогда какъ молодое поколѣніе демоса среди труда и заботъ закалялось въ борьбѣ за существованіе. Между аристократами происходятъ и раздоры, соперничество, борьба отдѣльныхъ лицъ и фамилій за власть. Было время, когда знатный человѣкъ оказывалъ нерѣдко покровительство и защиту слабому, простому, былъ для демоса „крем-

лемъ и башнею", по выраженію греческаго поэта. Теперь владычество аристократіи стало для народа тяжелымъ игомъ. Онъ очутился всецѣло въ рукахъ правящей знати.

Трудно было слабому найти правды и защиты противъ сильнаго: и господами, и судьями были знатные. Жалобы на тяжкую долю земледѣльца и въ особенности на отсутствіе правды въ судахъ мы встрѣчаемъ уже за 700 лѣтъ до Р. Х. у Гесіода. Мрачными красками рисуетъ этотъ поэтъ современный ему вѣкъ—„вѣкъ желѣзный". „Позднѣе родиться или раньше умереть" хотѣлъ бы онъ, чтобы не быть его современникомъ. Но зло станетъ еще хуже:

„Борьба слѣпая встанетъ средь людей,
Отъ злобы озвѣрѣвшихъ...
И тогда,
Закрывъ лицо одеждой бѣлоснѣжной,
Съ земли широкой отлетятъ на небо
И Стыдъ, и Совѣсть",

оставивъ людямъ тяжкія печали, и не будетъ защиты противъ зла. И Гесіодъ приводитъ басню о ястребѣ и соловьѣ. Ястребъ схватилъ соловья „сладкозвучнаго" и несетъ его высоко въ облакахъ, вонзивъ въ него свои кривые когти, а когда соловей началъ жалобно стонать, то ястребъ обращается къ нему съ такими словами: „Чудакъ! чего ты кричишь? Вѣдь ты во власти сильнаго... Захочу съѣмъ, захочу—выпущу". „Съ сильнымъ не борись", такъ поучаетъ соловья „быстролетный ястребъ, ширококрылая птица". Въ судахъ нѣтъ правды, говоритъ Гесіодъ: ее изгнали правители „дароѣды", берущіе подарки, взятки.

Неудивительно, что владычество аристократіи стало вызывать неудовольствіе, ропотъ, и противъ него началось движеніе. Тѣмъ временемъ въ Греціи наступили новыя условія, отразившіяся неблагопріятно на положеніи аристократіи и выдвинувшія новый классъ—*демосъ*.

Колонизація. Въ VIII—VII стол. греческая колонизація достигаетъ своего высшаго развитія. Греческія поселенія раскинулись на далекомъ пространствѣ—отъ Испаніи до устьевъ Дона и до Кавказа съ одной стороны, отъ устьевъ Роны и отъ сѣвернаго побережья Чернаго моря до устьевъ Нила и сѣвернаго берега Африки съ другой. Они обрамляли берега морей

Средиземнаго и Эгейскаго, Пропонтиды (Мраморнаго моря) и Понта (Чернаго моря). По выраженію Цицерона, это была кайма у широкой ткани варварскихъ земель, а по другому сравненію, греки сидѣли вокругъ Средиземнаго моря, словно лягушки вокругъ пруда. До V в. политическая, умственная и художественная жизнь грековъ сосредоточивалась преимущественно въ колоніяхъ на мало-азіатскомъ побережьѣ. Тамъ кипитъ торговая и промышленная дѣятельность, жизнь бьетъ ключемъ, завязываются сношенія съ различными, иногда далекими, странами, и тамъ образуется многочисленный классъ моряковъ и купцовъ, получаетъ особенное значеніе движимая собственность, деньги.

Перемѣны въ хозяйственной жизни и возвышеніе демоса. Колонизація сильно повліяла на развитіе морского дѣла, торговли и промышленности. Число ремесленниковъ увеличивается, но дешевыхъ свободныхъ рабочихъ не хватаетъ,—развивается рабство и торговля рабами. Если прежде продукты производились не для обмѣна или вывоза, а для потребленія въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производило, т. е. господствовало хозяйство натуральное, „домашнее", то теперь продукты производятся и для вывоза, для сбыта, и совершается переходъ къ хозяйству денежному. Въ-старину, напр., въ гомерическую эпоху, денегъ не было: вмѣсто нихъ служили драгоцѣнные сосуды, слитки мѣди или желѣза, а чаще всего—скотъ—быкъ или овца. Въ началѣ VII в. въ Малой Азіи стали чеканить монету. Теперь не было нужды каждый разъ взвѣшивать металлическіе слитки: штемпель города или государства обезпечивалъ опредѣленный вѣсъ, что̀ чрезвычайно облегчало торговыя сношенія и вліяло на развитіе торговыхъ оборотовъ.

Вскорѣ деньги становятся могучею силою. „Деньги дѣлаютъ человѣка", говоритъ уже поэтъ VII в. Выдвигается средній классъ, который можетъ быть названъ греческою буржуазіею. Рядомъ съ знатнымъ, родовитымъ землевладѣльцемъ, а иногда и выше его, становится представитель промышленности и торговли, денежнаго капитала, богатый купецъ и мореплаватель. Въ лицѣ этого класса возвышается демосъ,—названіе, обозначавшее въ ту пору неаристократовъ, начиная съ бѣдняка-земледѣльца, поденщика и простого ремесленника и кончая неродовитымъ купцомъ-капиталистомъ.

Аристократы начинаютъ уступать и въ военномъ дѣлѣ. Условія войны измѣнились, и на первое мѣсто выдвигается пѣхота —тяжеловооруженные воины, гоплиты. А еще великій мыслитель древности Аристотель подмѣтилъ тѣсную связь между организаціей военной силы и политическимъ строемъ. Конная сила, по его мнѣнію, свойственна была аристократіи или олигархіи, тяжелая пѣхота—умѣренному образу правленія, а легкая пѣхота и морская сила—демократіи.

Возвышенію новаго класса содѣйствовало и развитіе въ умственной области: входитъ въ употребленіе такое могучее орудіе просвѣщенія, какъ азбука, появляется письменность. На смѣну эпосу является лирика съ ея выраженіемъ личныхъ чувствъ. Наступаетъ пора пробужденія человѣческой личности. Образованіе, бывшее прежде достояніемъ и привилегіей аристократіи, проникаетъ и въ другіе слои. Незнатный мореплаватель и купецъ по своему кругозору и опыту теперь часто превосходитъ знатнаго землевладѣльца.

Борьба демоса съ аристократіей. Демосъ выступаетъ съ своими требованіями: онъ добивается гражданскаго равенства и политическихъ правъ, облегченія своего положенія. Съ распространеніемъ денегъ и съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному цѣны повышались, жизнь становилась дороже. А между тѣмъ знатному хотѣлось поддержать свое достоинство, сохранить общественное положеніе, соотвѣтственное знатности; приходилось состязаться съ возвышавшимся новымъ классомъ, богатыми купцами, промышленниками, своего рода капиталистами. Иные аристократы сами принимались за торговлю; но для большинства земля оставалась по-прежнему главнымъ источникомъ дохода, и чтобы добыть новыя средства, надо было выжимать ихъ изъ земли, повышать съ крестьянъ аренды, поборы, повинности, безъ пощады относиться къ неисправнымъ плательщикамъ. Съ другой стороны, и крестьянину нужны были деньги, тѣмъ болѣе, что натуральныя повинности часто замѣнялись денежными. Крестьянинъ долженъ былъ добывать деньги за большіе проценты; онъ разорялся, лишался земли, входилъ въ неоплатные долги, попадалъ въ кабалу: долговое право тогда было сурово и неисправный должникъ обращался въ рабство.

Начинается борьба демоса съ аристократіей,—борьба съ обѣихъ сторонъ ожесточенная, сопровождавшаяся нерѣдко переворотами, изгнаніями, отобраніемъ имущества и т. под. Иногда стремленія демоса принимали соціалъ-революціонный характеръ: раздавались требованія передѣла земли, уничтоженія долговыхъ обязательствъ и т. д.

Враждебное отношеніе аристократа къ демосу ярко выражается у греческаго поэта Ѳеогнида. Среди смутъ Ѳеогнидъ лишился состоянія, отечества, долго скитался и только подъ конецъ жизни вернулся на родину. Онъ мечтаетъ о мести: онъ молитъ Зевса за всѣ претерпѣнныя страданія дать ему „испить черной крови враговъ". Демосъ Ѳеогнидъ страстно ненавидитъ и презираетъ: „топчи ногами пустоголовый демосъ", говоритъ онъ, „коли его острымъ жаломъ, надѣнь тяжелое ярмо на его шею!" Какъ изъ луковицы не выростаетъ роза или гіацинтъ, такъ отъ рабыни —свободное дитя. Совершавшіяся перемѣны глубоко волновали Ѳеогнида. „Городъ тотъ же, да люди другіе", съ горечью замѣчаетъ онъ. „Тѣ, что̀ раньше не знали ни правъ, ни законовъ, но носили на плечахъ козьи шкуры и за городомъ жили, какъ олени, теперь— знатные! А прежніе благородные стали теперь низкими! Кто можетъ перенести это зрѣлище!" Въ одномъ стихотвореніи положеніе государства сравнивается съ положеніемъ корабля, заливаемаго въ темную, бурную ночь волнами:

„...Несемся мы, бѣлый свернули свой
Парусъ; ненастная ночь гибелью черной грозитъ.
Имъ не охота вычерпывать! Волны жъ—онѣ заливаютъ,
Яростно бьютъ черезъ бортъ, мигъ—и спасенья ужъ нѣтъ!
Люди сидятъ себѣ праздно, у кормчаго жъ, виднаго мужа,
Мудро державшаго путь, отняли дерзостно руль...
Деньги берутъ они силой, порядокъ считаютъ излишнимъ:
Раньше дѣлились, теперь правильный брошенъ дѣлежъ.
Стали поденщики властвовать, чернь стала выше достойныхъ...
Да, я боюсь за корабль: станетъ онъ жертвою волнъ!..."

Первою уступкою со стороны знатныхъ является изданіе писанныхъ законовъ. Требованіе такихъ законовъ со стороны демоса вполнѣ понятно, если вспомнить, что судъ находился въ рукахъ аристократіи и что, при отсутствіи писаннаго права, открывался широкій просторъ для произвола.

Борьба партій аристократической и демократической приводила иногда къ тому, что *аристократія по происхожденію* уступала мѣсто *аристократіи по состоянію*,—когда занимать должности могли лица и незнатныя, но обладавшія богатствомъ, извѣстнымъ имуществомъ, *цензомъ*. Иногда обѣ партіи, чтобы положить конецъ борьбѣ, вручали неограниченную власть какому-либо лицу, пользующемуся общимъ довѣріемъ, какъ посреднику, примирителю и законодателю. Такое лицо называлось эсимнетомъ.

Но чаще всего борьба вела къ *тираніи*.

Тираннія. Слово „тираннъ" греки понимали иначе, чѣмъ мы. Тираномъ мы называемъ жестокаго правителя, а греки называли такъ того, кто силою или хитростью присвоивалъ себѣ власть, по праву ему не принадлежащую, хотя бы это былъ правитель и не жестокій. Греческая тираннія—это то, что мы теперь называемъ узурпаціей. По понятіямъ грека, напр., Юлій Цезарь и Августъ въ Римѣ, Наполеонъ I и Наполеонъ III во Франціи—тираны.

Древняя тираннія въ Греціи распространена была во второй половинѣ VII и въ VI стол. до Р. Х., тамъ, гдѣ политическая, хозяйственная и культурная жизнь достигла уже значительнаго развитія, преимущественно въ торговыхъ и промышленныхъ городахъ. Это—своего рода демократическая диктатура, въ которой нуждался еще не окрѣпшій демосъ и которую нерѣдко поддерживали представители торговаго и промышленнаго класса и даже часть знати изъ-за различныхъ выгодъ, изъ жажды спокойствія, „порядка", изъ страха передъ анархіей и соціальнымъ переворотомъ и т. п. Тираннами являлись иногда высшія правительственныя лица, старавшіяся насильно продлить и расширить свою власть. Но чаще всего это были аристократы по происхожденію, становившіеся во главѣ демоса изъ политическаго разсчета, честолюбія, изъ-за личной обиды, и съ помощью его захватывавшіе власть въ свои руки. Они опирались на военную силу, большія матеріальныя средства, вели широкую внѣшнюю политику, заботились о развитіи морского могущества и объ основаніи колоній, привлекали къ своему двору художниковъ и поэтовъ, проявляли въ широкихъ размѣрахъ строительную дѣятельность, не только способствуя украшенію, укрѣпленію и благоустройству своего города, но и давая заработокъ массѣ рабочихъ и ремесленниковъ.

Но лучшею опорою тираннамъ служила преданность демоса. Уже изъ личныхъ выгодъ они заботились объ удовлетвореніи насущныхъ его потребностей и интересовъ, о поднятіи благосостоянія массы.

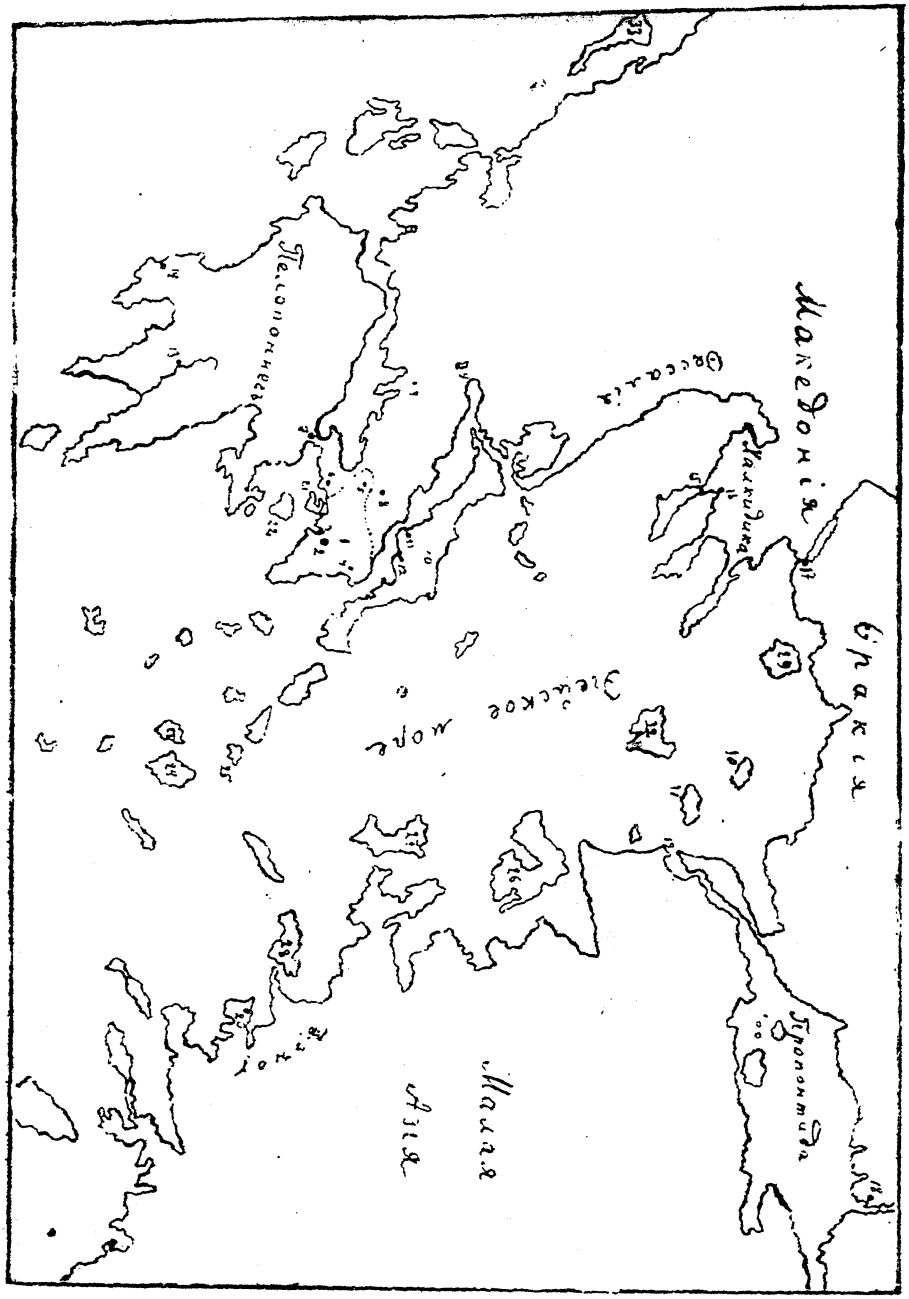
Тираннія способствовала возвышенію демоса, укрѣпленію демократическихъ началъ. Она освобождала народныя массы отъ владычества аристократіи; власть тиранна уравнивала знатныхъ и незнатныхъ, и на время прекращала внутреннюю борьбу.

Но тираннія была во многихъ отношеніяхъ и вредна. Тираны были слишкомъ неразборчивы въ средствахъ; сознавая незаконность своей власти, они—и особенно преемники первыхъ основателей тираніи—становятся подозрительными, жестокими: „недовѣрять ни близкимъ, ни друзьямъ,—таковъ недугъ тирановъ всемогущихъ". Они начинаютъ воздвигать гоненія, искать опоры исключительно въ силѣ, въ наемной стражѣ и т. п. Тираннія становится тяжелымъ игомъ и для демоса, который окрѣпнувъ могъ теперь отстаивать себя и безъ нея. И къ концу VI в. тираннія, за нѣкоторыми исключеніями, исчезаетъ въ Греціи, уступая мѣсто или умѣренной аристократіи или демократіи.

Итакъ, монархія, ея паденіе, владычество аристократіи, борьба съ нею демоса, тираннія, какъ переходъ къ демократіи,—таковъ общій ходъ развитія греческаго государства съ VIII по VI в.

Тѣ же явленія наблюдаемъ мы и въ Аѳинахъ. Только тутъ ходъ историческаго развитія совершается еще постепеннѣе и извѣстенъ намъ подробнѣе.

КАРТА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.



1. Аттика. 2. Аѳины. 3. Пирей. 4. Маравонъ. 5. Платеи. 6. Мегара. 7. Коринѳъ. 8. Ѳивы (въ Беотіи). 9. Дельфы (въ Фокидѣ). 10. о. Евбея. 11. Халкида. 12. Эретрія. 13 Спарта. 14. Пилосъ. 15. Потидея. 16. Олинѳъ. 17. Амфиполь. 18. Византія. 19 Геллеспонтъ. 20. Милетъ 21. Саламинъ. 22. Эгина. 23 Паросъ. 24. Наксосъ. 25. Делосъ. 26. Лесбосъ. 27. Хіосъ. 28. Самосъ. 29. Ѳасосъ. 30. Самоѳракa. 31. Имбросъ. 32. Лемносъ. 33. Керкира. 34. Ѳермопилы.

Демократія въ Аѳинахъ.

I. НАЧАЛО.

1. Переходъ отъ монархіи къ архонтату.

Аттика и ея жители. Древне-греческое государство большею частью было *государствомъ—городомъ*,—состояло лишь изъ города съ его ближайшими окрестностями. Аѳинское государство, подобно Спартанскому, составляло въ этомъ отношеніи исключеніе: оно занимало цѣлую, хотя и небольшую (ок. 40 кв. миль), область—*Аттику* и имѣло одинъ центръ—Аѳины.

Аттика—полуостровъ въ средней Греціи, вдающійся въ Эгейское море (или Архипелагъ), обращенный на юго-востокъ, къ многочисленнымъ островамъ, которыми усѣяно это море, и къ Азіи. Плодородіемъ Аттика не отличалась и въ извѣстную намъ историческую пору нуждалась въ подвозѣ хлѣба изъ другихъ странъ. Отсюда—необходимость обезпечить такой подвозъ и важность для аѳинянъ обладанія проливами, ведущими въ Черное море или, какъ называли его греки, Понтъ Евксинскій, къ его сѣверному побережью, уже въ древности богатому хлѣбомъ. Зато Аттика удобна была для разведенія винограда и маслины,—священнаго въ глазахъ аѳинянъ дерева, по словамъ поэта Софокла,—чуднаго, равнаго которому нѣтъ ни въ Азіи дальней, ни въ Пелопоннесѣ, дара богини Аѳины, древа-кормилицы, котораго не ломаетъ и не рубитъ никто, ни старъ, ни младъ. Почва Аттики доставляла прекрасную глину для керамическихъ (глиняныхъ) издѣлій, которыми славились Аѳины. Въ горахъ—хорошій мраморъ для зданій и художественныхъ произведеній, а на горахъ—по крайней мѣрѣ, въ-старину—было достаточно лѣса, годнаго для постройки кораблей. Были въ Аттикѣ и рудники (Лаврійскіе), съ богатымъ запасомъ серебра.

Когда-то и въ Аттикѣ существовали отдѣльныя независимыя общины. По преданію, въ древности она дѣлилась на 12 „городовъ",

т. е. областныхъ государствъ, и надо думать, прошло немало времени, прежде чѣмъ совершилось полное объединеніе или сліяніе ихъ—такъ называемый *синойкизмъ*—въ одно цѣлое. Объединеніе исходило изъ „равнины", составлявшей естественное средоточіе страны. Тамъ, гдѣ сходилось три района Аттики—„равнина", „побережье" и „гористая часть"—на берегу рѣчки Кефиса, неподалеку отъ морского берега, на скалистомъ холмѣ, господствуя надъ окрестностями, расположена была крѣпость или кремль, *акрополь*, гдѣ еще въ глубокую древность, въ микенскую эпоху, т. е. лѣтъ за 1500 до Р. Х., находился царскій дворецъ.

Нѣкогда греки пришли на югъ Балканскаго полуострова съ сѣвера. Явились оттуда и предки аѳинянъ, іоняне. Но это было въ незапамятныя времена, и аѳиняне съ нѣкоторымъ правомъ смотрѣли на себя, какъ на автохтоновъ, коренныхъ жителей. Лежавшая въ углу, далеко не плодородная Аттика не служила приманкой для завоевателя и во времена историческія завоеванію не подвергалась. Такимъ образомъ въ Аттикѣ мы не видимъ той племенной розни, которая существовала во многихъ областяхъ Эллады. Здѣсь нѣтъ двухъ рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга классовъ—побѣдителей и побѣжденнаго, порабощеннаго народа. „Предки наши", могъ съ гордостью сказать впослѣдствіи аѳинянинъ, „всегда отличались справедливостью въ отношеніи къ людямъ, ибо они не были смѣсью съ другими племенами или пришельцами; изъ всѣхъ эллиновъ они одни—автохтоны; та земля, въ которой они родились, была ихъ кормилицею и любили они ее, какъ любятъ отца и мать". Это обстоятельство въ будущемъ могло способствовать достиженію равноправія и развитію демократическихъ формъ въ Аѳинахъ.

Но все-таки внутренней вражды и борьбы не избѣгла и Аттика. Въ древней исторіи Аѳинъ предъ нами, несмотря на отмѣченныя черты, все-же въ сущности явленія, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ въ большей части остальной Греціи: и въ Аѳинахъ нѣкогда существовала царская власть, которая потомъ исчезаетъ; и тутъ, прежде чѣмъ упрочилась демократія, властвовала аристократія и между нею и низшими классами, демосомъ, происходила борьба.

По знатности происхожденія и по своимъ занятіямъ населеніе Аттики дѣлилось на три сословія—на *εὐπατριδῶν*, благородныхъ, *γεωρίων* или *γεωμόρων*, иначе *αἰρύκων*, земледѣльцевъ, и *δημιύργων*,

ремесленниковъ. Евпатриды сосредоточивали въ своихъ рукахъ крупную земельную собственность, политическое вліяніе и власть. Георги или геоморы были преимущественно средними и мелкими земледѣльцами, а деміурги, число которыхъ должно было увеличиваться лишь по мѣрѣ торговаго и промышленнаго развитія Аттики, занимались ремесломъ и торговлей. Но рядомъ съ дѣленіемъ на сословія или классы въ Аттикѣ существовало еще дѣленіе родовое—на *филы* или колѣна, *фратріи* и *роды*. Тамъ было четыре филы, изъ которыхъ каждая состояла изъ трехъ фратрій, а фратрія—изъ извѣстнаго числа родовъ. Членовъ рода связывало происхожденіе отъ одного—дѣйствительнаго или мнимаго—предка. Нерѣдко родъ и назывался по имени того лица, отъ котораго онъ велъ себя (напр. Алкмеониды—отъ Алкмеона). Члены рода находились между собою въ тѣсной правовой и религіозной связи, имѣли нѣкоторыя общія права и обязанности, общее богопочитаніе, свои святилища, своихъ жрецовъ, свои праздники, свои кладбища. Въ древности на ихъ обязанности лежала взаимная защита, месть убійцѣ, если кто-либо изъ членовъ рода погибалъ отъ его руки; въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ родъ наслѣдовалъ имущество умершаго. Членовъ фратріи связывало тоже общее богопочитаніе. Фратрія вела списки законныхъ дѣтей, наслѣдовала имущество послѣдняго въ родѣ и т. под. Филы имѣли большое значеніе въ строѣ государства и въ политической жизни, особенно во время владычества знати; онѣ служили основою для организаціи управленія, войска и проч. Въ нихъ сильно преобладали аристократическія начала.

Возникновеніе демократіи въ Аѳинахъ послѣдующее преданіе относило къ очень ранней порѣ—еще ко времени миѳическаго героя, царя Тезея. Въ дѣйствительности отъ монархіи Аѳины перешли не прямо къ демократіи, а къ аристократіи, къ *архонтату*, къ власти сановниковъ, называемыхъ *архонтами*.

Начало архонтата. Переходъ этотъ совершился съ замѣчательною постепенностью. Преданіе гласитъ, что когда Аѳинамъ грозила опасность отъ вторгнувшагося внѣшняго врага, аѳинскій царь Кодръ, ради спасенія отечества, пожертвовалъ своею жизнью; тогда евпатриды будто-бы заявили, что послѣ такого

великодушнаго царя никто недостоинъ царствовать, и вотъ царей замѣнили *архонтами*, которые сначала избирались пожизненно и изъ фамиліи царской—потомковъ Кодра, Медонтидовъ. Съ половины VIII в. до Р. Х. должность архонтовъ ограничивается 10 годами. Черезъ четыре десятилѣтія послѣ этого Медонтиды лишились исключительнаго права на архонтатъ и доступъ къ послѣднему открывается всѣмъ евпатридамъ, а еще черезъ 30 лѣтъ—въ 683/2 г.[1]) до Р. Х.—въ Аѳинахъ стали ежегодно выбирать *9 архонтовъ*—собственно *архонта* (впослѣдствіи носившаго титулъ *архонта-эпонима*, такъ какъ по его имени назывался годъ), *басилевса* (архонта-царя), *полемарха* (военачальника) и 6 *ѳесмоѳетовъ*, и такимъ образомъ власть, принадлежавшая прежде одному лицу, теперь раздѣляется между нѣсколькими.

Аристотель въ своемъ сочиненіи: „Аѳинская Политія“ („Аѳинская республика“), вновь открытомъ среди папирусовъ въ 1891 г., представляетъ переходъ отъ монархіи къ архонтату такъ. По времени первою въ Аѳинахъ, говоритъ онъ, была власть царя; второю возникаетъ, рядомъ съ нею, власть полемарха вслѣдствіе того, что нѣкоторые цари стали невоинственными, а затѣмъ появляется должность архонта (эпонима), которая и сдѣлалась впослѣдствіи главною. Должности эти были сначала пожизненными, а потомъ десятилѣтними; ѳесмоѳетовъ же начали выбирать спустя много лѣтъ, уже при ежегодныхъ архонтахъ, съ тѣмъ, „чтобы они записывали и хранили постановленія для суда надъ преступниками“. Въ этомъ изложеніи постепенность перехода отъ монархіи къ аристократіи представляется особенно ясно: тутъ нѣтъ какого-либо переворота, формальной отмѣны царской власти въ Аѳинахъ; предъ нами здѣсь не революція, а эволюція,—постепенное, органическое развитіе. Второй архонтъ есть прямой, непосредственный преемникъ прежнихъ царей, онъ носитъ титулъ басилевса, т. е. царя; но главная власть перешла въ руки сановника, сначала стоявшаго на третьемъ мѣстѣ, а потомъ возвысившагося надъ басилевсомъ и заслонившаго его собой.

[1]) Время совершенія событія въ исторіи Аѳинъ большею частью мы обозначаемъ двумя годами потому, что аѳинскій гражданскій годъ не совпадаетъ съ нашимъ: онъ начинался лѣтомъ (ср. нашъ академическій годъ). Такъ, 683/2 г. значитъ: вторая половина 683 и первая половина 682 г. по нашему счету.

Строй того времени. По Аристотелю, архонты избирались ареопагомъ „по знатности и богатству"; но это не значитъ, что уже тогда существовалъ имущественный цензъ для архонтовъ: слова: „по знатности и богатству", лишь дополняютъ одно другое: знатность и богатство въ тѣ времена совпадали.

Главнымъ сановникомъ въ государствѣ былъ первый „архонтъ", архонтъ по преимуществу, которому спеціально присвоенъ былъ этотъ титулъ и по имени котораго обозначался годъ; въ Аѳинахъ говорили: „въ архонтство такого-то", подобно тому, какъ въ Римѣ выражались: „въ консульство такихъ-то". Во время господства аристократіи должность перваго архонта была очень важною: это былъ какъ-бы президентъ аѳинской республики. Второй архонтъ—„басилевсъ", „царь"—вѣдалъ дѣла, имѣвшія отношеніе къ богопочитанію. Полемархъ былъ „военачальникомъ": онъ командовалъ войскомъ и распоряжался тѣмъ, что̀ касалось войны, а такъ какъ встарину „врагъ" и „чужой" были понятіями тождественными, то его вѣдѣнію подлежали и дѣла, касавшіяся чужеземцевъ и неграждан. Наконецъ, ѳесмоѳеты несли обязанности преимущественно судейскія.

При царяхъ существовалъ совѣтъ изъ знати. Подобный совѣтъ существовалъ и во время господства аристократіи, при архонтахъ. Это былъ *ареопагъ*. По словамъ Аристотеля, ареопагъ имѣлъ назначеніемъ наблюдать за исполненіемъ законовъ; но въ сущности онъ вѣдалъ бо́льшую часть—и притомъ важнѣйшихъ—государственныхъ дѣлъ, собственною властью наказывалъ и каралъ всѣхъ нарушающихъ порядокъ. Члены ареопага были пожизненные, и состоялъ онъ изъ бывшихъ архонтовъ. Такимъ образомъ ареопагу принадлежало первенствующее значеніе въ государствѣ. Онъ былъ хранителемъ старинныхъ завѣтовъ и политическаго опыта. Его можно сравнить съ римскимъ сенатомъ. Между архонтами и ареопагомъ должна была существовать тѣсная связь, ибо архонты избирались ареопагомъ и въ него же потомъ вступали.

Народное собраніе, существовавшее въ Греціи въ гомерическую эпоху, было и въ Аѳинахъ. Оно не совсѣмъ исчезло, вѣроятно, и теперь, при господствѣ аристократіи, но созывалось рѣдко и значенія не имѣло.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ строй Аѳинъ во время владычества евпатридовъ.

2. Время смутъ.

Килонова смута.

До второй половины VII в. владычество евпатридовъ въ Аѳинахъ было прочнымъ и не встрѣчало противодѣйствія. И въ политическомъ, и въ культурномъ, и въ экономическомъ отношеніи Аттика отстала отъ сосѣднихъ областей. Но съ середины VII в. и она была втянута въ то новое движеніе, которое происходило во многихъ греческихъ общинахъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе ея географическаго положенія и природы легко могли установиться тѣсныя сношенія между нею и приморскими городами Малой Азіи и появиться классъ торговыхъ мореходцевъ. Почва Аттики, какъ мы видѣли, давала прекрасный матеріалъ для гончарнаго производства, для керамики. Центромъ этого производства были Аѳины. Аѳинскія керамическія издѣлія проникли далеко на востокъ и на западъ—въ глубину Малой Азіи, на Кипръ, въ Сицилію, въ Италію. Бѣдная хлѣбомъ, Аттика была богата оливками, и оливковое масло составляло важный предметъ вывоза.

Вообще, какъ уже упомянуто, то было время, когда съ одной стороны развивалась промышленность, торговля, входили въ употребленіе и получали большое значеніе деньги, возвышалась новая сила—демосъ, а съ другой стороны усиливались произволъ и злоупотребленія господствующей аристократіи, тяжелый экономическій гнетъ, отъ котораго страдала масса земледѣльческаго населенія, и ея задолженность. Недовольство массы, броженіе въ ея средѣ, борьба со знатью,—все это создаетъ благопріятныя условія и почву для тиранніи, которая въ ту пору составляла обычное явленіе въ Греціи.

Въ 30-хъ годахъ VII в. молодой знатный аѳинянинъ, по имени Килонъ, зять мегарскаго тиранна Ѳеагена, дѣлаетъ попытку овладѣть властью въ Аѳинахъ. Съ помощью друзей и даннаго ему тестемъ отряда онъ захватываетъ акрополь. Но противъ него поднялось населеніе Аттики все поголовно, и Килонъ съ приверженцами былъ осажденъ. Самъ онъ успѣлъ бѣжать; сторонники же его сдались, положившись на обѣщаніе, что они будутъ пощажены.

Обѣщаніе было нарушено, и приверженцы Килона избиты, причемъ нѣкоторые изъ нихъ погибли у самыхъ алтарей боговъ.

Такъ неудачно кончилась попытка Килона. Но она надолго оставила послѣ себя тяжелый слѣдъ въ аѳинской исторіи. Началась продолжительная война съ Мегарой, тираннъ которой Ѳеагенъ мститъ аѳинянамъ за неудачу Килона и гибель его сторонниковъ. Островъ Саламинъ, у самаго берега Аттики, перешелъ въ руки мегарянъ, если вѣрить преданію. Аттика находилась какъ-бы въ блокадѣ; сообщенія моремъ крайне затруднены, берега въ опасности; подвозъ хлѣба, въ которомъ страна нуждалась, стѣсненъ. Въ довершеніе всего угнетенное настроеніе овладѣло народомъ: при подавленіи Килонова возстанія совершено было святотатство—пропита кровь на священномъ мѣстѣ, и народъ ждетъ небесной кары за осквернение святынь и алтарей. Вина за происшедшее падала главнымъ образомъ на архонтовъ, въ особенности на тогдашняго перваго архонта Мегакла изъ фамиліи Алкмеонидовъ, руководившаго подавленіемъ Килонова возстанія. И послѣ долгаго промежутка надъ святотатцами состоялся судъ; родъ ихъ преданъ вѣчному изгнанію. Такая кара постигла Алкмеонидовъ и такъ положено было начало разрыву между этою могущественною фамиліей и остальною аѳинскою аристократіею.

Законодательство Дракона. Тяжесть положенія и зависимость демоса отъ евпатридовъ увеличивало то обстоятельство, что въ Аѳинахъ не было тогда еще писанныхъ законовъ и судъ находился въ рукахъ аристократіи. И первое требованіе, съ которымъ выступилъ аѳинскій демосъ и на которое согласились евпатриды, было изданіе писанныхъ законовъ. Дѣло это было поручено Дракону, повидимому, одному изъ ѳесмоѳетовъ (около 621 г.). Законы его дошли до насъ лишь въ отрывкахъ. Древніе отмѣчали ихъ жестокость; говорили, что Драконъ почти за всякое преступленіе, даже за мелкое воровство, назначалъ смертную казнь; что онъ писалъ свои законы не чернилами, а кровью. Въ дѣйствительности было не совсѣмъ такъ. По Драконову законодательству убійство преднамѣренное уже различается отъ непреднамѣреннаго; за послѣднее назначается не смертная казнь, а изгнаніе; допускается примиреніе съ ближайшими родственниками убитаго, а въ случаѣ неимѣнія

таковыхъ—съ представителями фратріи; убійство раба наказывается наравнѣ съ убійствомъ свободнаго гражданина; наконецъ, съ убійцей запрещается дурно обращаться.

Что касается „Драконовой конституціи"—того политическаго строя при Драконѣ, который описывается въ дошедшей до насъ „Аѳинской политіи" Аристотеля, то подобный строй для VII в. до Р. Х. является невѣроятнымъ: въ немъ есть черты, не свойственныя тому времени, и надо думать, что „Драконовой конституціи" на самомъ дѣлѣ не было.

Тяжелое положеніе земледѣльцевъ. Несомнѣнно одно—что соціально-экономическихъ отношеній Драконъ не коснулся. Между тѣмъ положеніе массы земледѣльческаго населенія въ Аттикѣ было тяжелое. Помимо корыстолюбія и высокомѣрія знатныхъ, о которомъ говоритъ Солонъ въ своихъ стихотвореніяхъ, оно вызывалось общими причинами—тѣмъ кризисомъ, который происходилъ тогда въ экономической жизни Греціи вслѣдствіе перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, развитія торговыхъ сношеній, привоза дешеваго хлѣба изъ другихъ странъ и проч. Многіе земельные участки были заложены; на нихъ стояли закладные столбы, съ обозначеніемъ имени заимодавца и суммы долга. Число независимыхъ мелкихъ собственниковъ уменьшилось. Многіе попадали въ кабалу. Одни—ѳеты, батраки, и „гектеморы", шестидольники,—обработывали землю, платя владѣльцамъ шестую или, по другому сообщенію, пять шестыхъ урожая; другіе брали взаймы подъ залогъ „тѣла", своей личности, и становились рабами своихъ заимодавцевъ въ случаѣ неуплаты долга. По словамъ Плутарха, въ то время неравенство между богатыми и бѣдными достигло высшей степени, государство находилось въ опасности и казалось, что только съ установленіемъ тиранніи можно возстановить спокойствіе и прекратить смуту; ибо весь демосъ находился въ долгу у богатыхъ. „Многіе принуждены были продавать даже собственныхъ дѣтей", продолжаетъ Плутархъ, „—ибо ни одинъ законъ не запрещалъ этого—и бѣжать изъ государства вслѣдствіе притѣсненій заимодавцевъ. Большинство же—и притомъ наиболѣе энергичное—собиралось и призывало другъ друга не терпѣть долѣе такого положенія, но, избравъ вождемъ надежнаго человѣка, освободить должниковъ, подѣлить землю и совершенно измѣнить строй государства".

Когда Плутархъ выражается, что „весь демосъ находился въ долгу у богатыхъ“, или Аристотель, тоже описывающій тяжелое положеніе демоса, говоритъ, что „вся земля была въ рукахъ немногихъ“, то это—преувеличеніе: существовали еще мелкіе и средніе землевладѣльцы, хотя и обремененные долгами. Но въ общемъ все это изображеніе тяжелаго положенія дѣлъ въ Аттикѣ соотвѣтствуетъ тому, что говоритъ въ своихъ стихотвореніяхъ и современникъ-очевидецъ, дѣятель той эпохи—Солонъ:

„Нынѣ великому граду, безумные, сами готовятъ
Граждане гибель, однѣмъ деньгамъ усердно служа.
Мысли народныхъ вождей беззаконья полны, и придется
Этимъ насильникамъ пить чашу несчастій до дна.
. . . . . .
Такъ богатѣютъ они, путь преступленья избравъ.
. . . . . .
Какъ достоянье святынь, такъ и народъ свой они
Грабятъ безъ всякой пощады, какъ воры, другъ передъ другомъ,
Видно, совсѣмъ не страшась Правды уставовъ святыхъ.
Правда молчитъ, но. творимое все и грядущее зная,
Время свое изберетъ грянуть возмездьемъ на нихъ.
Вотъ разъѣдаетъ уже государство зловредная язва:
Быстро подпало оно подлому рабства ярму.
Рабство же распри внутри пробуждаетъ и спавшія войны,
Войны, отъ коихъ неразъ юности цвѣтъ погибалъ.
Тотчасъ враги государства столицу, для насъ дорогую,
Стали терзать, подобравъ шайку преступныхъ друзей.
Такъ разливается зло средь народа, а гражданъ бѣднѣйшихъ
Множество, цѣлой толпой, гонятъ въ чужую страну.
Проданныхъ съ торга и гнусно окованныхъ узами рабства,
Силой заставивъ нести мерзкое это ярмо.
Такъ всенародное зло въ жилище ко всякому входитъ:
Дольше не могутъ ему двери преградой служить.
Верхъ перепрыгнувъ ограды высокой, оно настигаетъ
Всюду, хотя бы иной скрылся и въ спальнѣ своей“.

И Солонъ говоритъ о поставленныхъ всюду „столбахъ“, о порабощенной „матери-землѣ“, о многихъ проданныхъ или бѣжавшихъ изъ-за нужды на чужбину, долго скитавшихся и забывшихъ было свой языкъ или терпѣвшихъ рабство у себя на родинѣ, о стремленіи къ раздѣлу земли, къ тому, „чтобы всѣмъ имѣть равную ея часть“.

Аттика переживала тяжелую смуту. Крайняя партія изъ недовольныхъ и обездоленныхъ стремилась къ коренному перевороту. Тогда впервые раздалось требованіе: „земля народу".

3. Законодательство Солона.

Солонъ. Въ этотъ моментъ выступаетъ на историческое поприще знаменитый аѳинскій законодатель, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ,—Солонъ.

По происхожденію Солонъ былъ очень знатнаго рода—изъ той фамиліи, къ которой принадлежали прежніе аѳинскіе цари; но онъ не былъ богатъ и по своему положенію и состоянію принадлежалъ къ „среднимъ" гражданамъ. Есть извѣстіе, что Солонъ занимался торговлей. Далекими путешествіями, частью по торговымъ дѣламъ, частью изъ любознательности, онъ расширилъ свой умственный кругозоръ. Стремленіе къ знанію никогда не покидало его даже въ старости. „Старѣю я", говорилъ онъ о себѣ, „но постоянно многому учусь".

По распространенному преданію, Солонъ обратилъ на себя вниманіе прежде всего своимъ стихотвореніемъ, которымъ онъ побудилъ аѳинянъ отвоевать столь необходимый имъ Саламинъ, находившійся тогда въ рукахъ мегарянъ, и въ самомъ предпріятіи принималъ ближайшее участіе. По Аристотелю, къ возвышенію Солона послужилъ нѣсколько иной поводъ. Солонъ былъ поэтъ и въ своихъ стихотвореніяхъ живо отзывался на событія: онъ выражалъ въ нихъ свои политическія воззрѣнія, стремленія, свою скорбь при видѣ общественныхъ бѣдствій, борьбы партій и т. д. Въ стихахъ, которые могутъ быть названы его политическимъ завѣщаніемъ аѳинянамъ, онъ говоритъ о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ „беззаконія" и изображаетъ благотворное дѣйствіе „законности", которая всюду водворяетъ порядокъ и согласіе, все сглаживаетъ, смягчаетъ высокомѣріе и послѣдствія вражды, умѣряетъ гнѣвъ и ненависть. Самъ евпатридъ, Солонъ однако не причислялъ себя къ партіи знатныхъ. Вину въ раздорахъ онъ возлагалъ больше на богатыхъ: въ ихъ „корыстолюбіи и высокомѣріи" онъ видѣлъ причину возникшей вражды. По его мнѣнію, если бы

каждому было предоставлено то, что ему принадлежитъ по справедливости, то не было бы и раздоровъ: „справедливость войны не порождаетъ". Солонъ обращался къ обѣимъ партіямъ и убѣждалъ прекратить возникшій споръ, призывалъ къ примиренію, къ взаимнымъ уступкамъ и справедливости. Вотъ это-то стихотвореніе, по Аристотелю, и обратило всеобщее вниманіе на Солона и побудило аѳинянъ избрать его въ „архонты, посредники и законодатели" и поручить ему устройство государства съ правомъ по своему усмотрѣнію „отмѣнять или сохранять существующее и вводить новое" (по обычной хронологіи—въ 594 г. до Р. Х.).

Сисахѳія. Прежде всего необходимо было облегчить положеніе должниковъ, и Солонъ, ставъ во главѣ дѣлъ, во-первыхъ, „освободилъ демосъ и въ настоящемъ и на будущее время, запретивъ давать въ-займы подъ залогъ тѣла"; это запрещеніе Аристотель называетъ „первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ Солона"; во-вторыхъ, Солонъ „уничтожилъ долговыя обязательства какъ по отношенію къ частнымъ лицамъ, такъ и по отношенію къ государству". Эти мѣры назывались „сисахѳіей", т. е. снятіемъ или стряхиваніемъ бремени. Правда, существовало еще и въ древности иное понятіе о сисахѳіи: думали, что мѣра эта заключалась въ уменьшеніи процентовъ и въ измѣненіи вѣса монеты: изъ одного и того же количества металла вмѣсто прежнихъ 73 монетъ (драхмъ) при Солонѣ стали чеканить 100, благодаря чему должникъ будто-бы получалъ облегченіе на 27% при уплатѣ долга новою монетою. Но это измѣненіе не имѣетъ ничего общаго съ сисахѳіей и имѣло въ виду интересы торговые: это была замѣна монетной системы, введенной впервые на о. Эгинѣ, болѣе легкой, принятой на о. Евбеѣ; благодаря такой замѣнѣ облегчались торговыя сношенія Аѳинъ съ городами, въ которыхъ господствовала евбейская система.

Итакъ, сисахѳія состояла въ запрещеніи займовъ подъ залогъ тѣла и въ уничтоженіи долговъ. По свидѣтельству самого Солона, „мать-земля черная", съ которой онъ снялъ закладные столбы, всюду водруженные, изъ порабощенной стала свободной и демосъ сталъ свободнымъ. Солонъ „возвратилъ въ Аѳины, на божественную родину, многихъ проданныхъ въ рабство или бѣжавшихъ отъ

нужды, долго скитавшихся и успѣвшихъ забыть аттическій языкъ " Солону приписывается также установленіе извѣстнаго предѣла, выше котораго земельное владѣніе не должно было простираться, чтобы предохранить мелкихъ собственниковъ отъ скупки ихъ участковъ и предотвратить на будущее время скопленіе земли въ немногихъ рукахъ.

Имущественные классы и государственный строй. За сисахѳіей послѣдовало преобразованіе Солономъ государственнаго строя и изданіе законовъ. Въ глазахъ аѳинянъ послѣдующихъ вѣковъ Солонъ былъ великимъ законодателемъ и творцомъ ихъ демократіи, отъ котораго вели свое начало чуть-ли не всѣ главныя ихъ учрежденія. Извѣстно стремленіе потомковъ приписывать одному лицу то, что́ являлось плодомъ работы нѣсколькихъ дѣятелей или даже поколѣній, олицетворять въ одномъ образѣ цѣлые періоды развитія. И Солону впослѣдствіи приписывалось многое, что́ въ дѣйствительности ему не принадлежало, что́ возникло или раньше, или позже его. Но было бы ошибкой отвергать сплошь свидѣтельство древности о политическихъ преобразованіяхъ Солона.

Солону приписывается дѣленіе аѳинскихъ гражданъ по имуществу на четыре класса—*пентакосіомедимновъ*, *всадниковъ*, *зевгитовъ* и *ѳетовъ*. Наименьшій доходъ для перваго класса опредѣленъ былъ въ 500 медимновъ хлѣба (отсюда и самое названіе класса: по-гречески *пентакосіой*—500, *медимнъ*—мѣра сыпучихъ тѣлъ, равная 2 четверикамъ или 52,53 литрамъ) или въ 500 метретовъ вина и масла (метретъ—мѣра жидкихъ тѣлъ); для второго класса или всадниковъ—въ 300 медимновъ, для третьяго, зевгитовъ (лицъ, владѣвшихъ упряжкой воловъ, или, вѣрнѣе, „рядовыхъ", т. е. тяжело вооруженныхъ пѣшихъ воиновъ, гоплитовъ)—въ 200. Всѣ остальные граждане, имѣвшіе дохода меньше 200 медимновъ или метретовъ, составляли четвертый классъ, ѳетовъ.

Дѣленіе на классы Солонъ положилъ за основаніе при распредѣленіи правъ и повинностей: права распредѣлялись по классамъ, соотвѣтственно имущественному положенію гражданъ, и повинности соотвѣтствовали правамъ. Только пентакосіомедимны могли занимать должность казначеевъ; только они—и затѣмъ всадники—имѣли право быть архонтами; зато на нихъ лежали и самыя

тяжелыя повинности, такъ называемыя литургіи, особенно впослѣдствіи,—снаряженіе кораблей, постановка хоровъ и т. п. Занимать вообще должности могли только лица первыхъ трехъ классовъ; они же несли и главную тяжесть военной службы. Четвертый классъ по закону не имѣлъ доступа къ должностямъ, но зато и не несъ пока никакихъ повинностей и, наравнѣ съ другими, участвовалъ въ народномъ собраніи и въ народномъ судѣ, гелізѣ.

Для своего времени эта Солонова реформа имѣла большое значеніе. Вводились чрезвычайно важныя начала: во-первыхъ, то, что „каждый имѣетъ право на участіе во власти по мѣрѣ того, насколько онъ служитъ государству и обществу своимъ трудомъ и имуществомъ"; во-вторыхъ, то, что не происхожденіе, не знатность имѣетъ значеніе, а состояніе; человѣкомъ же состоятельнымъ могъ сдѣлаться всякій и незнатный, при энергіи, трудолюбіи и благопріятныхъ обстоятельствахъ, а, слѣдодовательно, даже высшія должности теперь уже перестали быть исключительнымъ достояніемъ и привилегіей родовитой знати. Ѳетамъ предоставлялось участіе въ народномъ собраніи и судѣ: они, прежде безправные и нерѣдко закабаленные, теперь, благодаря сисахѳіи и реформѣ Солона, становятся людьми вполнѣ свободными, гражданами въ полномъ смыслѣ слова: съ точки зрѣнія грека „гражданинъ"—это тотъ, кто участвуетъ въ судѣ и въ правленіи. Словомъ, эта Солонова реформа наносила ударъ замкнутой родовой аристократіи.

Со времени Солона 9 архонтовъ стали составлять одну коллегію. Для избранія ихъ Солонъ, если вѣрить Аристотелю, ввелъ довольно сложную систему: каждая изъ тогдашнихъ 4 филъ предварительно избирала голосованіемъ по 10 кандидатовъ и уже изъ этихъ 40 лицъ по жребію выбирались 9 архонтовъ. Если такъ, то еще при Солонѣ, значитъ, вводится жребій, хотя и въ смѣшанномъ видѣ. Жребій этотъ, однако, нельзя считать демократической мѣрой: приходилось выбирать коллегію, число членовъ которой невозможно было раздѣлить поровну по филамъ—9 архонтовъ, облеченныхъ вдобавокъ неодинаковою властью; и вотъ естественно было прибѣгнуть къ жребію: онъ устранялъ соперничество и борьбу между филами, удовлетворялъ ихъ притязанія на равенство. Избиралъ архонтовъ—или, точнѣе, кандидатовъ въ архонты,—уже не ареопагъ: Солонъ, по словамъ Аристотеля, предоставилъ народу избирать

должностныхъ лицъ и подвергать ихъ отвѣтственности, требовать отъ нихъ отчета.

Народное собраніе *(экклесія)*, существовавшее, вѣроятно, и раньше, при Солонѣ получаетъ бо́льшее значеніе. Въ немъ теперь могли принимать участіе и беты, дотолѣ въ сущности лишенные политическихъ правъ.

При Солонѣ положено начало *геліэи*, народному суду или суду присяжныхъ. Это—одно изъ важнѣйшихъ демократическихъ учрежденій: судъ народный, какъ говоритъ Аристотель, наиболѣе способствовалъ усиленію массы: „ибо будучи господиномъ въ судѣ, демосъ сталъ господиномъ и въ государствѣ".

Въ виду новаго порядка и увеличившагося значенія народнаго собранія являлась потребность въ такомъ учрежденіи, которое бы подготовляло и вносило рѣшенія въ экклесію, вообще завѣдывало текущими административными и финансовыми дѣлами, и Солону приписывается учрежденіе *совѣта четырехсотъ (булэ)*, по 100 членовъ отъ каждой филы.

Учрежденіе геліэи и совѣта четырехсотъ, усиленіе значенія народнаго собранія, предоставленіе народу права избирать должностныхъ лицъ и требовать отъ нихъ отчета, все это, повидимому, должно было отразиться неблагопріятно на положеніи и вліяніи ареопага. Тѣмъ не менѣе, если вѣрить свидѣтельству древнихъ, Солонъ предоставилъ ареопагу важное мѣсто въ строѣ Аѳинскаго государства. По выраженію Аристотеля, онъ поставилъ его „всеобщимъ блюстителемъ и стражемъ законовъ" (каковымъ ареопагъ былъ въ сущности и раньше), охранителемъ государственнаго строя; а по словамъ Плутарха, ареопагъ долженъ былъ подобно якорю предохранять государственный корабль отъ бурь и волнъ и удерживать демосъ въ спокойствіи, не говоря уже о томъ, что онъ являлся судомъ по дѣламъ объ убійствѣ.

Солонъ, очевидно, старался обезпечить прочность введеннаго имъ строя. Интересенъ приписываемый ему законъ, направленный противъ общественнаго безразличія, индифферентизма, который способствуетъ продленію смутъ, кризисовъ, неопредѣленнаго положенія и даетъ возможность отдѣльной личности или сравнительно небольшой группѣ смѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей захватывать власть, подчинять равнодушное большинство и всѣмъ распоря-

жаться: въ виду частыхъ возстаній и того, что нѣкоторые граждане вслѣдстіе безпечности держали себя въ такихъ случаяхъ особнякомъ, Солонъ, говорятъ, издалъ особый законъ, гласившій, что если кто во время возстанія въ городѣ не возьмется за оружіе и не примкнетъ къ той или другой сторонѣ, тотъ лишается чести и политическихъ правъ. Есть, впрочемъ, основаніе думать, что этотъ законъ принадлежитъ болѣе позднему времени.

Уголовное и гражданское законодательство. Въ области уголовнаго и гражданскаго права Солонъ отмѣнилъ законы Дракона, за исключеніемъ тѣхъ, которые касались убійствъ. Въ этой области господствующей чертой Солонова законодательства является *освобожденіе личности*, установленіе *юридическаго* равенства между гражданами; выражаясь словами самого Солона, онъ далъ „законы, равные для простого и благороднаго, установивъ судъ правый по отношенію къ каждому". Солонъ запретилъ продавать людей въ рабство. Онъ предоставилъ каждому право заступаться за обижаемыхъ—обращаться въ судъ въ случаѣ обиды или несправедливости, причиненной другому. Этимъ онъ имѣлъ въ виду помочь слабой массѣ, какъ говоритъ Плутархъ, и этимъ же наносилъ ударъ родовому началу, господству родовой знати. Солонъ предоставилъ каждому, съ нѣкоторыми оговорками, право при безпѣтности завѣщать имущество по своему усмотрѣнію, тогда какъ прежде въ такомъ случаѣ состояніе должно было оставаться за родомъ. Введеніемъ свободы завѣщанія наносился новый ударъ праву родовому.

Рядъ Солоновыхъ мѣръ имѣлъ въ виду поднять и развить матеріальное благосостояніе населенія, торговлю и промышленность, что для малоплодородной Аттики имѣло большое значеніе. Онъ только запретилъ вывозъ полевыхъ продуктовъ, такъ какъ хлѣба не хватало для мѣстнаго населенія, и сдѣлалъ исключеніе для оливокъ, которыми страна была богата. Къ труду Солонъ старался вселить уваженіе и поощрить его. По закону, приписываемому нѣкоторыми Солону, отецъ, не научившій сына какому-либо ремеслу, не имѣлъ права въ старости требовать, чтобы сынъ содержалъ его.

Законы Солона начертаны были на аксонахъ, четыреугольныхъ деревянныхъ вращающихся столбахъ, а копіи ихъ—на камен-

ныхъ столбахъ, кирбахъ. Говорятъ, Солонъ взялъ съ аѳинянъ клятву хранить его законы въ теченіе, по одному преданію,—10 лѣтъ, по другому—100 лѣтъ.

Завершеніемъ дѣла Солона было общее прощеніе, амнистія: кто лишенъ былъ политическихъ и гражданскихъ правъ до архонтства Солона, возстановлялся въ своихъ правахъ, за нѣкоторыми исключеніями.

Характеръ Солоновыхъ мѣръ и отношеніе къ нимъ.

Аристотель говоритъ, что Солонъ установилъ древнюю демократію, прекрасно смѣшавъ разныя начала—олигархическое, аристократическое и демократическое. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Солона „первымъ предстателемъ демоса“ и отъ него ведетъ аѳинскую демократію. Три дѣла Солона Аристотель отмѣчаетъ здѣсь, какъ особенно демократическія: первое и важнѣйшее—запрещеніе давать въ-займы подъ залогъ „тѣла“, затѣмъ—предоставленіе каждому права заступаться путемъ суда за обижаемыхъ и, въ-третьихъ, обращеніе въ народный судъ, дикастерій, „ибо“, какъ сказано уже, „будучи господиномъ въ судѣ, демосъ становится господиномъ и въ государствѣ“. Но строй временъ Солона, разумѣется, далекъ былъ еще отъ послѣдующей демократіи V и IV в. Солонъ заложилъ лишь нѣкоторыя основы для нея.

Солонъ былъ врагъ крайностей. „Ничего чрезъ мѣру“, говорятъ, было его любимымъ изреченіемъ. Онъ—посредникъ и примиритель между двумя борющимися сторонами. Такъ и онъ самъ смотрѣлъ на себя: „народу я далъ столько правъ, сколько надо, чести у него не отнявъ и не давъ лишней; а кто силу имѣлъ и богатствомъ былъ славенъ, я и тѣмъ запретилъ имѣть что-либо неподобающее; я сталъ, распростерши могучій щитъ надъ обоими, и не позволилъ ни той, ни другой сторонѣ одержать несправедливой побѣды“. Или: „я сталъ словно столбъ пограничный между ними, какъ посреди двухъ войскъ“. По мнѣнію Солона, народъ лучше всего слѣдуетъ за вождями, когда онъ ни слишкомъ распущенъ, ни угнетенъ; ибо пресыщеніе порождаетъ наглость, когда много счастья достается людямъ, у которыхъ нѣтъ соотвѣтствующаго ума. По словамъ Аристотеля, Солонъ далъ народу лишь самую необходимую власть, именно—право выбирать должностныхъ лицъ

и требовать отъ нихъ отчета, ибо если бы народъ не имѣлъ и этихъ правъ, то онъ былъ бы рабомъ и врагомъ существующаго строя.

„Если открыто сказать въ упрекъ народу", говоритъ Солонъ, „—никогда бы ему и во снѣ не видѣть того, что̀ онъ теперь имѣетъ, а тѣ, кто знатнѣй и сильнѣй, должны были бы тоже меня хвалить и считать своимъ другомъ".

На самомъ дѣлѣ было не то. Солона постигла обычная участь людей, избѣгающихъ крайностей и стремящихся къ срединѣ. Знатные думали, что онъ оставитъ прежній порядокъ не тронутымъ или лишь слегка его измѣнитъ; демосъ мечталъ о всеобщемъ земельномъ передѣлѣ. Но Солонъ такой передѣлъ называлъ „грабежомъ" и былъ противъ того, чтобы „благородные и простые владѣли равною частью тучной родной земли". Его реформы не удовлетворили ни той, ни другой партіи. Многіе воображали, что онъ возьметъ въ свои руки диктатуру и сдѣлается тираномъ. Солонъ оттолкнулъ отъ себя обѣ крайнія партіи, предпочтя „благо и спасеніе государства" своимъ личнымъ выгодамъ; по его собственнымъ словамъ, вмѣсто „насилія и тиранніи", онъ хотѣлъ дѣйствовать „силою закона". Другой на его мѣстѣ, замѣчаетъ онъ, „не сдержалъ бы народа и не остановился бы, пока не снялъ бы сливокъ и не взболталъ молока".

Разочарованіе и недовольство крайнихъ партій было велико. „Тщетное они задумывали", замѣчаетъ Солонъ по поводу раздѣла земли, „а теперь сердясь смотрятъ косо на меня, словно на врага". Ему приходилось защищаться со всѣхъ сторонъ, „какъ волку среди стаи псовъ". Но Солонъ зналъ, что „въ великомъ дѣлѣ трудно всѣмъ угодить". Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія Солонъ говорилъ: „я исполнилъ, что̀ обѣщалъ". Онъ могъ призвать въ свидѣтели „мать-землю черную, прежде порабощенную, нынѣ свободную", возвращенныхъ имъ изъ рабства и законы, равные для всѣхъ, „какъ для простого, такъ и для знатнаго". Солонъ вывелъ Аѳины изъ тяжелаго кризиса, смягчилъ его и отнялъ у него острый характеръ. Его законодательная дѣятельность оставила глубокій слѣдъ въ аѳинской исторіи. Зародыши и начала, положенные Солономъ, выросли и потомъ пышно развились; нѣкоторыя положенія перешли и въ римское право, а оттуда—въ современное.

Но плоды этой дѣятельности обнаружились больше впослѣдствіи. Непосредственно же послѣдовавшія затѣмъ событія показали,

что Солону на первыхъ порахъ не суждено было имѣть полнаго успѣха, что введенный имъ строй неустойчивъ. Оказалось, что Аѳины все-же не могли миновать *тиранніи*.

4. Тираннія Писистрата и его сыновей.

Новыя смуты и партіи. На пятый годъ послѣ архонтства Солона смуты дошли до того, что аѳиняне не могли выбрать перваго архонта. Черезъ четыре года повторилось то же; а затѣмъ черезъ такой же промежутокъ времени избранъ былъ въ архонты Дамасій, который самовольно оставался въ должности болѣе двухъ лѣтъ, пока не былъ прогнанъ силою. Тогда (въ концѣ 80-хъ годовъ VI в.) состоялось соглашеніе между партіями: постановлено было избрать *десять* архонтовъ: 5 изъ евпатридовъ, 3 изъ агройковъ, т. е. геоморовъ, и 2 изъ деміурговъ. Дамасій, очевидно, стремился къ тиранніи; избраніе 10 архонтовъ является побѣдой неевпатридовъ (послѣднимъ предоставлена половина мѣстъ въ коллегіи); число архонтовъ 10 необычно и вмѣсто пентакосіомедимновъ предъ нами тутъ опять до-Солоновы сословія. Впрочемъ, это нововведеніе просуществовало недолго и борьба партій продолжалась.

Во то время въ Аттикѣ выступаютъ три партіи, которыя распредѣлялись по мѣстностямъ, по районамъ. Это были, во-первыхъ, *педіэи* (или педіаки), жители „равнины", самой плодородной части Аттики, крайняя аристократическая партія, состоявшая изъ богатыхъ землевладѣльцевъ-евпатридовъ и стремившаяся къ возстановленію стараго, до-Солонова порядка. Во-вторыхъ,—*параллы* или *параліи*, жители „береговой полосы", партія умѣренная, сторонница „средняго строя",—строя, введеннаго Солономъ. Состояла она преимущественно изъ торговцевъ и промышленниковъ, представителей не столько землевладѣльческой и родовой знати, сколько движимости. Вождемъ параловъ былъ Мегаклъ, изъ фамиліи Алкмеонидовъ, зять сикіонскаго тиранна Клисѳена. Наконецъ, третья партія—*діакріевъ*, сосредоточивавшаяся главнымъ образомъ въ бѣдной, малоплодородной, холмистой части Аттики. Состояла она изъ ѳетовъ, мелкихъ крестьянъ и пастуховъ, поденщиковъ и батраковъ. Къ ней примкнули также тѣ, кто вслѣдствіе Солоновой

сисахѳіи лишился полученія долговъ и обѣднѣлъ. Это была партія наиболѣе демократическая, крайняя, раздраженная противъ богатыхъ, неудовлетворенная Солоновыми реформами, мечтавшая о коренномъ переворотѣ, передѣлѣ земли и т. п.

Писистратъ. Во главѣ діакріевъ сталъ Писистратъ, по происхожденію тоже аристократъ, снискавшій себѣ особую популярность въ народѣ. Онъ имѣлъ славу счастливаго полководца. Въ возобновившейся войнѣ съ Мегарой онъ окончательно упрочилъ за аѳинянами обладаніе Саламиномъ. Съ военными заслугами и доблестями Писистратъ соединялъ обходительность, умѣнье располагать къ себѣ массу; онъ приходилъ на помощь бѣднымъ, обнаруживалъ гуманное отношеніе даже къ врагамъ, а больше всего, казалось, любилъ равенство. Онъ-то и выступилъ въ роли вождя и защитника демоса, пролагая себѣ путь къ тиранніи. Нарочно ранивъ себя, Писистратъ явился на площадь къ народу, жаловался на преслѣдованія враговъ и просилъ дать ему охрану. Его просьбу исполнили. И вотъ Писистратъ, опираясь на отрядъ тѣлохранителей—„дубиноносцевъ", палочниковъ—завладѣлъ акрополемъ и сдѣлался тиранномъ (561/0 г.).

На первый разъ, однако, Писистрату недолго пришлось властвовать. Прежніе соперники, Мегаклъ, стоявшій во главѣ параловъ, и Ликургъ, предводитель педіэевъ, соединились противъ него, и онъ принужденъ былъ покинуть Аѳины. Писистратъ удалился въ Мараѳонъ, средоточіе его партіи, діакріевъ. Но съ его удаленіемъ рушился союзъ Мегакла съ Ликургомъ, и Мегаклъ вступилъ въ соглашеніе съ Писистратомъ; между ними условлено было, что Писистратъ возвратится въ Аѳины и женится на дочери Мегакла. Писистратъ вторично завладѣлъ властью, но скоро разошелся съ Мегакломъ и долженъ былъ оставить Аѳины. На этотъ разъ онъ удалился на македонское побережье и на берега рѣки Стримона, въ мѣстность, богатую металлами, гдѣ онъ владѣлъ рудниками и гдѣ впослѣдствіи въ V в. аѳиняне старались утвердиться, основавъ Амфиполь. Добывъ средства и нанявъ войско, Писистратъ, кромѣ того, получаетъ поддержку съ разныхъ сторонъ, входитъ въ сношенія съ своей партіей въ Аѳинахъ, вступаетъ во главѣ войска въ Аттику и въ битвѣ при Палленѣ наноситъ пораженіе против-

никамъ. Теперь Писистратъ прочно утвердился во власти, сохранилъ ее до самой смерти и передалъ ее своимъ сыновьямъ. Такъ передаютъ наши источники о двукратномъ изгнаніи и возвращеніи Писистрата въ Аѳины (есть, однако, мнѣніе, что онъ былъ изгоняемъ и возвращался опять къ власти не дважды, а одинъ разъ).

Правленіе Писистрата. Торжество Писистрата было ударомъ для евпатридовъ. Нѣкоторые изъ его соперниковъ и противниковъ пали, другіе волей или неволей удалились изъ Аѳинъ; большая часть ихъ имѣній была конфискована; третьи покорились власти тиранна и даже поддерживали ее. Но государственныхъ учрежденій и законовъ Писистратъ не тронулъ. Попрежнему существовалъ, напр., ареопагъ, и разсказываютъ даже, что Писистратъ, кѣмъ-то обвиненный, предсталъ на судъ его; но обвинитель не явился. Попрежнему существовали и архонты; только Писистратъ старался проводить на эту должность своихъ родственниковъ: повидимому, тотъ смѣшанный способъ избранія, который Аристотелемъ приписывается Солону (см. выше стр. 25) и при которомъ, благодаря жребію, могли проходить въ архонты лица, нежелательныя для тиранна, не примѣнялся и замѣненъ былъ прямымъ голосованіемъ. Гражданъ Писистратъ постарался разоружить. Въ его распоряженіи находились отрядъ войска и богатыя матеріальныя средства. Изъ рудниковъ на берегахъ Стримона онъ получалъ большіе доходы. Кромѣ того, онъ установилъ сборъ въ размѣрѣ одной десятой или, по другому свидѣтельству, одной двадцатой части съ дохода.

Но не только это служило опорой Писистрату. Античное преданіе рисуетъ намъ его въ образѣ гуманнаго, мягкаго, снисходительнаго властителя, соблюдающаго законы, правящаго „умѣренно, скорѣе какъ гражданинъ, нежели какъ тираннъ“. Особенно заботился Писистратъ о сельскомъ классѣ; нуждающихся онъ снабжалъ скотомъ и сѣменами, давалъ имъ въ ссуду деньги на обработку земли и проч. Словомъ, онъ открылъ для сельскаго населенія государственный кредитъ. Лучшее средство упрочить свою власть Писистратъ видѣлъ въ поднятіи благосостоянія массы; онъ полагалъ, что населеніе, пользующееся достаткомъ, не будетъ стремиться къ перемѣнѣ, къ сверженію его власти. Въ дѣлѣ экономическихъ реформъ Писистратъ завершилъ то, что̀ начато было

Солономъ. Открывъ кредитъ и оказавъ помощь земледѣльческому классу, Писистратъ устранилъ самыя причины тяжкаго положенія этого класса. Благосостояніе массы, а вмѣстѣ и дальнѣйшій ростъ демоса были имъ упрочены. Послѣ Солона и Писистрата мы больше уже не слышимъ ни о такомъ тяжкомъ земледѣльческомъ кризисѣ, ни о гектеморахъ и ихъ печальной долѣ въ Аттикѣ.

Большое вниманіе Писистратъ обращалъ на правосудіе. Онъ часто самъ объѣзжалъ страну, на мѣстѣ разрѣшая споры и надзирая за правосудіемъ. Для сельскаго населенія онъ учредилъ „судей по демамъ", т. е. по сельскимъ общинамъ, волостямъ.

При Писистратѣ въ Аѳинахъ развилась широкая строительная дѣятельность: предпринята постройка новыхъ храмовъ, полезныхъ сооруженій, въ родѣ водопровода и водоема, что для города, нуждавшагося въ водѣ, было очень важно; проведены прекрасныя дороги изъ Аѳинъ въ окрестности, причемъ тутъ главная заслуга принадлежала одному изъ Писистратовыхъ сыновей, Гиппарху, и т. д. Все это способствовало не только украшенію и благоустройству города, но и давало заработокъ рабочимъ и ремесленникамъ, имѣло, слѣдовательно, значеніе соціально-политической мѣры. Тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, Писистратъ является предшественникомъ Перикла. При немъ же введено содержаніе на государственный счетъ инвалидовъ, получившихъ увѣчье на войнѣ.

Вообще Писистратъ, по словамъ Аристотеля, не угнеталъ народа, а доставлялъ ему внутренній миръ и спокойствіе, и впослѣдствіи часто говорили, что „время Писистратовой тираніи— это вѣкъ Кроноса", золотая пора. Въ исторіи развитія аѳинской демократіи тираннія Писистрата является важнымъ моментомъ, подготовкой къ послѣдующему господству демоса: она должна была содѣйствовать соціальному и политическому равенству; знатные должны были подчиниться общимъ для всѣхъ законамъ и господствовавшей надъ всѣми власти тиранна; страстная борьба и смуты на время улеглись; Солоновы законы, не тронутые Писистратомъ, могли войти въ самую жизнь; благосостояніе массы поднялось; демосъ окрѣпъ.

Въ исторіи внѣшняго могущества Аѳинъ правленіе Писистрата занимаетъ также чрезвычайно важное мѣсто. Аѳинскій тираннъ

далеко простеръ политическія связи и свое вліяніе. Онъ находился въ союзѣ съ другими тираннами и со многими областями; онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ со Спартой. Уже при немъ аѳинскому вліянію подчинены были важнѣйшіе изъ Цикладскихъ острововъ; аѳиняне уже тогда пріобрѣли опорные пункты въ мѣстахъ, чрезвычайно важныхъ въ торговомъ и военномъ отношеніяхъ,— на македонскомъ побережьѣ, у Геллеспонта, на путяхъ въ Понтъ, тамъ, гдѣ впослѣдствіи широко распространилось аѳинское господство. При Писистратѣ было какъ-бы намѣчено то, что въ болѣе широкихъ размѣрахъ совершено Аѳинами V в., въ пору расцвѣта ихъ демократіи и внѣшняго могущества. Писистратъ является тутъ предшественникомъ Ѳемистокла и Аристида, Кимона и Перикла.

Это время важно и въ исторіи искусства, въ частности— скульптуры и керамики. Тогда совершались крупныя перемѣны и въ религіозной, и въ умственной жизни. Писистратъ содѣйствовалъ развитію почитанія Діониса, бога земледѣльческаго сельскаго класса, а въ особенности почитанія богини Аѳины: повидимому, съ его времени ведетъ начало праздникъ „Великихъ Панаѳиней". Писистратъ и его сыновья покровительствовали поэтамъ и художникамъ. Вообще при дворѣ аѳинскаго тиранна обнаруживалась живая умственная и поэтическая дѣятельность. Нѣкоторыя черты того времени напоминаютъ намъ эпоху Итальянскаго Возрожденія.

Паденіе тираніи. Писистратъ умеръ въ старости въ 528/7 г. Власть перешла къ его сыновьямъ. Изъ нихъ болѣе выдавались Гиппій и Гиппархъ, которые и стояли во главѣ дѣлъ. Руководилъ правленіемъ собственно Гиппій, какъ старшій и одаренный отъ природы способностями государственнаго дѣятеля. Гиппархъ же былъ любитель музъ и другъ поэтовъ—Анакреона, Симонида и др., которыхъ онъ приглашалъ въ Аѳины; онъ ближе стоялъ къ искусству и къ литературѣ. Это былъ „Лаврентій Великолѣпный" древности.

Первое время по смерти Писистрата его сыновья правили такимъ же образомъ, какъ и онъ. Но положеніе сыновей было затруднительнѣе. Владычество тирановъ становилось тягостнымъ не для однихъ только евпатридовъ, но и для демоса, прежде столь

нуждавшагося въ тиранніи, какъ демократической диктатурѣ, а теперь бывшаго въ состояніи обойтись и безъ нея, начинавшаго стремиться къ большей самостоятельности и свободѣ. Притомъ сыновья Писистрата не имѣли за собою тѣхъ заслугъ, которыя дѣлали ихъ отца столь популярнымъ и которыя въ глазахъ многихъ давали ему право на власть; они должны были сознавать, что ихъ власть не имѣетъ законной почвы. Вдобавокъ, они иногда позволяли себѣ поступки, которые вызывали раздраженіе и месть. Однимъ изъ такихъ поступковъ и былъ вызванъ заговоръ двухъ молодыхъ аѳинянъ, Гармодія и Аристогитона. Гиппархъ, воспылавшій страстью къ Гармодію, но отвергнутый имъ, нанесъ оскорбленіе сестрѣ его, устранивъ ее, яко-бы недостойную, отъ участія въ праздничной процессіи. Тогда Гармодій и Аристогитонъ рѣшились отомстить и составили заговоръ съ цѣлью убить тирановъ. Они хотѣли привести въ исполненіе это во время празднованія Панаѳиней. Но замыселъ ихъ не вполнѣ удался: заговорщикамъ удалось умертвить лишь Гиппарха. Гармодій погибъ тутъ же на мѣстѣ, а Аристогитонъ потомъ умерщвленъ.

Заговоръ этотъ былъ дѣломъ личной мести; но память о Гармодіи и Аристогитонѣ долго хранилась въ Аѳинахъ: ихъ чтили, какъ тираноубійцъ и освободителей; имъ воздвигнуты были статуи на площади и т. д. Это показываетъ намъ, какъ смотрѣли впослѣдствіи въ демократическихъ Аѳинахъ на тиранію и тираноубійство.

Послѣ гибели Гиппарха Гиппій сталъ подозрительнѣе, суровѣе. Тирання сдѣлалась жестокою: Гиппій мстилъ за смерть брата, многихъ казнилъ или изгналъ; но этимъ внушалъ къ себѣ еще больше недовѣрія и ненависти. Между тѣмъ Писистратиды лишались опоръ извнѣ, одного союзника за другимъ; въ самыхъ Аѳинахъ оппозиція росла, а за границею Аттики дѣйствовали политическіе изгнанники. Во главѣ ихъ стояли Алкмеониды, которые и берутся за низверженіе тиранніи.

Алкмеониды были знатны, богаты и вліятельны. Ихъ связи простирались далеко, даже за предѣлы Греціи. Они пріобрѣли могущественнаго по своему вліянію союзника въ дельфійскомъ оракулѣ, и оракулъ побуждаетъ Спарту положить конецъ тиранніи въ Аѳинахъ. Были, кромѣ того, и чисто политическія

причины, побуждавшія Спарту выступить противъ Писистратидовъ: это—союзъ послѣднихъ съ Аргосомъ, давнишнимъ соперникомъ и врагомъ Спарты. Во главѣ большого войска въ Аттику является самъ спартанскій царь Клеоменъ. Гиппій заперся въ акрополѣ. Клеоменъ вмѣстѣ съ аѳинянами, „желавшими свободы", осаждаетъ его. Гиппій, послѣ того, какъ его сыновья, которыхъ онъ хотѣлъ отправить въ безопасное мѣсто, попали въ руки осаждающихъ, вступилъ въ переговоры. Онъ долженъ былъ покинуть Аттику и удалился подъ покровительство персовъ.

Такъ положенъ былъ конецъ тиранніи въ Аѳинахъ въ 510 г. до Р. Х.

5. Реформы Клисѳена.

Клисѳенъ. Съ паденіемъ тиранніи въ Аѳинахъ возобновилась внутренняя борьба: Исагоръ, стоявшій во главѣ аристократической партіи, боролся съ Клисѳеномъ Алкмеонидомъ, освободителемъ Аѳинъ. Когда партія Исагора оказалась сначала сильнѣе, побѣжденный ею Клисѳенъ становится вождемъ демоса. По словамъ Аристотеля, онъ привлекъ демосъ на свою сторону, отдавая государственное управленіе массѣ, и несмотря на то, что Исагору помогалъ спартанскій царь Клеоменъ, Клисѳенъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Между нимъ и Солономъ большое различіе: Солонъ—посредникъ между партіями, а Клисѳенъ—вождь партіи, рѣшительно ставшій на сторону демократіи, и если кого можно назвать основателемъ демократіи въ Аѳинахъ, то скорѣе всего Клисѳена: его реформы направлены были къ тому, чтобы доставить рѣшительный перевѣсъ началамъ демократическимъ надъ аристократическими.

Въ ряду Клисѳеновыхъ реформъ главная—*введеніе новыхъ десяти филъ* (508/7 г.).

Новыя филы и демы. Реформы Солона и тираннія Писистрата немало сдѣлали для усиленія демоса и ограниченія аристократіи. Но все-таки знатные роды пользовались еще громаднымъ вліяніемъ въ государствѣ, и въ Аѳинахъ до тѣхъ поръ не могло

быть демократіи въ дѣйствительности, пока старинныя четыре филы сохраняли политическое значеніе, такъ какъ въ этихъ филахъ преобладала знать и подчиняла своему вліянію остальныя сословія. И вотъ, чтобы сломить могущество аристократическихъ родовъ, Клисѳенъ отнимаетъ у прежнихъ четырехъ филъ политическое значеніе и, оставивъ за ними лишь роль родовыхъ и религіозныхъ союзовъ, создаетъ *новыя десять филъ*, между которыми всѣ граждане Аттики распредѣляются не по своему происхожденію, а по мѣсту жительства, и къ которымъ переходитъ политическое вліяніе, такъ какъ теперь примѣнительно къ этому новому дѣленію организуются и государственныя учрежденія, должности, участіе гражданъ въ служеніи государству—въ управленіи и въ войскѣ.

Но Клисѳеновы филы не представляли собой сплошныхъ, цѣльныхъ территорій. Вспомнимъ, что въ Аттикѣ существовали одно время партіи, распредѣлявшіяся по мѣстностямъ, что извѣстные уже намъ педіэи, паралы и діакріи соотвѣтствовали тремъ районамъ страны, изъ которыхъ въ каждомъ господствовала одна изъ этихъ партій. Надо было предотвратить развитіе обособленности различныхъ частей Аттики, развитіе мѣстныхъ партій, преобладаніе мѣстныхъ интересовъ надъ общими; надо было по возможности „перемѣшать“ населеніе. Клисѳенъ достигаетъ этого слѣдующимъ образомъ. Вводя новыя филы, онъ раздѣлилъ Аттику на 30 частей, изъ которыхъ 10 находились вокругъ города, 10—вдоль берега, а 10—въ срединѣ страны, и эти 30 частей, называвшихся *триттіями*, т. е. третями, распредѣлены были по жребію между 10 новыми филами, по 3 триттіи на филу, такъ, чтобы каждая фила имѣла свою часть во всѣхъ мѣстностяхъ. Другими словами, каждая фила состояла изъ 3 триттій, которыя находились въ 3 разныхъ районахъ: одна—въ городскомъ округѣ, соотвѣтствовавшемъ педіэѣ, другая—въ береговой полосѣ, параліи, и третья—въ серединѣ Аттики, гдѣ была прежняя діакрія. Такимъ образомъ въ составъ каждой филы входили части изъ разныхъ районовъ.

Дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ филъ и триттій были *демы*, на которые раздѣлена была территорія Аттики и которыхъ было въ общемъ болѣе 100. Распредѣлены они были по триттіямъ, такъ-что принадлежавшіе къ одной и той же филѣ демы расположены были въ упомянутыхъ трехъ разныхъ округахъ. Что касается

самаго города Аѳинъ, то Клисѳенъ не причислилъ его къ одной какой-либо филѣ, а разбилъ на нѣсколько демовъ, принадлежавшихъ къ разнымъ филамъ, съ цѣлью не допустить преобладанія одной какой-либо филы надъ прочими, города—надъ остальною страною, такъ какъ если бы Аѳины составили отдѣльную филу или цѣликомъ вошли въ составъ одной какой-либо, то такая фила заняла бы, конечно, особое привилегированное положеніе.

Демы были различной величины и съ неодинаковымъ числомъ населенія. Были, напр., малолюдные демы, всего въ нѣсколько десятковъ демотовъ (членовъ дема), и такіе многолюдные, какъ Ахарны, могшіе выставить, если вѣрить Ѳукидиду, до 3000 гоплитовъ.

Клисѳенъ далъ демамъ особую организацію и предоставилъ самоуправленіе. Уже онъ отлично понималъ, что безъ такой основы, безъ мѣстнаго самоуправленія, непрочна будетъ и самая демократія, и политическая свобода. Демы имѣли свое общинное управленіе, своихъ должностныхъ лицъ, свои собранія, свои общинныя земли, свои средства, свои жречества, празднества. Во главѣ дема стоялъ выборный, ежегодно смѣнявшійся старшина, *демархъ*. Кромѣ того, въ демахъ были казначеи и нѣкоторыя другія мѣстныя должностныя лица. Недаромъ демы иногда называютъ „мелкой земской единицей".

Собраніе дема, обыкновенно немноголюдное, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, обсуждало мѣстные нужды и вопросы, избирало должностныхъ лицъ, распоряжалось своими финансами, мѣстными доходами и расходами, иногда являлось посредникомъ и примирителемъ по отношенію къ демотамъ; оно награждало вѣнкомъ, почетнымъ мѣстомъ въ театрѣ или освобожденіемъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ повинностей лицъ, оказавшихъ услуги дему. Выборы на нѣкоторыя государственныя должности производились по демамъ. Но едва-ли не главнымъ дѣломъ, подлежавшимъ вѣдѣнію собранія дема, было внесеніе въ списокъ, въ общинную книгу, молодыхъ демотовъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста и становившихся съ этого времени совершеннолѣтними, правоспособными гражданами, и ревизія или провѣрка правъ гражданства,—дѣйствительно ли данное лицо аѳинскій гражданинъ и правильно ли внесено въ списокъ.

Десять новыхъ филъ получили названія по имени нѣкоторыхъ древнихъ, миѳическихъ героевъ Аттики. Что касается

прежнихъ четырехъ родовыхъ филъ, то онѣ не были окончательно отмѣнены: онѣ продолжали существовать, но уже безъ политическаго значенія и вліянія, лишь какъ родовые и религіозные союзы. Для усиленія же демократической части населенія Клисѳенъ принялъ въ число гражданъ, „ввелъ въ филы", многихъ иностранцевъ и рабовъ-метэковъ, т. е. вольноотпущенниковъ (метэки—чужеземцы, поселившіеся въ Аттикѣ).

Такова основная и самая важная реформа Клисѳена. Она нанесла сильнѣйшій ударъ преобладанію аристократіи, родовому строю и утвердила въ Аѳинахъ демократію. Новыя филы являлись извѣстными территоріальными единицами, имѣвшими политическое значеніе. Граждане распредѣлялись между ними не по происхожденію, а по мѣсту жительства. Политическому вліянію родовъ насталъ конецъ... Уже Аристотель понялъ всю глубокую важность Клисѳеновыхъ нововведеній. Для крайней демократіи, говоритъ онъ, „полезны мѣры, подобныя тѣмъ, какія употребилъ Клисѳенъ въ Аѳинахъ, желая усилить демократію...: слѣдуетъ образовать новыя филы и фратріи и увеличить ихъ число..., и все измыслить, чтобы какъ можно больше перемѣшать всѣхъ гражданъ между собою, а прежнія сообщества расторгнуть". И дѣйствительно, Клисѳенъ „перемѣшалъ всѣхъ гражданъ", устранилъ вліяніе мѣстныхъ партій и стремленій, связалъ неразрывно различныя мѣстности Аттики, городъ и окружающую его территорію, и этимъ вполнѣ довершилъ объединеніе страны. Нѣкоторое подобіе Клисѳеновой реформѣ можно видѣть въ новѣйшей исторіи—во Франціи во времена революціи конца XVIII стол., когда прежнее, исторически сложившееся дѣленіе страны на провинціи замѣнено было дѣленіемъ на департаменты.

Преобразованіе совѣта. Съ учрежденіемъ новыхъ десяти филъ связанъ и рядъ другихъ реформъ Клисѳена. Примѣнительно къ новому дѣленію—и въ болѣе демократическомъ духѣ—пресбразовываются нѣкоторыя государственныя учрежденія, приспособляются или вводятся должности и т. д. Такъ, совѣтъ (булэ), состоявшій прежде изъ 400 членовъ, по 100 отъ каждой изъ 4 филъ, Клисѳенъ преобразовалъ въ *совѣтъ пятисотъ*, по 50 членовъ отъ каждой новой филы. Совѣтъ получилъ вообще новую организацію. Текущими дѣлами занимался не полный его составъ, а 50 членовъ

одной и той же филы, составлявшіе одинъ изъ 10 комитетовъ, на которые дѣлился совѣтъ, и называвшіеся *пританами*. Каждый изъ этихъ комитетовъ по очереди, опредѣляемой въ началѣ года жребіемъ, вѣдалъ дѣла въ теченіе одной десятой части года, такъ называемой *пританіи*, т. е. въ теченіе 35—36 дней въ обыкновенный годъ и 38—39 въ високосный. Члены совѣта выбирались по демамъ соотвѣтственно величинѣ демовъ и числу населенія. Такимъ образомъ, въ совѣтѣ пятисотъ демы не только имѣли своихъ представителей: совѣтъ этотъ представлялъ собой въ миніатюрѣ, въ маломъ видѣ, весь народъ, былъ какъ-бы его олицетвореніемъ. Въ строѣ Аѳинскаго государства онъ занималъ важное мѣсто.

Что касается народнаго собранія, то оно теперь, разумѣется, созывалось чаще и вообще значеніе его со времени Клисѳена возросло. Возросло и значеніе геліэи, суда присяжныхъ, возникшаго еще при Солонѣ, а дальнѣйшее устройство получившаго лишь впослѣдствіи, въ V и IV стол. Вслѣдствіе увеличившагося значенія преобразованнаго совѣта, народнаго собранія и геліэи, власть и вліяніе архонтовъ, конечно, съуживались и склонялись къ упадку.

Стратеги. При Клисѳенѣ учреждена была должность *стратеговъ*, полководцевъ, которыхъ было 10, соотвѣтственно 10 филамъ. Стратеги первоначально избирались изъ каждой филы по одному, но потомъ ихъ стали выбирать изъ всѣхъ филъ, безъ отношенія къ послѣднимъ. Главнокомандующимъ пока оставался полемархъ, но впослѣдствіи начальство надъ войскомъ перешло къ стратегамъ,—должности, какъ увидимъ, вообще ставшей очень важной и вліятельной, вѣдѣнію которой подлежали не одни военныя дѣла, а и другія. Учрежденіе этой должности въ свою очередь вело къ ограниченію власти архонтовъ.

Остракизмъ. Клисѳену приписывается еще введеніе *остракизма*, который состоялъ въ томъ, что въ особомъ народномъ собраніи каждый присутствовавшій аѳинянинъ писалъ на черепкѣ (по-гречески черепокъ—*остраконъ*, отсюда и названіе *остракизмъ*) имя того лица, которое казалось ему опаснымъ для государства, и тотъ, чье имя оказывалось начертаннымъ на боль-

шинствѣ черепковъ, долженъ былъ удалиться на время въ изгнаніе. Говорятъ, первоначально остракизмъ имѣлъ цѣлью предотвратить тираннію и направленъ былъ противъ попытокъ къ ней, противъ друзей тирановъ. Но впослѣдствіи онъ измѣнилъ свое назначеніе и получилъ другой смыслъ: остракизмъ служилъ средствомъ для прекращенія политической борьбы, для выхода изъ нея, для подавленія оппозиціи; особенно, когда борьба достигала крайняго напряженія и обѣ стороны, казалось, были равносильны, когда не видѣлось исхода, остракизмъ рѣшалъ, кто изъ борющихся противниковъ долженъ уступить, очистить поле для соперника, чье вліяніе и чья политическая программа должны восторжествовать.

Еще въ древности въ примѣненіи остракизма, этого „глинянаго бича", по выраженію одного автора, усматривали проявленіе зависти и нерасположеніе къ тѣмъ, кто выдавался, видѣли стремленіе къ поддержанію равенства,—чтобы никто не возвышался слишкомъ надъ прочими,—стремленіе, свойственное демократіи. Для правильной оцѣнки остракизма нужно, однако, имѣть въ виду тѣ формальности, которыми былъ обставленъ этотъ „судъ черепковъ". Вопросъ о примѣненіи остракизма возбуждался въ опредѣленный лишь срокъ и предлагался сначала въ общей формѣ: признаютъ ли граждане необходимымъ въ данномъ году прибѣгнуть къ остракизму? Только въ случаѣ утвердительнаго отвѣта назначалось особое экстренное народное собраніе, въ которомъ и происходилъ „судъ черепковъ". Для его законности требовалось присутствіе не менѣе 6000 (есть даже мнѣніе, что для дѣйствительности рѣшенія необходимо было, чтобы 6000 написали имя одного и того же лица, подлежащаго изгнанію; слѣдовательно, присутствовать должно было еще больше). Изгнаніе посредствомъ остракизма было въ сущности почетнымъ удаленіемъ: честь удаляемаго не страдала, право гражданства и имущество не отымались; изгнаніе ограничивалось 10 годами, а чаще еще до истеченія этого срока изгнанника возвращали въ Аѳины, и онъ снова могъ занять вліятельное и почетное мѣсто среди гражданъ.

Внѣшняя опасность. Въ то время, какъ Клисѳенъ проводилъ свои реформы, молодой аѳинской демократіи пришлось выдержать опасную борьбу одновременно съ нѣсколькими внѣш-

ними врагами, съ цѣлою коалиціею—со Спартой, съ сосѣдней Беотіей, съ г. Халкидой на о. Евбеѣ, съ островомъ Эгиной. Но аѳиняне вышли побѣдителями.

Эта борьба съ цѣлой коалиціей и торжество надъ внѣшними врагами способствовали упроченію аѳинской демократіи. Внѣшняя опасность сплотила аѳинянъ; многіе изъ знатныхъ фамилій искренно примирились съ новымъ порядкомъ. Благодаря этой опасности, внутренняя борьба стихла на время, а демократія стала неразрывно связанною съ независимостью и достоинствомъ самого государства. Какъ смотрѣли слѣдующія поколѣнія на выдержанную Аѳинами борьбу, на значеніе для нихъ свободы и равенства, показываютъ замѣчанія Геродота: „Такъ аѳиняне возросли въ своемъ могуществѣ", говоритъ „отецъ исторіи". „Не только изъ этого одного, но вообще явствуетъ, какая хорошая вещь гражданская свобода... Будучи подвластны тираннамъ, аѳиняне были нерадивы, работая какъ-бы на господина, а достигнувъ свободы, каждый сталъ стараться, работая для самого себя". Тутъ Геродотъ, однако, забываетъ, что уже при Писистратѣ Аѳины были могущественны.

Между тѣмъ возстановленія Гиппія въ Аѳинахъ требуетъ персидскій сатрапъ Артафернъ или Артафренъ, у котораго аѳиняне просили-было помощи. Вообще съ востока надвигалась страшная гроза: близилось нашествіе персовъ...

6. *Время персидскихъ войнъ.*

Причины войнъ. На западномъ берегу Малой Азіи находились цвѣтущіе іонійскіе и другіе греческіе города-колоніи. Сосѣдняя съ ними Лидія, добиваясь доступа къ морю, вела продолжительную войну съ ними и, наконецъ, подчинила ихъ себѣ. Но вскорѣ персидскій царь Киръ покоряетъ Лидію, а затѣмъ и греческіе города Малой Азіи. На этомъ однако персы не остановились. Древнія восточныя монархіи стремились стать всемірными, все расширяясь и поглощая сосѣдей. Одна за другой онѣ рушатся, входя въ составъ новой, еще болѣе обширной державы, пока, незадолго до Р. Х., не образовалась огромная Римская имперія, охва-

тившая всѣ берега Средиземнаго моря, почти весь извѣстный тогда историческій міръ.

Персидскій царь Дарій предпринялъ походъ противъ скиѳовъ, обитавшихъ въ степяхъ нынѣшней южной Россіи. Двинулся онъ противъ нихъ чрезъ Балканскій полуостровъ и чрезъ Дунай. Такимъ образомъ персы впервые ступили на европейскую почву. Побережье Ѳракіи, греческіе города, Византія, Халкедонъ были покорены; Македонія признала свою зависимость отъ персидскаго царя, власть котораго теперь простиралась до самыхъ границъ европейской Греціи. Одновременно съ этимъ персидское владычество надвигалось и на югѣ, въ Африкѣ, гдѣ ему подчинилась Кирена, не говоря уже о Египтѣ. Такимъ образомъ, наступательное движеніе персовъ широко охватывало греческій міръ. Прибавимъ къ этому уже упомянутое требованіе Артаферна, чтобы аѳиняне возстановили у себя власть Гиппія, отказъ аѳинянъ, натянутыя отношенія между обѣими сторонами, и мы поймемъ, что открытое столкновеніе Греціи съ Персіей было неизбѣжно, являлось лишь вопросомъ времени.

Возстаніе Іоніи. Поводомъ къ нему послужило возстаніе (ок. 500 г. до Р. Х.) противъ персовъ іонійскихъ городовъ въ Малой Азіи во главѣ съ Милетомъ, которому оказали помощь Аѳины, пославшіе 20 кораблей, и г. Эретрія (на о-вѣ Евбеѣ), давшая 5 кораблей. „Эти-то корабли", замѣчаетъ историкъ греко-персидскихъ войнъ Геродотъ, „и положили начало бѣдамъ, какъ для эллиновъ, такъ и для варваровъ". Милетъ былъ взятъ персами и разрушенъ, возстаніе подавлено. Расцѣту Милета и Іоніи насталъ конецъ. Передъ тѣмъ греческія колоніи Малой Азіи въ культурномъ, торговомъ, промышленномъ и политическомъ отношеніи шли впереди европейской Греціи. Теперь первенство во всѣхъ отношеніяхъ переходитъ къ собственно Элладѣ, преимущественно къ Аѳинамъ.

Послѣ покоренія Милета персидскій царь началъ подготовлять походъ противъ европейской Греціи. Къ этому его побуждало не только желаніе наказать аѳинянъ и эретріянъ, но и стремленіе вѣрнѣе обезпечить за Персіей обладаніе греческими городами въ Малой Азіи. Онъ отправилъ въ Грецію пословъ съ требованіемъ „земли и воды", какъ знака покорности. Аѳиняне и спартанцы отказались исполнить это требованіе; но большая часть грековъ повиновалась.

Мильтіадъ и Маравонъ. Предназначенное противъ Греціи персидское войско посажено было на суда и подъ предводительствомъ Датиса и Артаферна направилось отъ береговъ Малой Азіи чрезъ Эгейское море къ нѣкоторымъ изъ Цикладскихъ острововъ, а затѣмъ къ берегамъ Евбеи и Аттики. Цѣлью похода, если вѣрить Геродоту, было „обратить въ рабство жителей Аѳинъ и Эретріи и доставить порабощенныхъ къ царю живыми". Это былъ походъ и противъ аѳинской демократіи: въ станѣ персовъ находился изгнанный тираннъ Гиппій, надѣявшійся на возвращеніе къ власти. Послѣ шестидневнаго штурма, при помощи измѣны, персы овладѣли Эретріей и высадились на сѣверо-восточномъ берегу Аттики близъ Маравона.

Аѳиняне обратились за помощью къ спартанцамъ, но тѣ могли прибыть только чрезъ нѣсколько дней. На помощь къ аѳинянамъ явился лишь отрядъ въ 1000 воиновъ ихъ вѣрнаго союзника, города Платей (въ сосѣдней области Беотіи).

Въ Аѳинахъ на первомъ мѣстѣ мы видимъ тогда Мильтіада, принадлежавшаго къ одной изъ самыхъ знатныхъ аѳинскихъ фамилій, еще недавно богатаго и могущественнаго владѣтеля Херсонеса Ѳракійскаго на берегу Геллеспонта. Во время скиѳскаго похода Дарія ему и другимъ грекамъ поручено было царемъ сторожить мостъ на Дунаѣ до извѣстнаго срока. Когда срокъ прошелъ, Мильтіадъ совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ разрушить этотъ мостъ и тѣмъ обречь персовъ на гибель; но его совѣту не послѣдовали. По возвращеніи Дарія Мильтіадъ бѣжалъ изъ Херсонеса въ Аѳины. Сюда онъ явился съ многочисленной свитой, съ наклонностями и замашками лица, привыкшаго властвовать. Между нимъ и тогдашними Аѳинами, съ ихъ зародившеюся демократіей, было мало общаго: Мильтіадъ не свыкся съ республиканскимъ строемъ Аѳинъ; да и аѳиняне смотрѣли на него подозрительно, какъ на бывшаго тиранна; у него были вліятельные противники. Но Мильтіадъ, хорошо знавшій персовъ, ихъ сильныя и слабыя стороны, ихъ пріемы и способы сражаться, являлся необходимымъ и самымъ подходящимъ вождемъ въ предстоявшей борьбѣ, и его избрали въ стратеги въ тотъ годъ, когда персы подъ начальствомъ Датиса и Артаферна предприняли походъ противъ Греціи. Главнокомандующимъ считался еще полемархъ, но въ дѣйствительности на первомъ планѣ стоятъ стратеги и

въ особенности Мильтіадъ: въ битвѣ при Мараѳонѣ онъ главное дѣйствующее лицо.

Среди аѳинскихъ вождей было разногласіе относительно плана дѣйствій—защищаться ли въ городѣ, въ Аѳинахъ, или же дать сраженіе въ открытомъ полѣ, у Мараѳона? Мильтіадъ стоялъ за послѣднее, и его мнѣніе взяло верхъ. У аѳинянъ было всего 10000 войска; персовъ было больше, но сколько именно, мы въ точности не знаемъ. Чтобы не быть обойденнымъ персами, Мильтіадъ растянулъ линію аѳинскаго фронта такъ, что она равнялась длинѣ персидскаго фронта: ослабивъ центръ, онъ сосредоточилъ главныя силы на крыльяхъ. Когда началось сраженіе, аѳиняне бѣгомъ устремились на персовъ. „Они были первые изъ эллиновъ, напавшіе на врага бѣглымъ маршемъ", замѣчаетъ Геродотъ, „первые могли выдержать видъ мидянъ" (персовъ), „а до тѣхъ поръ одно имя мидянъ наводило ужасъ на эллиновъ". Въ бою на близкомъ разстояніи аѳинская тяжеловооруженная пѣхота, гоплиты, имѣла преимущества надъ персами, легковооруженными, стрѣлками изъ лука. Персы прорвали было аѳинскій центръ, но сдавленные флангами бѣжали (490 г.). Они поспѣшили сѣсть на корабли, чтобы, оплывъ вокругъ Аттики, явиться въ Аѳины и захватить ихъ, прежде, чѣмъ прибудетъ туда греческое войско изъ-подъ Мараѳона: въ Аѳинахъ нашлись измѣнники (молва называла Алкмеонидовъ), которые посредствомъ поднятія щита давали персамъ сигналъ, указывавшій на удобный моментъ для захвата города. Но мараѳонскіе побѣдители успѣли съ поля битвы явиться въ Аѳины, и персы предпочли отплыть обратно въ Азію.

Пользуясь славой и на этотъ разъ неограниченнымъ довѣріемъ, Мильтіадъ убѣдилъ аѳинянъ предоставить въ его распоряженіе флотъ, отрядъ войска и денежныя средства для дѣла, о которомъ онъ опредѣленно не говорилъ, но отъ котораго сулилъ громадныя выгоды для Аѳинъ. Велики были ожиданія народа, но тѣмъ сильнѣе его разочарованіе, когда оказалось, что предпріятіе Мильтіада направлено было противъ одного изъ Цикладскихъ острововъ, Пароса, и что оно окончилось полной неудачей. Образъ дѣйствій Мальтіада вызвалъ сильный ропотъ и негодованіе. Такимъ настроеніемъ народа воспользовались враги Мильтіада, которые выступили съ обвиненіемъ его въ государственной измѣнѣ, въ

томъ, что онъ „обманулъ народъ", и требовали его казни. Больной вслѣдствіе полученной во время осады Пароса раны, лежа на носилкахъ, Мильтіадъ слушалъ обвиненія. самъ не будучи въ состояніи защищаться. Друзья его указывали на прежнія его заслуги, на Марабонскую побѣду, и народъ вмѣсто смертной казни присудилъ Мильтіада къ денежной пенѣ, какъ предлагалъ его защитникъ, въ 50 талантовъ (талантъ—2400 руб. на наши деньги до войны) за причиненный государству ущербъ. Мильтіадъ вскорѣ умеръ, и пеня уплачена была его сыномъ Кимономъ.

Такъ сошелъ съ поприща побѣдитель при Марабонѣ.

Вообще въ годы, наступившіе послѣ Марабонской битвы, въ Аѳинахъ происходитъ внутренняя борьба. Тогда впервые стали примѣнять остракизмъ; послѣдовалъ рядъ изгнаній. Представители знатныхъ фамилій враждовали между собою; одинъ за другимъ подвергались они преслѣдованію, не исключая и Алкмеонидовъ, и должны были на время удалиться изъ Аѳинъ; а демосъ усиливался: наступалъ періодъ его владычества...

Въ 487/6 г. произошла важная по своимъ послѣдствіямъ реформа, касавшаяся способа избранія архонтовъ.

Упадокъ архонтата. Мы видѣли, что введеніе жребія при избраніи архонтовъ, хотя и въ смѣшанномъ видѣ, приписывалось еще Солону. Во время послѣдующихъ смутъ и тиранніи Писистратидовъ жребій однако не примѣнялся: тираннамъ выгоднѣе было простое избраніе посредствомъ голосованія, чтобы имѣть возможность проводить своихъ сторонниковъ. Въ 487/6 г. архонтовъ стали выбирать жребіемъ изъ 500—или, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые, изъ 100—кандидатовъ, предварительно избранныхъ посредствомъ голосованія. Впослѣдствіи и при предварительномъ избраніи голосованіе замѣнено было жребіемъ, но двустепенность выборовъ осталась, какъ своего рода переживаніе,—любопытный примѣръ того консерватизма, желанія сохранить по возможности старыя формы, которые проявляли иногда аѳиняне.

Введеніе жребія при избраніи 9 архонтовъ *изъ столь большого числа предварительно намѣченныхъ голосованіемъ кандидатовъ* знаменуетъ собою паденіе архонтата. Новый способъ выборовъ указываетъ, что прошло уже то время, когда первый

архонтъ являлся первымъ лицомъ въ государствѣ, самымъ вліятельнымъ сановникомъ, а полемархъ—главнокомандующимъ надъ военными силами, когда вообще архонты играли видную роль въ государственномъ строѣ. Прежде въ архонты избирались наиболѣе вліятельныя и выдающіяся лица; теперь всякій заурядный аѳинскій гражданинъ признавался достойнымъ и способнымъ нести обязанности архонта. Перемѣна эта имѣла и дальнѣйшія, чрезвычайно важныя слѣдствія: открывалось поле для дѣятельности *„демагога"*. Первоначально это слово не имѣло того предосудительнаго значенія, которое придается ему теперь; собственно оно значитъ „вождь народа", лидеръ демоса. Въ Аѳинахъ демагогъ становится необходимымъ, хотя самъ по себѣ и не должностнымъ лицомъ въ государствѣ, на дѣлѣ—главнымъ руководителемъ народнаго собранія, внутренней и внѣшней политики. А изъ должностныхъ лицъ выдвигается на первый планъ стратегъ. Такимъ образомъ вліяніе переходитъ къ демагогу и одному изъ стратеговъ. Но во время расцвѣта аѳинской демократіи, до самой смерти Перикла, демагогъ и стратегъ обыкновенно соединяются въ одномъ лицѣ.

Ѳемистоклъ и созданіе флота. Эпоха борьбы съ персами была тѣмъ временемъ, когда создались цвѣтущія Аѳины „Периклова вѣка". Тогда окончательно опредѣлилось направленіе всей дальнѣйшей исторіи ихъ; тогда онѣ вступили на новый путь, которымъ потомъ лишь продолжали идти. Тутъ начало того, что̀ характеризуетъ аѳинскую исторію V в.—морского могущества Аѳинъ, ихъ гегемоніи (первенства или главенства) на морѣ, расцвѣта ихъ демократіи, ихъ литературной и художественной жизни. Вступленію ихъ на новый путь, среди опасности со стороны врага, содѣйствовалъ геній Ѳемистокла.

Ѳемистоклъ не принадлежалъ къ верхнему слою тогдашней аѳинской аристократіи. Онъ—человѣкъ „новый". Отецъ его былъ не изъ очень знатныхъ; мать—не аѳинянка, а чужестранка. Не отличался онъ и образованіемъ. Онъ самъ говорилъ о себѣ, что пѣть и играть на киѳарѣ (музыкальномъ инструментѣ) не учился, но сдѣлать государство великимъ и богатымъ умѣетъ. О Ѳемистоклѣ наши источники сообщаютъ много анекдотовъ, бросающихъ

тѣнь на него. Рѣдко какая другая личность въ греческой исторіи вызывала такую страстную ненависть враговъ. Какихъ только обвиненій не взводили на Ѳемистокла; особенно подчеркивали его непомѣрное честолюбіе, корыстолюбіе, неразборчивость въ средствахъ. Лишь одинъ историкъ древности вполнѣ оцѣнилъ значеніе личности Ѳемистокла. Это—Ѳукидидъ. Онъ отмѣчаетъ, какъ отличительную черту Ѳемистокла, силу природныхъ дарованій, прирожденный проницательный умъ, благодаря которому, даже при отсутствіи образованія, тотъ могъ предусматривать будущее, способность немедленно найтись среди всевозможныхъ обстоятельствъ, руководить всякимъ дѣломъ, быстро изобрѣтать надлежащій планъ дѣйствій. По творчеству мысли, по смѣлости замысловъ Ѳемистоклъ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Эллады. Онъ, по словамъ Ѳукидида, первый отважился сказать, что слѣдуетъ держаться моря. Онъ укрѣпилъ Пирей, устроилъ въ немъ военную гавань, создалъ аѳинскій флотъ и превратилъ Аѳины въ морскую державу.

Въ 483/2 г. Ѳемистоклу удалось осуществить давно задуманный планъ—организовать флотъ. Поводомъ послужила уже давно тянувшаяся война съ Эгиной, воочію показывавшая аѳинянамъ всю необходимость имѣть свой флотъ, а средства дали доходы съ вновь открытыхъ рудниковъ, которые отданы были въ аренду. Когда нѣкоторые совѣтовали народу подѣлить, согласно тогдашнему обыкновенію, доходы съ рудниковъ, то Ѳемистоклъ этому воспротивился и побудилъ аѳинянъ употребить ихъ на постройку флота.

Не безъ тяжелой борьбы осуществилъ Ѳемистоклъ свои планы. Людямъ осторожнымъ, консервативнымъ, его нововведенія должны были внушать опасенія. Зачѣмъ было, по мнѣнію такихъ лицъ, пренебрегать славнымъ прошлымъ, создавать флотъ и этимъ самымъ отодвигать на задній планъ тяжеловооруженную пѣхоту, тѣхъ гоплитовъ, которые такъ доблестно и съ такимъ успѣхомъ сражались на Марѳонскомъ полѣ? не значило ли это оставлять извѣстную, испытанную силу ради новой, еще неиспытанной?... преобразованіе Аѳинъ въ морскую державу не подѣйствуетъ ли разлагающимъ образомъ? не исчезнетъ ли прежняя простота, патріархальность нравовъ, свойственная земледѣльческой странѣ?.. Уже современники Ѳемистокла сознавали, что съ торжествомъ

его плановъ связанъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ, очень важныхъ слѣдствій, что тутъ затронуты интересы многихъ. Словомъ, въ возраженіяхъ и въ противникахъ Ѳемистокловыхъ мѣръ недостатка не было.

Къ числу такихъ противниковъ относятъ Аристида, котораго преданіе надѣляетъ качествами, противоположными тѣмъ, какими отличался Ѳемистоклъ,—справедливостью, разборчивостью въ средствахъ и т. п. Дѣло кончилось остракизмомъ Аристида. Ѳемистоклъ вышелъ побѣдителемъ, и ко времени новаго нашествія персовъ аѳиняне располагали уже флотомъ, какого не было ни у одного другого греческаго государства,—почти въ 200 судовъ.

Аѳины превратились въ морскую державу. Съ суши центръ тяжести перенесенъ былъ на море. А это въ свою очередь оказало вліяніе на весь строй жизни Аѳинъ. Клисѳенова реформа имѣла въ виду населеніе земледѣльческое; тогда это была главная сила и опора государства. Теперь выдвигаются новыя силы, другіе классы и профессіи, преимущественно „корабельная чернь", по выраженію древнихъ авторовъ, не сочувствовавшихъ крайней демократіи. Для снаряженія флота пришлось привлечь къ службѣ и ѳетовъ; по правиламъ же Солонова законодательства повинностямъ должны соотвѣтствовать и права; такимъ образомъ, это значило дать четвертому классу гражданъ право на тѣ преимущества, которыя до тѣхъ поръ составляли достояніе первыхъ трехъ классовъ. Побѣды на морѣ должны были поднять духъ этой „корабельной черни", преисполнить ее сознанія своей силы. Послѣ отраженія врага и миновація крайней опасности рабочіе, матросы, ремесленники стали стекаться въ Аѳины, а особенно въ гавань Пирей, тѣмъ болѣе, что и подать съ метэковъ, по крайней мѣрѣ на время, была тогда отмѣнена. Пирей сталъ кишѣть самымъ разнообразнымъ людомъ; онъ былъ гораздо демократичнѣе самихъ Аѳинъ.

Мѣры Ѳемистокла имѣли, слѣдовательно, результатомъ большее развитіе демократіи въ Аѳинахъ. Это отлично понимали еще въ древности: тогда еще отмѣчалась связь между развитіемъ морского могущества Аѳинъ и ихъ демократіи. Недаромъ тридцать тирановъ, властвовавшихъ въ Аѳинахъ въ концѣ V в., въ господствѣ на морѣ видѣли корень ненавистной для нихъ демократіи.

У Платона море называется „наставникомъ въ дурномъ“, а Ѳемистоклу ставится въ упрекъ, что онъ стойкихъ гоплитовъ превратилъ въ корабельщиковъ и моряковъ, что, отнявъ у гражданъ копье и щитъ, онъ довелъ аѳинскій демосъ до скамьи гребцовъ и до весла. О Ѳемистоклѣ говорили, что онъ усилилъ демократію больше, чѣмъ слѣдовало, что онъ возвысилъ демосъ надъ аристократами, преисполнилъ его дерзкой смѣлости, что при немъ вся сила перешла въ руки моряковъ, гребцовъ и кормчихъ...

Нашествіе Ксеркса. Еще Дарій помышлялъ о новомъ походѣ на Грецію. Но возстаніе въ Египтѣ, интриги при дворѣ, наконецъ смерть помѣшали ему осуществить свое намѣреніе. Его преемникъ Ксерксъ, справившись съ египетскимъ возстаніемъ, сталъ снаряжать походъ на грековъ въ огромныхъ размѣрахъ. Сухопутное войско должно было идти чрезъ Ѳракію и Македонію, а флотъ—вдоль берега; чрезъ Геллеспонтъ устроено два моста. Чтобы кораблямъ не огибать опаснаго Аѳонскаго мыса, приступлено къ прорытію перешейка, соединяющаго этотъ мысъ съ материкомъ. Для снабженія войска на пути устроены продовольственные магазины. Ксерксомъ собраны были пестрыя и многочисленныя полчища, хотя и не столь громадныя, какъ передаютъ древніе. По Геродоту, напр., войско Ксеркса состояло изъ 1700000 пѣхоты и 80000 всадниковъ, а вмѣстѣ съ обозомъ, флотомъ и проч. доходило до 5 съ лишкомъ милліоновъ, число тріэръ (трехпалубныхъ кораблей)—1207. Цифры эти невѣроятны. Высчитано, что если бы онѣ были вѣрны, то это войско растянулось бы отъ центра Малой Азіи до Средней Греціи; когда передовой отрядъ приближался бы къ Ѳермопиламъ, послѣдніе ряды выходили бы изъ Сардъ, главнаго города Лидіи. Но опредѣлить въ точности численность Ксерксовыхъ полчищъ мы не имѣемъ возможности. Во всякомъ случаѣ, силы противниковъ, грековъ и персовъ, казались далеко не равными. Разрозненная, раздробленная на множество государствъ, маленькая Эллада представлялась ничтожною по сравненію съ Персидскою державою. Но въ виду грозной внѣшней опасности жизнеспособная нація сплачивается, напрягаетъ свои силы; въ ней пробуждаются дремлющія силы. „Народъ живой, какъ ни былъ бы разрозненъ и малъ, растетъ и крѣпнетъ отъ невзгодъ..., и слабость силой становится, увѣренной въ побѣдѣ“.

Главная роль въ борьбѣ съ персами принадлежала Аѳинамъ. „Не погрѣшая противъ истины", говоритъ Геродотъ, „аѳинянъ можно назвать спасителями Эллады. Рѣшивши, что Эллада должна оставаться свободной, они одни возбуждали къ борьбѣ всѣхъ тѣхъ эллиновъ, которые не перешли на сторону мидянъ" (персовъ).

По почину аѳинянъ осенью 481 г. на Истмѣ—Коринѳскомъ перешейкѣ—собрался конгрессъ, съѣздъ представителей разныхъ греческихъ государствъ. Онъ имѣлъ цѣлью „объединить по возможности всѣхъ грековъ и всѣмъ согласно дѣйствовать заодно". Постановлено было прекратить войны, которыя велись между нѣкоторыми государствами, напр., Аѳинами и Эгиной, которыя теперь и примирились; отправить посольства въ Сицилію, на о-въ Коркиру (нын. Корфу) и Критъ съ просьбой о помощи; дать клятву другъ другу въ вѣрности и наказать тѣ греческія общины, которыя будутъ держать сторону персовъ. Ибо были и такія. Самъ дельфійскій оракулъ, это общенародное святилище, пользовавшееся до тѣхъ поръ высокимъ уваженіемъ, теперь, въ самую тяжелую минуту, измѣнилъ дѣлу Греціи—своими изреченіями одобрялъ тѣхъ, кто держался въ сторонѣ, и наводилъ страхъ на защитниковъ свободы Эллады. Аѳинянамъ оракулъ давалъ зловѣщія предсказанія и лишь подъ конецъ смягчилъ ихъ, сказавъ, что „деревянныя стѣны" спасутъ Аѳины.

Сѣверная Греція предоставлена была персамъ. Нѳбольшой отрядъ изъ 300 спартанцевъ и нѣсколькихъ тысячъ ихъ союзниковъ съ царемъ Леонидомъ во главѣ занялъ узкій Ѳермопильскій проходъ, ведущій въ Среднюю Грецію, а греческій флотъ расположился у сѣверной оконечности Евбеи, у мыса Артемисія. Бо́льшая половина его состояла изъ аѳинскихъ кораблей. Тѣмъ не менѣе аѳиняне уступили въ спорѣ изъ-за первенства и согласились стать подъ команду спартанцевъ, „будучи озабочены", какъ говоритъ Геродотъ, „спасеніемъ Эллады и зная, что Эллада погибнетъ, если эллины станутъ спорить изъ-за преобладанія". Въ трехдневныхъ стычкахъ у Артемисія греки устояли противъ персовъ; къ тому же буря причинила персидскому флоту большой уронъ. Но у Ѳермопилъ греческій отрядъ былъ обойденъ персами, воспользовавшимися, по указанію одного измѣнника, горною тропою, и Леонидъ со своими 300 спартанцами и нѣкоторыми союзниками палъ въ бою. Пришлось

грекамъ покинуть стоянку у Артемисія и отступить на югъ, къ о-ву Саламину. Путь въ Среднюю Грецію былъ открытъ для персовъ, и Ксеркъ своими полчищами наводнилъ Аттику.

Тяжелыя испытанія переживали аѳиняне: надо было покинуть родной городъ и предоставить его врагу на разореніе; кто не могъ сражаться, должен былъ спасаться на Саламинъ и въ другія мѣстности; а способные носить оружіе должны были сѣсть на корабли. Ѳемистоклъ и ареопагъ дѣйствовали въ этотъ моментъ рука объ руку. Еще раньше аѳиняне постановили возвратить изгнанниковъ, въ томъ числѣ и Аристида.

Вторгнувшись въ Аѳины, Ксеркъ взялъ приступомъ акрополь, въ которомъ часть аѳинянъ, преимущественно стариковъ, засѣла за устроенной ими деревянной оградой, въ надеждѣ, что по слову оракула эти „деревянныя стѣны" устоятъ, и храбро оборонялась. Городъ былъ преданъ опустошенію.

Саламинъ. Между тѣмъ греческій флотъ расположился у Саламина. Говорятъ, что въ виду приближенія персовъ греческіе вожди стали колебаться—хотѣли покинуть позицію у Саламина и отплыть далѣе къ Пелопоннесу; но Ѳемистоклъ, опасаясь, что флотъ разойдется, настоялъ, чтобы дано было сраженіе здѣсь, у Саламина, въ узкомъ проливѣ, представлявшемъ всѣ удобства для дѣйствій греческаго флота и неудобномъ для громаднаго персидскаго флота. Передаютъ даже, будто онъ, чтобы побудить Ксеркса къ сраженію, прибѣгнулъ къ хитрости—послалъ сказать царю, что греки замышляютъ бѣжать и что представляется случай нанести имъ рѣшительное пораженіе, если только не дать имъ уйти, что греки между собою враждуютъ и будутъ сражаться другъ противъ друга, и Ксеркъ послушался совѣта Ѳемистокла.

„Кончилась ночь, а эллинское войско
Нигдѣ тайкомъ бѣжать и не пыталось;
И ѣдущій на бѣлыхъ лошадяхъ
Ужъ ясный день объялъ собой всю землю,—
Вдругъ шумный крикъ отъ эллиновъ пронесся,
Какъ пѣсни звукъ, и громко въ то же время
Имъ эхо скалъ откликнулось въ отвѣтъ.
И страхъ тогда всѣхъ варваровъ объялъ,
Въ надеждѣ обманувшихся: не къ бѣгству

Готовясь, пѣли эллины пэанъ[1])
Священный, но стремясь отважно въ бой.
Труба у нихъ все къ битвѣ побудила!
И дружно вдругъ они морскія волны
Ударомъ веселъ вспѣнили своихъ...
. . . . . .
Ихъ правое крыло[2]) шло впереди,
Порядокъ соблюдая, а за нимъ
Весь флотъ спѣшилъ, и слышенъ въ то же время
Былъ громкій крикъ: „впередъ, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте женъ,
Дѣтей своихъ, боговъ отцовскихъ храмы.
Гробницы предковъ: бой теперь—за все!"
И медлить дольше было невозможно:
Одинъ корабль ударилъ мѣднымъ носомъ
Въ другой, и началъ эллинскій корабль
Сраженье, сбивши съ судна финикійцевъ
Всѣ украшенья... Всюду бой кипѣлъ.
Сперва стояло твердо войско персовъ;
Когда же скучились суда въ проливѣ,
Дать помощи другъ другу не могли
И мѣдными носами поражали
Своихъ же—всѣ тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругомъ ихъ... И тонули корабли,
И подъ обломками судовъ разбитыхъ,
Подъ кровью мертвыхъ—скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитыхъ скалы
И берега, и варварское войско
Въ нестройномъ бѣгствѣ все отплыть спѣшило"...

Такъ описываетъ Саламинское сраженіе его участникъ, поэтъ Эсхилъ, въ трагедіи „Персы".

Побѣда грековъ была полная (480 г.), и главная заслуга здѣсь принадлежала аѳинянамъ, ихъ молодому флоту. „Деревянныя стѣны" кораблей спасли Элладу. Ксеркъ поспѣшилъ вернуться въ Азію, оставивъ въ Греціи войско подъ начальствомъ Мардонія.

Платеи и Микале. Мардоній отвелъ войско въ Ѳессалію, гдѣ было удобно зимовать, и оттуда посылаетъ въ Аѳины съ выгодными предложеніями: за союзъ съ персами онъ обѣщаетъ

[1]) Военная пѣснь.
[2]) На правомъ крылѣ были аѳинскіе корабли.

забвеніе прошлаго, возстановленіе разрушеннаго города, расширеніе границъ. Но аѳиняне рѣшительно отказались вступить съ нимъ въ союзъ. На слѣдующій годъ Мардоній вторгается въ Аттику, и аѳиняне снова принуждены были покинуть городъ, бѣжать на Саламинъ. Мардоній опять предлагаетъ имъ союзъ. Но аѳиняне вторично отвѣчаютъ на это предложеніе отказомъ и посылаютъ пословъ въ Спарту съ просьбой о немедленной помощи. Передъ тѣмъ спартанцы ничего не предпринимали, спокойно смотря на вторженіе Мардонія въ Среднюю Грецію. „Истмъ (Коринѳск:й перешеекъ) былъ укрѣпленъ стѣною", говоритъ Геродотъ, „и они полагали, что въ Аѳинахъ больше не нуждаются". Теперь, опасаясь, какъ бы аѳиняне поневолѣ не стали на сторону персовъ, Спарта снарядила войско и направила его въ Среднюю Грецію подъ начальствомъ царя Павсанія. Мардоній, узнавъ объ этомъ, подвергъ новому опустошенію Аѳины и отступилъ въ Беотію. Тутъ близъ Платей произошла знаменитая битва (въ 479 г. до Р. Х.), рѣшившая судьбу Греціи: персы были разбиты, самъ Мардоній палъ въ началѣ сраженія; лишь часть персидскаго войска спаслась поспѣшнымъ отступленіемъ. Хотя главныя силы грековъ при Платеяхъ состояли изъ спартанцевъ и союзниковъ и главнокомандующимъ былъ спартанскій царь Павсаній, но и здѣсь аѳинянамъ принадлежало видное участіе: за нѣсколько дней до главнаго сраженія они, занявъ опасную позицію, одержали верхъ въ схваткѣ съ персидскою конницею; въ самомъ сраженіи они побѣдили стоявшихъ противъ нихъ ѳиванцевъ, союзниковъ персовъ, и помогли спартанцамъ взять приступомъ укрѣпленный лагерь персовъ.

Въ то же время греческій флотъ подъ предводительствомъ спартанскаго царя Леотихида и аѳинскаго полководца Ксанѳиппа (отца Перикла) направился къ берегамъ Малой Азіи. Персы не рѣшились вступить съ греками въ битву на морѣ и отступили къ мысу Микале, подъ прикрытіе своего сухопутнаго войска, вытащили на землю свои корабли и укрѣпились. Но греки высадились и нанесли имъ пораженіе (479 г.).

1. До Тридцатилѣтняго мира.

Слѣдствія персидскихъ войнъ. Эллада отстояла свою независимость, послѣ тяжелой борьбы, а греческіе города Малой Азіи освободились отъ персидскаго ига:

„Въ Азіи больше не будутъ
Жить по персидскимъ законамъ,
Дани платить перестанутъ,
Что лишь по волѣ владыки
Дѣлали раньше; не будутъ
Ницъ передъ нимъ преклоняться:
Сила погибла царя!
Смертнымъ языкъ разнуздался!
Ставши отъ ига свободнымъ,
Можетъ народъ не стѣсненный
Все говорить, что захочетъ".
(*Эсхилъ*, „Персы").

Но дѣло шло не только о судьбѣ и независимости Эллады; борьба грековъ съ персами имѣла громадное, міровое значеніе: дѣло шло о будущихъ судьбахъ историческаго міра, о господствѣ греческой или восточной культуры, тѣхъ или другихъ политическихъ началъ. Вступили въ борьбу два противоположныхъ начала—европейское и азіатское, греческая свобода и персидскій деспотизмъ. Эту противоположность ярко изображаетъ Эсхилъ въ своей трагедіи: „Персы". Мать Ксеркса, Атосса, спрашиваетъ: кто у грековъ властелинъ? и хоръ отвѣчаетъ: „никому они не подвластны и ничьи они рабы". У Геродота Ксерксъ смѣется, когда ему говорятъ, что греки, несмотря на свою малочисленность, могутъ сопротивляться такому многочисленному войску, какъ его полчища,—до того нелѣпою кажется ему эта мысль, тѣмъ болѣе, что греки не подвластны одному, а предоставлены себѣ, идутъ не изъ-подъ кнута, а слѣдовательно, по мнѣнію Ксеркса, не способны проявить особенную храбрость. Въ отвѣтъ на это онъ спышитъ отъ грека такія слова о спартанцахъ: „будучи свободны, они свободны, однако, не во всѣхъ

отношеніяхъ; надъ ними есть владыка—законъ; они боятся его гораздо больше, нежели твои подданные боятся тебя. Поэтому они исполняютъ все, что̀ законъ ни потребовалъ бы отъ нихъ". Такова противоположность воззрѣній персовъ и грековъ. Побѣдили греки...

Платейскою битвою (479 г.) закончился первый періодъ борьбы, который можетъ быть названъ борьбой за существованіе Эллады. У Эсхила персы говорятъ между собой:

„Кто-то верхъ одержалъ? Побѣдила-ль стрѣла,
Или сила копья
Одержала побѣду надъ ней?"

Побѣдила не стрѣла, а сила копья: тяжеловооруженная пѣхота грековъ одержала побѣду надъ легкими персидскими полчищами, вооруженными большею частью лукомъ и стрѣлами. Побѣдилъ свободный гражданинъ-грекъ: онъ зналъ, за что̀ онъ сражается; онъ былъ проникнутъ сознаніемъ всей важности борьбы, былъ воодушевленъ любовью къ родинѣ, свободѣ, и это удесятеряло его силы. Одолѣлъ тотъ, кто проявилъ „больше нравственной энергіи, упорства, кто лучше умѣлъ страдать, умирать". Маленькая Греція устояла въ борьбѣ съ громадною Персидскою державою, ибо сила измѣряется не однимъ числомъ квадратныхъ верстъ и количествомъ населенія: въ исторіи рѣшающее значеніе имѣютъ нерѣдко силы нравственныя, въ широкомъ смыслѣ слова. Притомъ, въ Греціи, съ ея гористою мѣстностью, съ ея узкими проходами, въ родѣ Ѳермопильскаго ущелья, и проливами, подобными Саламинскому, непріятель не могъ развернуть всѣ свои силы, и самая многочисленность ихъ (хотя она и не была такъ велика, какъ говоритъ преданіе грековъ) была гибельна для персовъ.

Событія, пережитыя Элладой и особенно Аѳинами во время войны за свободу и независимость, потрясенія, испытанныя тогда, и одержанныя побѣды оставили глубокій, неизгладимый слѣдъ въ ихъ исторіи.

Научная, литературная, художественная, вообще духовная дѣятельность народа тѣсно связана съ его внѣшнею дѣятельностью и со всѣми другими сторонами его жизни. За торжествомъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ мы часто наблюдаемъ подъемъ народнаго духа, развитіе народнаго самосознанія, умственныхъ и нрав-

ственныхъ силъ народа. Такъ было и въ Греціи послѣ отраженія персовъ: греческій геній раскрывается тогда во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ. Наступаетъ для Греціи пора высшаго процвѣтанія умственнаго и художественнаго, даже экономическаго,—та пора, которую называютъ „вѣкомъ Перикла".

Во всѣхъ отношеніяхъ тутъ первое мѣсто принадлежитъ Аѳинамъ.

Греко-Персидскія войны вызвали крупную перемѣну и во взаимномъ положеніи греческихъ государствъ. Первенствовавшая дотолѣ Спарта начинаетъ терять свое исключительное преобладаніе. Во время борьбы за существованіе независимой Эллады главными дѣятелями, истинными представителями обще-эллинскихъ интересовъ являются аѳиняне. Борьбу съ персами они вынесли большею частью на своихъ плечахъ. Во второй періодъ борьбы грековъ съ персами война должна была вестись преимущественно на морѣ, и такимъ образомъ Аѳины, располагавшія флотомъ, являлись тутъ ужъ несомнѣнно главной силой.

Такъ во время борьбы Греціи съ персами падало обаяніе Спарты, а вліяніе и значеніе Аѳинъ возрастало, а это, конечно, должно было повлечь за ссбой ихъ взаимное соперничество и вражду.

Война съ персами была войной народной; тутъ участвовало не одно сословіе, а весь народъ, и только при такомъ участіи и полномъ воодушевленіи массы возможна была побѣда. При Саламинѣ, напр., побѣдилъ флотъ, а тутъ главная сила была въ ѳетахъ. Такимъ образомъ, удачный исходъ борьбы неминуемо повлекъ за собой неудержимое стремленіе къ равенству, возвышеніе демоса и полное развитіе демократіи. Побѣдитель демосъ не могъ примириться съ прежними ограниченіями.

Итакъ, въ періодъ, протекшій со времени Платейской битвы до начала Пелопоннесской войны и носящій названіе *„Пятидесятилѣтія"*, предъ нами въ сущности три главныхъ, крупныхъ явленія, какъ слѣдствія всего предшествовавшаго развитія и особенно—побѣдоносной борьбы съ персами: 1) высшее процвѣтаніе—умственное, художественное и экономическое—Греціи; 2) возвышеніе Аѳинъ, перемѣна гегемоніи, перешедшей къ нимъ на морѣ, и обусловленная этимъ вражда къ нимъ Спарты; 3) полное развитіе аѳинской демократіи. Къ демократіи велъ весь предыдущій

ходъ исторіи Аѳинъ. Послѣ Клисѳена и Ѳемистокла послѣдующимъ дѣятелямъ оставалось лишь идти по слѣдамъ своихъ великихъ предшественниковъ, развивать созданный предыдущими поколѣніями строй.

Образованіе Аѳинскаго союза. Послѣ персидскаго нашествія Аѳины представляли груду развалинъ. Необходимо было прежде всего возстановить укрѣпленія города и Пирея, а затѣмъ отстроить частные дома. Съ энергіей принялись аѳиняне за это дѣло. Работа шла спѣшно, тѣмъ болѣе, что уже тогда обнаружилось враждебное отношеніе къ нимъ пелопоннесцевъ. И тутъ руководителемъ аѳинянъ и душою этого дѣла былъ Ѳемистоклъ. Укрѣпленія Пирея были завершены; флотъ усиленъ. Чтобы привлечь ремесленниковъ въ полуразрушенный городъ, метэковъ, какъ было упомянуто, освободили на время отъ особой подати, которую они обыкновенно платили. Городъ Аѳины быстро возросъ и городская жизнь все болѣе и болѣе развивалась.

Послѣ битвы при Платеяхъ наступаетъ второй періодъ борьбы грековъ съ персами. Война ведется теперь ужъ не на почвѣ Эллады, а на морѣ, у острововъ Архипелага, у береговъ Ѳракіи и Малой Азіи, Геллеспонта и Босфора. Дѣло идетъ не о существованіи Греціи, а объ избавленіи греческихъ колоній въ Малой Азіи отъ персидскаго ига и распространеніи господства грековъ. Тутъ уже не столько персы, сколько сами греки дѣйствуютъ наступательно.

Вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ мало-азіатскихъ грековъ возникъ тотчасъ послѣ битвы при Микале. По настоянію аѳинянъ въ союзъ были приняты острова Хіосъ, Самосъ, Лесбосъ и нѣкоторые другіе. Этимъ былъ ужъ положенъ первый зародышъ будущему Делосско-Аттическому или Первому Аѳинскому союзу.

Тѣмъ не менѣе и въ 478 г., когда соединенный греческій флотъ направился къ Кипру и затѣмъ къ Византіи (греки, очевидно, уже тогда стремились къ обладанію проливами въ виду сношеній съ Понтійскими странами), мы видимъ во главѣ этого флота не аѳинянина, а спартанскаго царя Павсанія. Но Павсаній, надменный, грубый и жестокій, походившій больше на тиранна, чѣмъ на вождя греческаго войска, этотъ побѣдитель при Платеяхъ, которому успѣхъ вскружилъ голову и который вошелъ даже въ

измѣнническія сношенія съ Ксерксомъ,—Павсаній своимъ обращеніемъ отталкивалъ союзниковъ, находившихся въ составѣ греческаго флота, тогда какъ аѳинскіе вожди, Аристидъ и Кимонъ, составляли полную противоположность ему. Уже союзники, особенно іоняне, возмущенные обращеніемъ съ ними спартанскаго царя, просили аѳинскихъ вождей принять начальство надъ флотомъ, когда спартанское правительство отозвало Павсанія.

Такимъ образомъ предводительство надъ флотомъ перешло къ аѳинянамъ (478/7 г.), и странно было бы, если бы во главѣ союза морскихъ силъ продолжало стоять такое сухопутное государство, какъ Спарта: совершенно естественно, что тутъ главенство перешло къ Аѳинамъ, обладавшимъ сильнымъ флотомъ.

Первоначальная цѣль союза, во главѣ котораго стали аѳиняне,—борьба съ персами. Его организаторомъ явился Аристидъ. Установлено было, какіе города должны доставлять корабли и какіе вмѣсто кораблей,—денежный взносъ, *форосъ*. Ежегодная сумма фороса на первыхъ же порахъ составляла 460 талантовъ. Для пріема взносовъ и завѣдыванія союзною казною учреждена была должность „эллинскихъ казначеевъ", *эллинотаміевъ*. Центромъ союза сначала былъ островъ Делосъ: здѣсь должны были происходить общія союзныя собранія, управлявшія дѣлами союза; на этомъ же островѣ хранилась и союзная казна. Первоначально всѣ члены союза были равноправны; Аѳины являлись лишь первыми между равными. Но вскорѣ такой порядокъ и общій характеръ союза измѣнились...

Ѳемистоклъ вскорѣ сходитъ съ поприща государственной дѣятельности. Противъ него были консервативная партія и многочисленные враги: притязанія Ѳемистокла, открытое сознаніе того, чѣмъ Аѳины ему обязаны, его постоянныя напоминанія о своихъ заслугахъ и славныхъ подвигахъ,—все это докучало, отталкивало, раздражало, и въ концѣ 70-хъ годовъ Ѳемистоклъ подвергся остракизму... Онъ удалился въ Аргосъ. Потомъ, обвиненный въ соучастіи въ дѣлѣ Павсанія, уличеннаго въ измѣнѣ, и потребованный на судъ въ Аѳины, онъ скитался и кончилъ тѣмъ, что отправился въ Азію, къ персидскому царю. Онъ вскорѣ умеръ естественною смертью. Но народная фантазія не могла допустить такого конца: она создала легенду, будто Ѳемистоклъ самъ лишилъ себя жизни,

принявъ ядъ, такъ какъ не въ силахъ былъ исполнить своего обѣщанія—служить царю противъ своихъ же соотечественниковъ.

Кимонъ и Эфіальтъ. Около того же времени умеръ и Аристидъ. Выступаютъ теперь во главѣ аристократической партіи Кимонъ, во главѣ демократической—Эфіальтъ и затѣмъ Периклъ.

Сынъ Мильтіада, Кимонъ, принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое во дни своей юности принимало дѣятельное участіе въ защитѣ родины отъ персовъ, и онъ всецѣло былъ одушевленъ тѣмъ патріотическимъ пыломъ, который охватилъ тогда лучшую часть аѳинскаго общества. Въ тотъ моментъ, когда полчища Ксеркса угрожали Аѳинамъ и когда Ѳемистоклъ указывалъ гражданамъ на корабли, какъ на единственное средство спасенія и единственную надежду на побѣду, а масса въ страхѣ и сомнѣніи колебалась послѣдовать такому совѣту,—въ этотъ моментъ Кимонъ, говоритъ Плутархъ, первый подалъ примѣръ: сопровождаемый своими друзьями, онъ направился къ акрополю, съ конскою уздою въ рукахъ, посвятилъ въ храмѣ эту узду богинѣ, а взамѣнъ ея взялъ себѣ одинъ изъ висѣвшихъ тамъ щитовъ и, принеся молитву, сошелъ къ морю, къ кораблямъ, показавъ такимъ образомъ, что не въ конницѣ теперь нуждается отечество, а во флотѣ. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ его уже дѣятельнымъ помощникомъ Аристида при образованіи Делосскаго союза. А рядъ побѣдъ на морѣ и на сухомъ пути, въ особенности надъ персами, окончательное очищеніе отъ нихъ береговъ Ѳракіи, Геллеспонта и Босфора, наконецъ двойная побѣда, надъ персидскимъ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ, у устьевъ Евримедона (въ Малой Азіи),—все это доставило Кимону славу непобѣдимаго полководца и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе на общій ходъ политической жизни Аѳинъ.

Но истиннымъ призваніемъ Кимона была война. Кимонъ типъ истаго воина, со всѣми его слабостями и достоинствами. Высокій, статный, съ густыми кудрями, это былъ въ своемъ родѣ „рыцарь безъ страха и упрека“, беззавѣтно храбрый, умѣвшій одушевить, увлечь и другихъ. Доступный и простой въ обращеніи, открытый и прямой, веселый товарищъ въ пріятельскомъ кругу, онъ владѣлъ тайною располагать къ себѣ сердца и пріобрѣтать друзей. Но образованіемъ Кимонъ далеко не отли-

чался и въ противоположность большинству аѳинянъ не учился даже музыкѣ. Впрочемъ, все это ему не мѣшало сближаться съ художниками, напр. съ знаменитымъ живописцемъ Полигнотомъ, и съ своей стороны оказывать содѣйствіе художественному развитію и украшенію Аѳинъ. При немъ выстроена извѣстная „Пестрая Стоя",—портикъ или крытая колоннада, названная „Пестрой", „Расписной", отъ того, что стѣны ея были разрисованы: картины, кисти Полигнота, изображали героическія битвы разныхъ временъ, въ томъ числѣ Мараѳонское сраженіе. Впослѣдствіи (въ III в. до Р. Х.) здѣсь, въ этой Стоѣ, училъ философъ Зенонъ; отъ слова *Стоя* его философія и получила названіе *стоической.* Кимонъ обладалъ большимъ богатствомъ и отличался необыкновенною щедростью. Вообще онъ безъ труда пріобрѣталъ популярность, умѣлъ легко и непринужденно сближаться съ народомъ и въ лучшіе годы своей жизни былъ народнымъ любимцемъ.

Отсюда уже видно, что аристократизмъ Кимона въ сущности былъ довольно умѣренный. Кимонъ имѣлъ въ себѣ нѣчто плебейское. Это не былъ человѣкъ партіи въ строгомъ смыслѣ слова. Кимонъ желалъ лишь пріостановить дальнѣйшее развитіе демократіи. Выражаясь современнымъ языкомъ, его можно было бы назвать консерваторомъ, но не реакціонеромъ.

Но замѣчательно, что Кимонъ невольно, вопреки даже своему желанію, содѣйствовалъ усиленію начала демократическаго. Способствовалъ онъ этому уже самыми своими морскими побѣдами, одерживаемыми имъ во главѣ того флота, гдѣ такую роль играли граждане четвертаго класса, способствовалъ своимъ обращеніемъ, своею щедростью, своими чисто-демагогическими пріемами.

Кимонъ, сказали мы, всецѣло проникнутъ былъ одушевленіемъ временъ борьбы за свободу Эллады. Онъ всѣми силами старался поддержать единеніе между греками. Кимонъ мечталъ не о борьбѣ Аѳинъ со Спартой, а о тѣсномъ и искреннемъ союзѣ ихъ. Къ союзникамъ относился тоже хорошо. „Миръ съ греками, борьба съ Персіей"—такова была его программа.

И тутъ результаты дѣятельности Кимона оказывались противоположными его стремленіямъ и ожиданіямъ, и ему же пришлось быть усмирителемъ первыхъ возстаній союзниковъ.

Таковъ Кимонъ, глава аристократической партіи.

Какъ вождь демоса, какъ борецъ за его права, въ Аѳинахъ въ 60-хъ годахъ V в. на первомъ мѣстѣ стоялъ Эфіальтъ. Дошедшія до насъ извѣстія о немъ отрывочны и скудны, но всѣ они сходятся въ признаніи, что это былъ одинъ изъ лучшихъ людей древнихъ Аѳинъ,—твердый, безкорыстный, идеально-честный. Онъ сошелъ въ могилу такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ всю свою жизнь, гордясь своею бѣдностью и отвергая всякую помощь даже со стороны друзей. Въ своей общественной дѣятельности Эфіальтъ представляется намъ своего рода народнымъ трибуномъ: это былъ воодушевленный и краснорѣчивый „предстатель" демоса, всецѣло преданный его интересамъ, гроза олигарховъ, неумолимый преслѣдователь тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя позволяли себѣ какія-либо злоупотребленія или несправедливости по отношенію къ народу.

Заодно съ Эфіальтомъ дѣйствовалъ Периклъ, его единомышленникъ и другъ, но онъ пока оставался на второмъ планѣ; первенствующее положеніе онъ занялъ лишь съ середины V вѣка.

Вскорѣ представился поводъ къ столкновенію между противными партіями. То была просьба спартанцевъ о помощи противъ возставшихъ періэковъ и илотовъ, или мессенянъ. Какъ-разъ передъ тѣмъ Спарта обѣщала свою поддержку возставшему противъ аѳинянъ острову Ѳасосу и только постигшее ее землетрясеніе и затѣмъ возстаніе мессенянъ помѣшали ей оказать эту поддержку. Несмотря на это, Кимонъ и теперь напоминалъ о союзѣ со Спартой, объ еще недавней общей борьбѣ съ „варварами". Онъ молилъ народное собраніе не допускать, „чтобы Эллада стала хромать на одну ногу, а Аѳины остались безъ сотоварища по ярму". Тщетно Эфіальтъ доказывалъ, что слѣдуетъ предоставить Спарту, этого врага Аѳинъ, ея участи: Кимонъ восторжествовалъ. Рѣшено было помочь спартанцамъ, и самъ Кимонъ во главѣ аѳинскаго отряда отправился въ Пелопоннесъ. Однако спартанцы вскорѣ съ подозрѣніемъ отнеслись къ аѳинянамъ и отпустили ихъ, заявивъ, что больше не нуждаются въ нихъ.

Велико было негодованіе аѳинянъ на Спарту! Послѣ этого вліяніе Кимона, политика котораго потерпѣла такую жалкую неудачу, и значеніе всей аристократической партіи естественно должны были пасть: въ общественно-политической жизни Аѳинъ должно

было возобладать другое, противоположное теченіе—демократическое.

Всѣ эти событія отразились тотчасъ же и на ходѣ внутренней борьбы, переживаемой тогда Аѳинами: съ ними связана такъ называемая *Эфіальтова реформа*, касавшаяся *ареопага*.

Реформа ареопага. По выраженію одного древняго свидѣтельства, почти всѣ дѣла по проступкамъ и нарушеніямъ закона подлежали вѣдѣнію ареопага. Но ареопагъ былъ не только судилищемъ: это былъ въ извѣстномъ смыслѣ государственный совѣтъ и учрежденіе съ религіознымъ характеромъ, съ большимъ политическимъ вліяніемъ: ареопагу принадлежала высшая наблюдающая власть надъ дѣйствіями должностныхъ лицъ и даже надъ самимъ народнымъ собраніемъ: онъ былъ „всеобщимъ блюстителемъ и стражемъ законовъ"; онъ пользовался правомъ veto (запрещенія) по отношенію къ постановленіямъ народнаго собранія и, слѣдовательно, вліялъ на весь ходъ государственной жизни.

Въ силу своей древности окруженный особымъ почетомъ, по преданію—созданіе самихъ боговъ и судилище, предъ которое являлись даже сами безсмертные, составленный изъ избранныхъ лицъ—бывшихъ архонтовъ, съ честью исполнявшихъ свой долгъ,—ареопагъ обладалъ огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ, по выраженію поэта, какъ „судъ, недоступный корысти, совѣстливый, но сильный въ гнѣвѣ, бодрствующая охрана земли". Въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ могъ прибѣгать и къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Во время борьбы съ персами за независимость, особенно въ моментъ вторженія Ксеркса, образъ дѣйствій ареопага еще болѣе поднялъ его нравственное вліяніе и авторитетъ, такъ-что годы отъ Саламинской битвы до начатой Эфіальтомъ борьбы выдѣляются даже въ особый періодъ *главенства ареопага*.

Такимъ образомъ, какъ-разъ въ то время, когда въ Аѳинахъ особенно усиливаются демократическія стремленія, возвышается и ареопагъ, представитель другого, противоположнаго начала. Но главенство ареопага послѣ Саламина продолжалось только около 17 лѣтъ; оно не могло быть продолжительнымъ, оно противорѣчило общему ходу и направленію аѳинской исторіи. Коллегія, чисто аристократическая, ареопагъ, съ своими пожизненными и неотвѣтственными

членами, стоялъ теперь одиноко среди другихъ учрежденій Аѳинъ, составляя рѣзкую противоположность остальному строю этой демократической республики съ ежегодно избираемыми и отвѣтственными должностными лицами.

Для полнаго торжества демократіи необходимо было лишить аристократическую партію той опоры, какую она находила себѣ въ ареопагѣ, и Эфіальтъ въ 462/1 г. выступилъ съ закономъ объ ограниченіи власти и правъ ареопага съ цѣлью положить конецъ его политическому вліянію. Кимонъ въ то время отсутствовалъ—онъ былъ въ Пелопоннесѣ,—и предложенія Эфіальта были встрѣчены сочувственно; но возвращается въ Аѳины Кимонъ, и возгорается жаркая и упорная борьба. Какъ глава аристократической партіи и приверженецъ старины, Кимонъ не могъ допустить реформы ареопага; эта реформа поражала средоточіе той партіи, вождемъ которой былъ онъ; посягательства на освященныя временемъ и преданіемъ права ареопага казались ему дерзкимъ святотатствомъ, гибельнымъ нарушеніемъ существующаго строя, завѣта Солона, по мысли котораго ареопагъ долженъ былъ, подобно якорю, предохранять государство отъ бурь и волнъ и держать демосъ въ спокойствіи. Эфіальтъ съ своей стороны съ жаромъ отстаивалъ свое дѣло. Аѳины переживали тяжелый, бурный внутренній разладъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія являлся остракизмъ. Голосъ большинства рѣшилъ не въ пользу Кимона: какъ „другъ лаконянъ и врагъ демоса“, онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе. Но съ этимъ страсти, вызванныя борьбой, не улеглись вполнѣ: жертвой ненависти и мести крайнихъ приверженцевъ побѣжденной партіи сдѣлался Эфіальтъ. Однажды утромъ онъ найденъ былъ мертвымъ: рука убійцы поразила его.

Реформа ареопага была, можно сказать, завершеніемъ предыдущаго хода историческаго развитія: ею утверждено въ Аѳинахъ окончательное господство полной—хотя, какъ увидимъ, далеко пока еще не разнузданной—демократіи, къ чему въ сущности вела вся предшествовавшая аѳинская исторія, особенно со времени Ѳемистокла и Греко-Персидскихъ войнъ. Реформой этой ареопагъ не упразднялся совершенно. И послѣ нея вѣдѣнію ареопага подлежали дѣла о преднамѣренныхъ убійствахъ, о нанесеніи ранъ и увѣчій съ цѣлью лишенія жизни, о поджогахъ и объ отравленіяхъ, повед-

шихъ къ смерти, тѣмъ болѣе, что судъ по такимъ дѣламъ тѣсно связанъ былъ съ самимъ культомъ, богопочитаніемъ, носилъ на себѣ до нѣкоторой степени религіозный характеръ, такъ какъ убійство въ глазахъ грековъ было не просто преступленіемъ, но и осквернеіемъ, требовавшимъ очищенія. Но ареопагъ утратилъ вліяніе на законодательство; у него отнято было право veto,—отняты права, въ силу коихъ онъ былъ „стражемъ государственнаго строя"; прежней самостоятельной политической роли этого учрежденія, аристократическаго по преимуществу, положенъ былъ теперь конецъ.

Отнятыя у ареопага права перешли частью къ совѣту 500, частью же къ народному собранію и къ народному суду, гелізѣ.

Борьба изъ-за гегемоніи на сушѣ. Съ прекращеніемъ внутренней борьбы, вызванной реформой ареопага, наступаетъ періодъ напряженной дѣятельности аѳинянъ. Окончательно развившаяся и окрѣпнувшая демократія обнаруживаетъ изумительное богатство силъ. То былъ періодъ высшаго внѣшняго могущества Аѳинъ. Владычествуя уже на морѣ, аѳиняне стремятся къ господству и на сушѣ; ведя войну въ Элладѣ и у ея береговъ, они не упускали изъ виду и борьбы со стариннымъ своимъ врагомъ, Персіей, отправляя цѣлые флоты къ берегамъ Азіи, къ Кипру и къ устьямъ Нила. Они стремились къ объединенію Греціи подъ своей гегемоніей, къ образованію большой державы, къ тому, что мы называемъ имперіализмомъ. Но то было вмѣстѣ съ тѣмъ и время, когда открыто съ оружіемъ выступили другъ противъ друга два первенствующія государства Эллады, Спарта и Аѳины (459—445), когда рѣзко обнаружилось ихъ соперничество.

Въ Египетъ, дружественныя связи съ которымъ были важны для Аѳинъ въ виду полученія оттуда дешеваго хлѣба, аѳиняне (въ 459 г.) посылаютъ флотъ на помощь возставшему противъ персидскаго владычества Инару и овладѣваютъ большею частью Мемфиса. Въ Греціи они берутъ подъ свою защиту Мегару, что даетъ поводъ къ столкновенію съ ихъ естественными соперниками на морѣ и въ торговлѣ—Коринѳомъ и Эгиною. Послѣ первой неудачи они одерживаютъ побѣду надъ пелопоннесскимъ и затѣмъ надъ эгинскимъ флотомъ, осаждаютъ Эгину и съ успѣхомъ отражаютъ вторгнувшагося въ Мегариду непріятеля.

Въ то же время аѳиняне приступили къ возведенію такъ называемыхъ „Длинныхъ стѣнъ", которыя должны были соединить городъ Аѳины съ гаванями Фалерскою и Пиреемъ. Аѳины, сильныя и непобѣдимыя на морѣ, должны были сдѣлаться неприступными съ единственной слабой стороны своей—съ суши; вторженіе врага въ Аттику не должно было грозить опасностью имъ. Но немало было и недовольныхъ этимъ; въ особенности недовольна была партія крайнихъ олигарховъ, искавшая себѣ опоры въ Спартѣ, готовая предать въ ея руки родной свой городъ.

Надежды олигарховъ оживились, когда въ Среднюю Грецію явились спартанцы. Измѣнники вошли съ ними въ сношенія. Въ битвѣ со спартанцами при Танагрѣ (457 г.) аѳиняне потерпѣли неудачу. Но никогда, казалось, Аѳины не были такъ могущественны, какъ послѣ этой неудачи при Танагрѣ. Именно тогда аѳиняне заканчиваютъ „Длинныя стѣны", принуждаютъ Эгину сдаться, распространяютъ свою гегемонію на Беотію.

Внутри самихъ Аѳинъ теперь уже не было разлада. Неудача при Танагрѣ, близкая опасность со стороны внѣшняго врага, сплотила аѳинянъ, за исключеніемъ немногихъ олигарховъ. Самъ Периклъ выступилъ съ предложеніемъ возвратить Кимона изъ изгнанія раньше срока, и Кимонъ возвратился въ Аѳины.

Однако задачи, за которыя брались Аѳины, превышали ихъ силы. Въ Египтѣ послѣ шестилѣтней войны аѳинянъ постигаетъ пораженіе; въ Греціи они тоже стали испытывать неудачи. Но и другая сторона была утомлена войною, и при посредствѣ Кимона между Аѳинами и Пелопоннесскимъ союзомъ заключается пятилѣтнее перемиріе.

Какъ только въ Греціи война прекратилась на время, мы тотчасъ видимъ Кимона снова во главѣ флота дѣйствующимъ противъ Персіи у о. Кипра. Кимонъ умеръ среди того дѣла, которому посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Именно къ этому времени (449 г.) пріурочиваютъ обыкновенно заключеніе такъ называемаго Кимонова или Калліева мира. Впрочемъ многіе отвергаютъ существованіе такого договора. Можно считать несомнѣннымъ лишь установленіе болѣе или менѣе мирнаго положенія, фактическое прекращеніе наступательныхъ дѣйствій съ той и другой стороны.

Силы Аттическаго государства казались тогдашнему его вождю, Периклу, недостаточными для одновременной борьбы и съ Персіей,

и съ Пелопоннесомъ. „Что Периклъ поступалъ правильно, удерживая аѳинскія силы въ Греціи", говоритъ Плутархъ, „это доказали послѣдовавшія затѣмъ событія", именно отпаденіе Беотіи, возстаніе Евбеи, измѣна Мегары, вторженіе спартанцевъ. Отъ Беотіи, гдѣ гегемонія аѳинянъ не имѣла корня и они при Коронеѣ потерпѣли пораженіе, пришлось отказаться; Евбея была вновь покорена Перикломъ, а со Спартой, послѣ того какъ удалось безъ сраженія достичь удаленія спартанскаго войска, заключенъ былъ Тридцатилѣтній или Перикловъ миръ (445 г.), по которому Аѳины отказались въ сущности отъ гегемоніи на сушѣ—отъ владѣній въ Элладѣ, внѣ Аттики, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, и оба союза, Аѳинскій и Пелопоннесскій, взаимно признали другъ друга: аѳиняне не должны были принимать въ свой союзъ союзника спартанцевъ, а спартанцы—аѳинскаго. Обѣ стороны условились, что несогласія и недоразумѣнія между ними должны разрѣшаться путемъ *третейскаго суда*. Такъ стара мысль о мирномъ судѣ и посредничествѣ при международныхъ столкновеніяхъ!

Нововведенія средины V в. Такимъ образомъ закончилась борьба Аѳинъ изъ-за гегемоніи на сушѣ. Аѳины возвратились къ тому положенію, какое занимали онѣ до 460 г. Имъ пришлось ограничиться владычествомъ на морѣ. Аѳинское господство на сушѣ столкнулось съ неодолимыми преградами—съ стремленіемъ греческихъ общинъ къ политическому обособленію, съ соперничествомъ другихъ государствъ, съ консервативными и аристократическими стремленіями.

Во время этой борьбы состоялось нововведеніе въ демократическомъ духѣ, касавшееся избранія архонтовъ: постановлено было избирать архонтовъ и изъ зевгитовъ. Такъ открытъ былъ доступъ къ архонтству третьему классу, и на 457/6 г. впервые избранъ былъ въ архонты зевгитъ, тогда какъ до того архонтами могли быть только пентакосіомедимны и затѣмъ всадники.

Еще при Писистратѣ существовали въ Аттикѣ такъ называемые *„судьи по демамъ"*. Потомъ они были упразднены. Теперь, въ 453/2 г., „судьи по демамъ" были возстановлены. Они творили судъ, разъѣзжая по волостямъ, причемъ ихъ окончательному рѣшенію подлежали дѣла на сумму до 10 драхмъ.

Около того же времени (454 г.) союзная казна съ острова Делоса была перенесена въ Аѳины и поставлена подъ охрану богини Аѳины, въ пользу которой стали удѣляться и такъ называемые „начатки“ дани союзниковъ, шестидесятая доля фороса. Это было въ тотъ моментъ войны, когда казнѣ на Делосѣ могла угрожать опасность сдѣлаться добычею непріятеля. Казалось необходимымъ перенести ее въ болѣе безопасное мѣсто—въ Аѳины. Есть извѣстіе, что это состоялось по предложенію самосцевъ.

Перенесеніе казны въ Аѳины и упраздненіе союзнаго собранія являлось прямымъ слѣдствіемъ предыдущаго хода дѣлъ. Это не былъ крутой, рѣзкій переворотъ: перемѣна совершалась незамѣтно, постепенно и вполнѣ естественно. Цѣлью союза была борьба съ Персіей, но съ теченіемъ времени опасность со стороны Персіи уменьшалась, и союзники стали все болѣе и болѣе тяготиться военною повинностью; аѳиняне же энергично настаивали на точномъ исполненіи первоначальныхъ условій. Наконецъ, къ обоюдному, казалось, удовольствію найденъ былъ выходъ изъ такого положенія дѣлъ: вмѣсто кораблей аѳиняне согласились и съ этихъ союзниковъ получать извѣстную сумму денегъ и поставлять свои корабли. Но союзники сами, такимъ образомъ, отдавали себя въ руки аѳинянъ. Города, пытавшіеся было отложиться, были покоряемы, лишались прежней автономіи и становились въ рядъ аѳинскихъ подданныхъ. Такъ было—еще въ 60-хъ годахъ—съ Наксосомъ, первымъ союзнымъ городомъ, возставшимъ и порабощеннымъ „вопреки существовавшему договору“, и затѣмъ—съ Ѳасосомъ; оба они сдались, обязавшись срыть укрѣпленія, выдать флотъ, платить дань. Число подчиненныхъ союзниковъ все росло и росло. Союзное собраніе дѣлалось все малочисленнѣе. Союзники, остававшіеся еще автономными, мало были заинтересованы въ его дѣлахъ и въ самой его дальнѣйшей судьбѣ. Фактически господствовала здѣсь давно уже воля Аѳинъ...

Такъ совершилась эта перемѣна. Господствовавшая тогда въ Аѳинахъ система, какъ увидимъ, тѣсно связана съ нею и съ самымъ существованіемъ союза.

2. „Правленіе перваго гражданина".

Периклъ. Около того времени первенствующее мѣсто въ Аѳинахъ занялъ—Периклъ. Ему нерѣдко приписывали великую роль въ развитіи демократіи въ Аѳинахъ, видѣли въ немъ виновника послѣдующаго разложенія ея и упадка аѳинскаго могущества. По его имени называютъ иногда самую блестящую эпоху въ жизни древней Эллады; говорятъ: „вѣкъ Перикла". Во всемъ этомъ много преувеличенія. Но во всякомъ случаѣ время Перикла—время расцвѣта аѳинской демократіи. Поэтому мы остановимся подробнѣе на этомъ моментѣ и на самой личности Перикла.

По своему происхожденію Периклъ принадлежалъ къ аѳинской аристократіи, къ одной изъ самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ фамилій; онъ былъ сыномъ Ксанѳиппа, побѣдителя при Микале, и Агаристы, племянницы знаменитаго Клисѳена; по матери онъ происходилъ, значитъ, отъ могущественныхъ Алкмеонидовъ. Такимъ образомъ, Периклъ выдавался уже своимъ происхожденіемъ, и, благодаря послѣднему, ему заранѣе открытъ былъ путь къ широкой политической дѣятельности, такъ какъ и въ демократическихъ Аѳинахъ древность и знатность рода, а тѣмъ болѣе заслуги близкихъ предковъ, много значили.

Дѣтскіе и юношескіе годы Перикла какъ-разъ совпали съ временемъ борьбы его родины съ персами, и тотъ общій подъемъ духа, который былъ послѣдствіемъ торжества надъ врагомъ, долженъ былъ глубоко отразиться и на молодомъ даровитомъ Ксанѳипповѣ сынѣ. То былъ моментъ, когда Аѳины становились главою и школою Эллады, ея умственнымъ и художественнымъ средоточіемъ. Благодаря своему образованію и широкому, многостороннему развитію Периклъ сталъ въ уровень съ умственнымъ движеніемъ вѣка, который можетъ быть названъ „вѣкомъ Просвѣщенія". Особенно сильное и благотворное вліяніе оказалъ на Перикла Анаксагоръ своею возвышенною философіею, признававшею за управляющее начало въ мірѣ „разумъ".

Периклъ, самъ по происхожденію аристократъ, да и по натурѣ своей всего менѣе демократъ, именно демократической партіи

„посвятилъ свои великія дарованія, свое высокое положеніе и свой чистый характеръ". Въ демократіи онъ видѣлъ силу Аѳинъ, залогъ ихъ величія и могущества,—такую форму, которая являлась слѣдствіемъ прошлаго, окончательная побѣда которой была своего рода неизбѣжною необходимостью и которая одна только и могла быть болѣе или менѣе прочною, устойчивою, обезпечивающею внутренній миръ и порядокъ, полное развитіе богатыхъ силъ Аѳинъ. На первыхъ порахъ Периклъ дѣйствовалъ заодно съ другимъ замѣчательнымъ вождемъ демоса, своимъ единомышленникомъ и другомъ, Эфіальтомъ. Вмѣстѣ вели они борьбу съ партіей аристократической и съ ея вождемъ, Кимономъ.

Въ событіяхъ 50-хъ годовъ, въ борьбѣ изъ-за гегемоніи на сушѣ Периклъ является руководителемъ внѣшней и внутренней политики Аѳинъ. Тридцатилѣтній миръ, закончившій на время эту борьбу, былъ его дѣломъ, почему и называется Перикловымъ миромъ.

Послѣ того для Аѳинъ наступили мирные годы. Это и было время наибольшаго вліянія Перикла. Но прежде ему пришлось преодолѣть сильную оппозицію. Аристократическая партія успѣла снова оправиться. Во главѣ ея сталъ человѣкъ, который съумѣлъ сплотить и воодушевить ее. Это былъ Ѳукидидъ, сынъ Мелесія, называемый иногда Алопекскимъ по мѣсту своего происхожденія и въ отличіе отъ историка Ѳукидида.

Рѣшительное столкновеніе обѣихъ партій и ихъ вождей, Перикла и Ѳукидида, послѣдовало на этотъ разъ по вопросу объ употребленіи союзныхъ денегъ на постройки, на украшеніе Аѳинъ. Въ народномъ собраніи враги Перикла кричали, что аѳинскій народъ покрываетъ себя срамомъ, перенеся союзную казну въ Аѳины и употребляя ее на постройки; они говорили о насиліи и явной тиранніи по отношенію къ Элладѣ со стороны Аѳинъ, такъ какъ деньги, собираемыя съ союзниковъ и предназначаемыя на войну, тратятся на украшеніе города, который, точно тщеславная женщина, увѣшиваетъ себя драгоцѣнными камнями, статуями и храмами въ тысячи талантовъ. Въ отвѣтъ на такія нападки Периклъ доказывалъ, что аѳиняне не обязаны давать отчетъ союзникамъ въ употребленіи союзныхъ денегъ, такъ какъ аѳиняне сражаются вмѣсто нихъ, защищаютъ ихъ отъ варваровъ, несутъ на себѣ всѣ

тягости и выполняютъ принятыя на себя обязательства. Такъ какъ городъ достаточно снабженъ всѣмъ необходимымъ для войны, то слѣдуетъ излишекъ употреблять на такое дѣло, которое доставитъ Аѳинамъ безсмертную славу и распространитъ благосостояніе въ средѣ населенія,—на ихъ украшеніе, на строительную дѣятельность.

Периклъ такимъ образомъ стоялъ за безусловное главенство и господство аѳинянъ надъ союзниками; Ѳукидидъ же выступалъ защитникомъ равноправнаго положенія послѣднихъ. Но съ этимъ вопросомъ были связаны и другіе, напр. о направленіи внѣшней политики Аѳинъ; тутъ сталкивались интересы городского и сельскаго класса и т. д. Тогдашняя демократія въ Аѳинахъ была связана съ господствомъ надъ сюзниками. Это главенство, распоряженіе свюзною казною, расширеніе союза, политическаго и торговаго вліянія, своего рода политика „имперіализма",—все это служило источникомъ средствъ и благосостоянія городского населенія и за все это стояла партія демократическая, радикальная, хотя такая программа была въ сущности далеко не либеральная. Такимъ образомъ имперіализмъ и радикализмъ въ Аѳинахъ были тѣсно связаны между собою. Консервативные же слои, въ особенности сельское населеніе, или мало были заинтересованы въ поддержаніи „имперіализма" или же относились даже прямо враждебно къ подобному направленію, какъ противорѣчащему ихъ интересамъ. Столкновеніе разрѣшилось остракизмомъ. Партія Перикла одержала верхъ, и Ѳукидидъ принужденъ былъ отправиться въ изгнаніе (443/2 г.).

Послѣ изгнанія Ѳукидида Алопекскаго, въ теченіе 15 лѣтъ, Периклъ правитъ Аѳинами безъ соперниковъ, какъ общепризнанный руководитель государства. Именно къ этому періоду вполнѣ примѣнимо выраженіе историка Ѳукидида: „по имени это была демократія, а на дѣлѣ правленіе перваго гражданина".

Гдѣ же причина столь могущественнаго вліянія Перикла? На чемъ же основывалось его вліяніе? Прежде всего—на его личныхъ качествахъ.

Периклъ является благороднѣйшимъ типомъ эллина. Его отличаетъ отъ другихъ знаменитыхъ дѣятелей Эллады не дарованіе и не геніальность въ той или другой области, такъ какъ,

несомнѣнно, были въ Греціи дѣятели, по своему военному генію или, какъ преобразователи и законодатели, по творчеству и смѣлости мысли стоявшіе выше его. Онъ не былъ тѣмъ реформаторомъ, который пролагаетъ совершенно новые пути; онъ былъ лишь продолжателемъ и завершителемъ дѣла Клисѳена, Ѳемистокла и Эфіальта. Даже въ столь блестящей строительной дѣятельности Периклъ имѣлъ предшественниковъ, въ томъ числѣ Кимона, котораго въ этомъ отношеніи никакъ нельзя противополагать ему. Но Перикла отличало необыкновенно гармоническое сочетаніе разнообразныхъ талантовъ и качествъ. Онъ былъ и правитель, и полководецъ, и великій ораторъ, и все это въ немъ соединялось съ безукоризненною честностью и неподкупностью, столь рѣдкими въ Греціи, съ простотою образа жизни, съ возвышеннымъ умомъ, съ широкимъ образованіемъ и художественнымъ вкусомъ, наконецъ, даже съ красивою, величественною внѣшностью.

1. Периклъ.

Но безспорно, изъ всѣхъ разнообразныхъ дарованій, которыми обладалъ Периклъ, на первомъ планѣ стоялъ талантъ ораторскій. Именно могуществу своего слова прежде всего обязанъ былъ Периклъ тѣмъ обаятельнымъ вліяніемъ, которое производилъ онъ на своихъ современниковъ. Подлинныя рѣчи Перикла не сохранились. Но въ признаніи величія Перикла, какъ оратора, еще въ древности согласны были всѣ. Могущество Периклова слова признавалось самими врагами, и недаромъ его называли Олимпійцемъ. О немъ говорили, что онъ мечетъ перуны, поражаетъ своимъ словомъ, какъ громомъ и молніей, что „само Убѣжденіе возсѣдаетъ на устахъ Перикла“.

Натура Перикла была далеко не демократическая. Онъ не умѣлъ легко и непринужденно сближаться съ массой; онъ не былъ человѣкомъ, выражаясь нашимъ языкомъ, „популярнымъ“. Наоборотъ, его обвиняли въ надменности и излишней сдержанности. Онъ хранилъ всегда величавое спокойствіе и хладнокровіе

Почти все время Периклъ посвящалъ дѣламъ государственнымъ. На улицѣ можно было его видѣть идущимъ—своею обычною,

медленною и спокойною походкою—только по одной дорогѣ, именно въ народное собраніе или въ совѣтъ. Единственнымъ развлеченіемъ для Перикла была бесѣда въ домашнемъ кругу, среди близкихъ друзей, къ числу которыхъ принадлежали избранные умы и таланты тогдашней Греціи. Душою же этого кружка являлась Аспазія, уроженка Милета.

Положеніе женщины въ Аѳинахъ въ періодъ развитія демократіи оказывается незавиднымъ, худшимъ, чѣмъ въ гомерическую эпоху. Между мужемъ и женой было мало общаго: мужъ проводилъ время большею частью внѣ дома, на площади; онъ занятъ государственными и общественными дѣлами, философскими спорами; а жена сидитъ обыкновенно дома, разодѣтая и нарумяненная или погруженная въ хозяйственныя заботы. Но во второй половинѣ V в. наступило въ Аѳинахъ время „Просвѣщенія". Просвѣщеніе стало проникать и въ среду женщинъ. Одно изъ господствующихъ стремленій того времени—стремленіе къ освобожденію отъ разныхъ оковъ и стѣсненій. Уже и за рабомъ начали признавать права человѣка. Обнаружилось и женское движеніе. Выразилось оно главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ обычной морали, въ нарушеніи установившихся правилъ приличія и нравственности; появились женщины, ведшія свободный образъ жизни, *гетеры;* во-вторыхъ, въ средѣ женщинъ обнаружилось стремленіе къ высшему образованію.

Яркой представительницей времени „Просвѣщенія", вѣка Перикла, въ этомъ отношеніи и является Аспазія. Талантливая, высокообразованная, обладавшая даромъ краснорѣчія, прекрасная собой, она заняла въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ выдающееся мѣсто. Мы видимъ ее въ домѣ Перикла, который развелся съ своею первою женою и женился на Аспазіи. Ихъ связывала серьезная, нѣжная любовь, основывавшаяся на сходствѣ ихъ духовныхъ стремленій, на общности интересовъ, одинаковости уровня умственнаго развитія. Аспазія была истинной подругой жизни Перикла, его совѣтникомъ, вдохновлявшимъ и поддерживавшимъ его въ трудной дѣятельности. Аспазіи приписывали большое вліяніе на Перикла, на политическія событія и философское движеніе того времени. Говорили, что она повліяла и на мудреца Сократа, на развитіе его пріемовъ мышленія.

При объясненіи того господствующаго положенія, какое занялъ Периклъ, необходимо имѣть въ виду и нѣкоторыя черты аѳинскаго строя.

Изъ тогдашнихъ должностей въ Аѳинахъ самою важною и вліятельною является стратегія. Стратеги были не только предводителями войска и флота, но они стояли во главѣ всего военнаго и морского управленія, завѣдывали наборомъ войска, наблюдали за гаванями, городскими стѣнами и укрѣпленіями, за внѣшнею и внутреннею безопасностью страны, за налогами и повинностями, имѣвшими отношеніе къ военнымъ цѣлямъ, за снабженіемъ города продовольствіемъ. Они сносились съ другими государствами, заключали перемирія и иногда даже мирные договоры. По своей должности они постоянно находились въ сношеніяхъ съ совѣтомъ и такимъ образомъ могли вліять на него, имѣли право требовать созыва чрезвычайнаго народнаго собранія и наоборотъ—не допускать его созванія; ихъ предложенія раньше другихъ обсуждались народомъ и т. д. Одному изъ стратеговъ нерѣдко поручалось главное начальство надъ войскомъ, руководительство всѣмъ предпріятіемъ, такъ-что остальные его товарищи до нѣкоторой степени были подчинены ему; иногда одинъ или нѣсколько стратеговъ получали особыя полномочія.

Такимъ главою коллегіи стратеговъ и лицомъ, облеченнымъ особыми полномочіями, является неразъ Периклъ. Въ теченіе 15 лѣтъ своего полновластія онъ избирался въ стратеги изъ года въ годъ. Кромѣ того, Периклъ завѣдывалъ постройками, и вообще его вліяніе такъ или иначе простиралось и на финансовое управленіе.

Еще важнѣе другое обстоятельство. Аѳинская демократія, съ народнымъ собраніемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, эта „держава", глава обширнаго союза, ведшая широкую политику, нуждалась въ извѣстномъ сосредоточеніи власти и въ постоянномъ руководителѣ. Существованіе такого „руководителя демоса", демагога, вліяніе одной выдающейся личности было необходимымъ условіемъ успѣшной дѣятельности народнаго собранія, послѣдовательности въ политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней. И понятно, въ Аѳинахъ только тотъ могъ достичь могущественнаго, постояннаго вліянія, кто умѣлъ воздѣйствовать на народное соб-

раніе, увлекать его за собою, подчинять его своей волѣ, другими словами,—кто былъ ораторомъ.

Такимъ ораторомъ и „демагогомъ“ въ настоящемъ значеніи слова, т.-е. „руководителемъ демоса“, и былъ Периклъ, соединявшій въ своихъ рукахъ въ то же время и стратегію. Замѣчательную характеристику его, какъ вождя аѳинскаго демоса, далъ Ѳукидидъ. „Периклъ былъ первый изъ аѳинянъ своего времени, сильный словомъ и дѣломъ“, говоритъ этотъ историкъ... „Стоя во главѣ государства въ мирное время, онъ правилъ умѣренно и охранилъ его безопасность. Аѳины достигли при немъ высшаго могущества... Периклъ, сильный нравственнымъ достоинствомъ и умомъ и явно неподкупный въ высшей степени, свободно правилъ массой, и не столько она руководила имъ, сколько онъ ею, потому что онъ пріобрѣлъ власть, не прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ, и не имѣлъ вслѣдствіе этого нужды льстить толпѣ, но, пользуясь уваженіемъ, могъ и рѣзко противорѣчить ей. Такъ, когда онъ видѣлъ, что аѳиняне не во-время смѣлы, онъ своими рѣчами пробуждалъ въ нихъ страхъ, и наоборотъ,—видя ихъ падающими духомъ безъ основанія, онъ внушалъ имъ смѣлость. *По имени это была демократія, на дѣлѣ же—правленіе перваго гражданина*“.

Реформы Перикла. Периклъ не думалъ идти по пути крайней демократіи; напротивъ, давая окончательную организацію аѳинской демократіи, онъ въ то же время старался совладать съ демократическимъ движеніемъ, упорядочить, направить его въ извѣстныя, опредѣленныя границы. Свободу и равенство Периклъ стремился соединить съ господствомъ закона и порядка. Онъ достигъ власти и вліянія, опираясь на демосъ, но онъ правилъ не исключительно въ интересахъ только одной партіи. Вотъ почему многіе, болѣе умѣренные, не ослѣпленные ненавистью и враждою аристократы примыкали къ Периклу.

Перикловы мѣры направлены были къ тому, чтобы въ судѣ и въ управленіи въ дѣйствительности, а не только по имени, участвовалъ весь народъ, не одни лишь богатые граждане,—къ тому, чтобы предоставить демосу всѣ возможныя выгоды и неразрывно связать его интересы съ интересами самого государства.

Денежное вознагражденіе. Наиболѣе важная и характерная реформа Перикла—это введеніе *денежнаго вознагражденія за службу государству.* Въ древности должности носили почетный характеръ и ихъ отправляли безвозмездно. Впервые при Периклѣ сдѣлано было отступленіе отъ этого. Введено жалованье присяжнымъ, членамъ совѣта, войску и флоту, а также должностнымъ лицамъ (за исключеніемъ стратеговъ и начальниковъ конницы), въ размѣрѣ отъ 1 до 6 оболовъ[1]) въ день. При Периклѣ введены и „зрѣлищныя деньги", *θεωρικόν,*—плата за мѣсто въ театрѣ, въ размѣрѣ 2 оболовъ на человѣка въ день, которая раздавалась въ праздникъ Діонисій, а потомъ и въ другіе, чтобы дать возможность и простому народу посѣщать театръ. Что касается платы за участіе въ народномъ собраніи, то она не была введена Перикломъ: ее ввелъ нѣкій Агиррій уже послѣ Пелопоннесской войны, въ началѣ IV стол.

Введеніе Периклом денежнаго вознагражденія иногда объясняли личными побужденіями,—тѣмъ, что иначе онъ не могъ бороться съ такимъ богатымъ и щедрымъ соперникомъ, какъ Кимонъ. Нельзя, разумѣется, отрицать того, что подобныя мѣры, особенно θεωρικόν, могли служить орудіемъ въ политической борьбѣ, средствомъ для собственнаго возвышенія вождя демоса. Но система денежнаго вознагражденія была въ то же время необходима для упроченія и поддержанія существовавшаго въ Аѳинахъ строя. Безъ нея не могло быть и дѣйствительной демократіи. Плата, напр., присяжнымъ или судьямъ (геліастамъ, иначе—дикастамъ) вызывалась самою силою вещей и являлась неотложною со времени реформы ареопага, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и положеніи Аѳинъ, какъ главы союза, члены котораго должны были по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ обращаться въ аѳинскій судъ. Она стоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ дѣятельности геліэи. Безъ введенія платы нельзя себѣ представить этой дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, не будь вознагражденія, не было бы и необходимаго числа дикастовъ; развѣ можно было ожидать, что всегда найдется въ Аттикѣ нѣсколько сотенъ людей, которые ради отправленія судейскихъ обязанностей пожертвуютъ своимъ

[1]) Оболъ—6—7 коп. на наши деньги (до войны). Въ драхмѣ—6 оболовъ.

временемъ и трудомъ, оставятъ свои занятія, свое хозяйство? Во-вторыхъ, если только Периклъ желалъ, чтобы въ Аѳинахъ существовалъ въ самомъ дѣлѣ, а не только по имени, чисто народный судъ, то онъ долженъ былъ ввести плату присяжнымъ; иначе судъ оказался бы въ рукахъ лишь знатныхъ и богатыхъ. Самая эта плата въ 1 или 2 обола была незначительна; за эту сумму геліастъ могъ имѣть лишь скромный обѣдъ.

Все сказаное относительно платы дикастамъ примѣнимо еще въ большей степени по отношенію къ жалованью членамъ совѣта, являвшемуся необходимымъ вознагражденіемъ уже въ виду той массы дѣлъ, которая подлежала разсмотрѣнію совѣта. О жалованьѣ войску и флоту нечего и говорить: содержаніе почти постояннаго войска и флота, тяжелыя войны, а въ мирное время ежегодные продолжительные морскіе маневры, все это дѣлало плату тутъ мѣрой необходимой.

Введеніе вознагражденія за военную службу стоитъ въ связи съ внѣшнею политикой Аѳинъ и съ тѣмъ положеніемъ, которое онѣ тогда занимали въ Греціи. Главную силу Аѳинъ Периклъ видѣлъ во флотѣ, который при немъ стоялъ изъ 300, если не болѣе, тріэръ, вполнѣ исправныхъ и готовыхъ къ дѣйствію. Общее же число пѣшаго войска доходило до такой цифры, какъ никогда еще въ Аѳинахъ,—до 29000.

Ни одна Периклова мѣра не вызывала столько порицаній въ древности и въ новое время, какъ ѳеориконъ. Въ ней видѣли „гибельнѣйшее порожденіе Периклова вѣка", „язву государственнаго благосостоянія Аѳинъ", поглощавшую ихъ доходы и средства. Но въ періодъ расцвѣта аѳинской демократіи ѳеориконъ не принималъ еще такихъ размѣровъ, какіе мы видимъ впослѣдствіи. По свидѣтельству Плутарха, Периклъ ввелъ ѳеориконъ во время борьбы съ Кимономъ. При этомъ однако Периклъ, кромѣ личныхъ побужденій, руксводился стремленіемъ предоставить возможность каждому аѳинянину имѣть свою долю участія въ общихъ торжествахъ независимо отъ щедрости богачей, поставить демосъ въ такое положеніе, чтобы онъ не нуждался въ подобной щедрости. Бѣдность не должна была служить препятствіемъ къ полученію эстетическихъ удовольствій, тѣмъ болѣе, что празднества и самыя театральныя представленія имѣли въ Греціи религіозное значеніе,

были тѣсно связаны съ культомъ, являлись не простыми развлеченіями, а своего рода религіоаными церемоніями.

Аѳинское государство не забывалс въ то же время и убогихъ, калѣкъ, инвалидовъ и сиротъ павшихъ въ бою воиновъ,—словомъ, людей, неспособныхъ къ работѣ и нуждавшихся въ самомъ необходимомъ. Начало мѣръ въ пользу инвалидовъ относятъ еще ко времени Солона или Писистрата. Сироты павшихъ за отечество гражданъ содержались и воспитывались на государственный счетъ до своего совершеннолѣтія, т.-е. до 18 лѣтъ. Неимущимъ и увѣчнымъ оказывалась денежная поддержка, выдавалась своего рода пенсія въ размѣрѣ 1—2 оболовъ ежедневно, и на такую поддержку въ Аѳинахъ получали право лица, имѣвшія состоянія менѣе 3 минъ[1]) и не могшія работать.

Клерухіи и колоніи.

Чрезвычайно важною мѣрою въ соціальномъ отношеніи было основаніе клерухій, т.-е. поселеній аѳинскихъ гражданъ за предѣлами Аттики. Поселенцы получали земельные участки въ пользованіе, безъ права отчужденія—собственникомъ этихъ участковъ признавалось государство,—но сохраняли за собою право аѳинскаго гражданства, несли повинности наравнѣ съ остальными гражданами, продолжали числиться въ филахъ и демахъ, къ которымъ они принадлежали до переселенія. Въ этомъ отличіе клерухій отъ колоній. Клерухіи основывались и раньше Перикла, но при немъ мѣра эта достигла наибольшаго развитія; она превратилась какъ-бы въ систему. Наряду съ клерухіями основывались и собственно колоніи.

Поселенцы принадлежали преимущественно къ низшимъ, менѣе состоятельнымъ классамъ. Такимъ образомъ городъ освобождался отъ пролетаріата. Въ мѣстахъ своихъ новыхъ поселеній клерухи изъ неимущихъ бѣдняковъ дѣлались уже сравнительно зажиточными земледѣльцами-хозяевами. По словамъ одного современнаго изслѣдователя, если что и спасло Аѳины отъ соціальнаго переворота, отъ коммунизма, то это главнымъ образомъ внѣшнее могущество государства, позволявшее удовлетворять пролетаріатъ раздачею земельныхъ участковъ внѣ предѣловъ Аттики. Подобно колоніямъ, клерухіи доставляли также выгоды и въ торговомъ

[1]) Мина=100 драхмъ.

отношеніи: благодаря имъ упрочивалась и поддерживалась связь съ отдаленными странами. Но еще болѣе клерухіи должны были служить опорою и стражами аѳинскаго могущества. Это были наблюдательные посты, можно сказать, съ постоянными гарнизонами изъ аѳинскихъ гражданъ.

Для аѳинянъ чрезвычайно важно было обладаніе проливами Босфоромъ и Геллеспонтомъ. И вотъ въ подкрѣпленіе греческимъ обитателямъ Херсонеса Ѳракійскаго (на берегу Геллеспонта) Периклъ направилъ аѳинскихъ клеруховъ. Были поселены клерухи около того же времени и на лежащихъ у входа въ Геллеспонтъ островахъ Лемносѣ и Имбросѣ. Во Ѳракіи основана была колонія Брея, относительно которой дошло до насъ народное постановленіе, въ видѣ надписи, показывающее, какъ устраивались аѳинскія поселенія. Изъ этой надписи мы узнаемъ между прочимъ, что для нарѣзки участковъ земли должны были быть избраны 10 лицъ („геономовъ"), по одному изъ каждой филы, и что отправляющіеся въ Брею поселенцы должны быть изъ зевгитовъ и ѳетовъ.

Но особенно важно было для аѳинянъ прочно овладѣть нижнимъ теченіемъ Стримона. Пунктъ этотъ имѣлъ большое стратегическое и торговое значеніе. Это былъ лучшій сторожевой, наблюдательный постъ. Тутъ—узелъ дорогъ, шедшихъ по разнымъ направленіямъ—отъ Стримонскаго залива въ глубь Ѳракіи, отъ Геллеспонта въ Македонію—и здѣсь скрещивавшихся. Недаромъ находившееся здѣсь поселеніе носило прежде названіе „Девяти дорогъ". А окружающая страна и ея горы богаты были корабельнымъ лѣсомъ, столь необходимымъ для аѳинскаго флота, и драгоцѣнными металлами. Греки давно уже стремились къ обладанію этимъ пунктомъ, и только при Периклѣ усилія аѳинянъ, наконецъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ 437 г. здѣсь основанъ былъ городъ Амфиполь.

При Периклѣ аѳиняне обратили большое вниманіе и на западъ. Изъ Сициліи аѳиняне получали хлѣбъ, изъ Этруріи—желѣзо, мѣдь и выдѣланныя металлическія вещи. Изъ Аѳинъ въ Италію шли оливковое масло, серебро и въ особенности глиняныя издѣлія (керамика). Такимъ образомъ, между Аѳинами и Италіей существовали довольно близкія культурныя, торговыя и политическія связи, и когда потомки жителей разрушеннаго нѣкогда

кротонцами Сибариса обратились въ Аѳины съ просьбой оказать имъ содѣйствіе при основаніи новаго города, то недалеко отъ прежняго Сибариса при Периклѣ построенъ былъ городъ Ѳуріи, по строго опредѣленному плану: въ длину шли 4 улицы и въ ширину 3; каждая улица носила особое названіе. Въ первые годы своего существованія Ѳуріи привлекали въ свои стѣны немало тогдашнихъ знаменитостей; въ числѣ ихъ былъ Геродотъ.

Украшеніе Аѳинъ. Соціальное значеніе имѣло и то развитіе строительной и художественной дѣятельности, которое составляетъ такую характерную черту „Периклова вѣка".

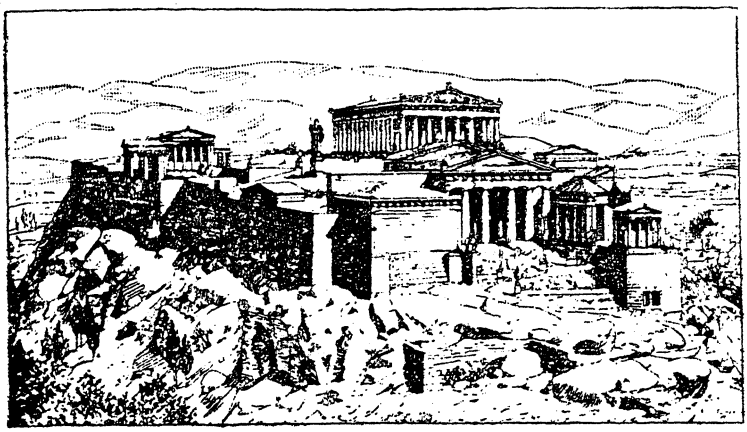
Периклъ развивалъ ту мысль, что такъ какъ городъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для войны, то излишекъ слѣдуетъ употреблять на такое дѣло, которое Аѳинамъ доставитъ безсмертную славу и распространитъ благосостояніе въ средѣ населенія, займетъ всѣ руки, такъ-что почти весь городъ будетъ на жалованьѣ, самъ себя украшая и вмѣстѣ съ тѣмъ питая. Поэтому онъ, говоритъ Плутархъ, внесъ въ народное собраніе планы великихъ построекъ и проекты высокохудожественныхъ произведеній, чтобы тѣ, которые остаются дома, имѣли основаніе получать и свою долю изъ государственныхъ средствъ, какъ и тѣ, кто служитъ во флотѣ, въ гарнизонѣ и участвуетъ въ походахъ. Надъ доставкой и обработкой различнаго матеріала заняты были самыя разнообразныя профессіи, начиная съ художниковъ и кончая поденщиками и чернорабочими; „такимъ образомъ между всѣми возрастами и профессіями распредѣлялись занятія и распространялось благосостояніе". Вмѣстѣ съ денежнымъ вознагражденіемъ, ѳеорикономъ и клерухіями, это была своеобразная система государственнаго соціализма.

Строительная дѣятельность Перикла имѣла въ виду укрѣпленіе Аѳинъ и ихъ украшеніе.

Еще во время борьбы за гегемонію на сушѣ возведены были „Длинныя стѣны": одна—отъ Аѳинъ къ Пирею, другая—къ Фалерской гавани. Но между Фалеромъ и Пиреемъ еще оставалось пустое, незащищенное пространство. И вотъ, по предложенію Перикла, рѣшено было построить еще третью стѣну, но не вдоль морского берега между Пиреемъ и Фалеромъ, а между уже суще-

ствующими стѣнами, параллельно сѣверной. Аѳины были теперь неприступны съ суши и значеніе Пирея еще болѣе поднялось. При Периклѣ Пирей былъ заново перестроенъ, по плану ученаго архитектора Гипподама. Находившіеся въ Пиреѣ арсеналы, верфи, доки приведены были въ самый исправный видъ и число ихъ увеличено. Военная гавань отдѣлена отъ торговой: военные корабли не должны были мѣшать купеческимъ судамъ. На берегу торговой гавани тянулись 5 хлѣбныхъ магазиновъ; построена была и своего рода биржа, гдѣ выставлены были образцы товаровъ.

При Периклѣ же Аѳины украсились великими произведеніями ваятеля Фидія и такими зданіями, какъ Пропилеи, Парѳенонъ и т. под. Памятники эти сосредоточивались преимущественно въ акрополѣ (рис. 2 и 3). Они составляли нѣчто единое, цѣльное; въ основѣ ле-



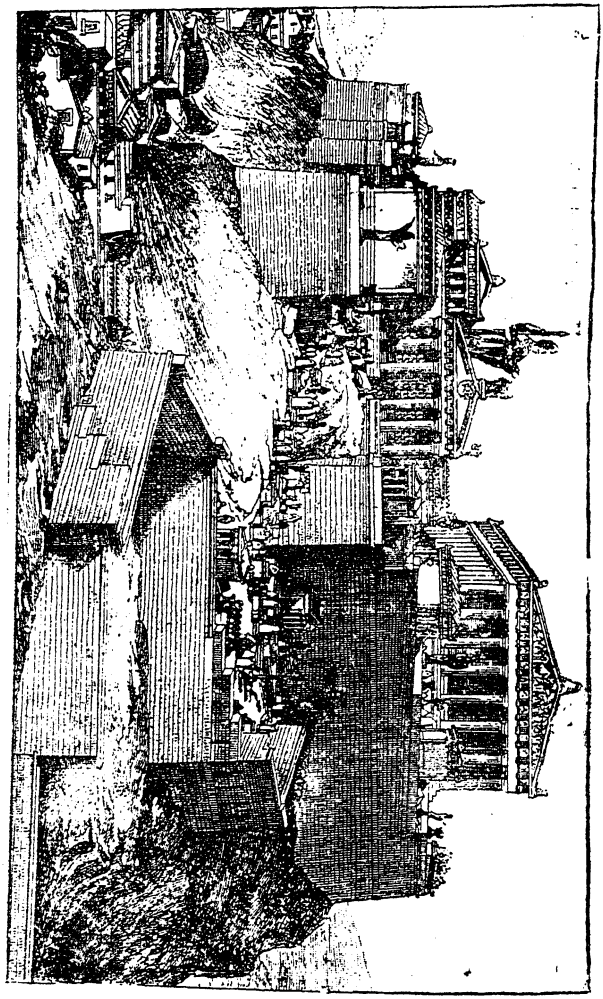
2. Акрополь (предположительное возстановленіе). Эрехѳейонъ. Статуя Аѳины. Парѳенонъ. Храмъ Ники. Пропилеи.

жалъ одинъ опредѣленный, тщательно продуманный планъ. Господствующая мысль—почитаніе и прославленіе богини Аѳины, мудрой покровительницы города и всего государства, на которую еще Солонъ возлагалъ твердое упованіе, говоря:

„Родина наша не сгибнетъ во-вѣки по волѣ Зевеса
И по желанью другихъ вѣчно-блаженныхъ боговъ.

Ибо надъ нею Аѳина-Паллада, могучая сердцемъ,
Гордая мощнымъ отцомъ, руки простерла свои".

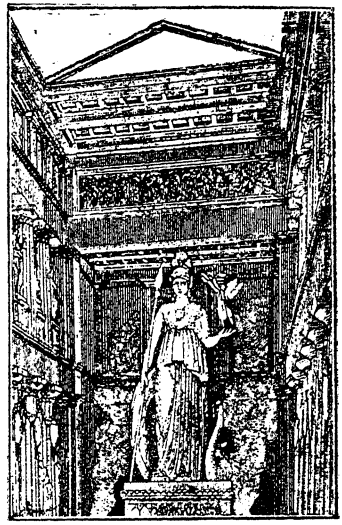
Аѳина—это „олицетвореніе самой аѳинской демократіи", „воплощеніе славы Аѳинскаго государства"...



3. Акрополь (другое предположительное возстановленіе)
Статуя Аѳины Пропилеи. Храмъ Ники. Парѳенонъ.

У входа въ акрополь, съ западной стороны, сооружены были Пропилеи,—крытая колоннада изъ мрамора, съ великолѣпною мраморною лѣстницею, составлявшія „преддверіе" (таково букваль-

ное значеніе слова: „Пропилеи"), монументальныя ворота, ведшія въ акрополь. Сбоку, на выступѣ скалы, находился небольшой, изящный храмъ Аѳины-Побѣды (Ники), задуманный еще въ срединѣ V в., но отстроенный уже послѣ Перикла. Въ акрополѣ, на площади, возвышалась колоссальная статуя Аѳины-Защитницы, изъ бронзы, работы Фидія; остріе ея копья, блестѣвшее на солнцѣ, и гребень ея шлема видны были даже у юго-восточной оконечности Аттики—тѣмъ, кто плылъ мимо мыса Сунія. Въ южной части акрополя, на возвышеніи, красовался величественный Парѳенонъ, —храмъ Аѳины-Дѣвы, изъ мрамора. Въ немъ стояла статуя богини, тоже произведеніе Фидія (рис. 4); самая статуя была изъ слоновой кости, а одежда ея—изъ золота. Снаружи, вверху (гдѣ фризъ), Парѳенонъ украшали мраморныя скульптуры, необыкновенно живо изображавшія торжествен-

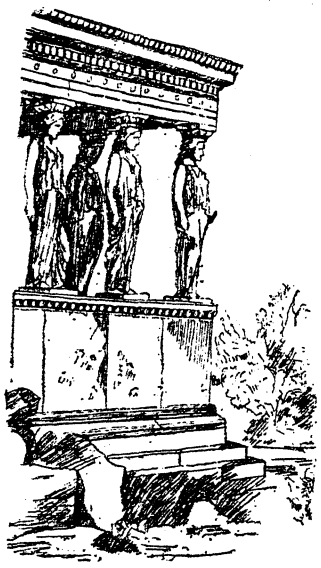


4. Статуя Аѳины-Дѣвы.

5. Часть фриза Парѳенона.

ную процессію въ праздникъ Великихъ Панаѳиней, въ честь богини Аѳины (рис. 5),—процессію, въ которой принимали участіе всѣ

аѳиняне и посольства отъ ихъ союзниковъ и которая направлялась изъ Керамика, предмѣстья Аѳинъ, черезъ городъ извилистымъ путемъ въ акрополь.—На сѣверной окраинѣ акрополя находился Эрехѳейонъ, съ портикомъ, въ которомъ вмѣсто колоннъ служили изваянія дѣвушекъ—„коръ“ (рис. 6). Это было святилище въ честь трехъ боговъ—бога моря Посейдона, древняго божества Эрехѳея, потомъ отожествленнаго съ Посейдономъ, и Аѳины-Поліады, „Покровительницы города“. Преданіе говорило, что нѣкогда Посейдонъ и Аѳина спорили, кто изъ нихъ долженъ почитаться покровителемъ города; Посейдонъ ударилъ трезубцемъ въ землю, и образовался источникъ соленой воды (другіе передаютъ, что онъ сотворилъ коня) Аѳина же создала маслину и побѣдила... Возлѣ Эрехѳейона росла священная маслина, а въ самомъ святилищѣ хранился Палладій,—древнѣйшее изображеніе Аѳины изъ оливковаго дерева. Такимъ образомъ, Эрехѳейонъ былъ мѣстомъ почитанія и побѣжденнаго Посейдона, и побѣдительницы Аѳины, и древнѣйшаго божества, Эрехѳея. Построенъ онъ уже не при Периклѣ, а во время Пелопоннесской войны.



6. Портикъ Эрехѳейона.

Это были памятники, по выраженію Плутарха, „величественные по своей громадности, неподражаемые по своей красотѣ и изяществу“, которыхъ и „время не коснулось, какъ будто кто вдохнулъ въ нихъ вѣчную, цвѣтущую жизнь и не старѣющую душу“. Они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о культурномъ уровнѣ аѳинской демократіи, о ея отношеніи къ искусству: демосъ аѳинскій умѣлъ цѣнить прекрасное. Былъ народъ, говоритъ извѣстный французскій ученый Ренанъ, „была публика, понимавшая красоту Пропилеевъ и совершенство мраморовъ Парѳенона“.

Периклъ вполнѣ достигъ поставленной имъ великой цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду наряду съ заработкомъ для массы и

распространеніемъ благосостоянія между „всякимъ возрастомъ и профессіями“: Аѳины, украшенныя великими памятниками искусства, дѣйствительно, были „школой“ и столицей Эллады.

Аѳины—„школа Эллады“. Въ тогдашней Греціи онѣ были первымъ и самымъ многолюднымъ городомъ. Въ „Перикловъ вѣкъ“ въ нихъ было болѣе 100000 жителей,—цифра для того времени громадная. Даже уроженецъ враждебной Аѳинамъ Беотіи, Пиндаръ прославлялъ ихъ: „Блестящія, увѣнчанныя фіалками, воспѣтыя, славныя Аѳины, опора Эллады, божественный городъ“. А у одного тогдашняго поэта говорится:

„Да, ты чурбанъ, когда Аѳинъ не видѣлъ;
Оселъ, коль. видя ихъ, не восхищался;
Когда жъ охотно кинулъ ихъ,—то мулъ“.

Аѳины вмѣстѣ съ Пиреемъ были главою союза, столицей могущественной державы, умственнымъ, художественнымъ, торговымъ и промышленнымъ центромъ греческаго міра. Сюда сходилось и здѣсь жило немало уроженцевъ союзныхъ городовъ и другихъ подчасъ далекихъ краевъ, торговцевъ, ремесленниковъ, рабочихъ, моряковъ. Сюда стекались толпы людей, надѣявшихся именно въ Аѳинахъ и въ Пиреѣ, среди кипѣвшей тамъ дѣятельности, найти скорый и лучшій заработокъ. Тутъ можно было встрѣтить представителей разнообразныхъ профессій и разныхъ племенъ, „смѣсь изъ всѣхъ эллиновъ и варваровъ“, по выраженію очевидца; особенно пестрая толпа наполняла Пирей. Были въ Аѳинахъ и представители тогдашней философіи, умственной и художественной дѣятельности, являвшіеся сюда изъ другихъ городовъ. На площадяхъ и улицахъ уже появляется, привлекая къ себѣ общее вниманіе, новая фигура—странствующаго учителя мудрости и краснорѣчія, софиста, въ роскошной, пурпуровой одеждѣ, предшествуемаго громкою молвою, сопровождаемаго толпою послѣдователей, слушателей или просто любопытныхъ зрителей. Въ Аѳины, къ торжественнымъ празднествамъ, являлись многочисленныя депутаціи союзниковъ, весною, къ Діонисіямъ,—съ форосомъ, лѣтомъ, къ Панаѳинеямъ,—съ жертвенными животными, осенью—съ дарами Элевсинскимъ богинямъ, Деметрѣ и Персефонѣ, съ „начатками отъ плодовъ земныхъ“.

Нигдѣ въ Греціи не было столько празднествъ, торжественныхъ процессій, жертвоприношеній и зрѣлищъ, нигдѣ зрѣлища не обставлялись такъ, какъ въ Аѳинахъ. Въ государственнныхъ празднествахъ выступало ежегодно болѣе 1000 и даже до 2000 мужчинъ и мальчиковъ въ качествѣ пѣвцовъ и танцоровъ. Но особенно выдавались театральныя представленія. То было время, когда Эсхилъ, творецъ „Персовъ", „Прометея" и „Евменидъ", закончилъ свою дѣятельность, когда талантъ Софокла, автора „Антигоны", „Электры„ и „Эдипа", былъ во всемъ блескѣ и когда выступилъ уже съ своими первыми произведеніями Еврипидъ, этотъ „сценическій философъ", отзывавшійся на самые животрепещущіе для тогдашняго образованнаго общества вопросы и темы. А комедія, носившая преимущественно характеръ политическій, въ лицѣ предшественниковъ и старшихъ современниковъ Аристофана, заняла уже видное мѣсто среди литературныхъ произведеній... До 30000 зрителей присутствовало иногда при театральныхъ представленіяхъ въ Аѳинахъ.

То была пора греческаго „Просвѣщенія", представителями котораго съ одной стороны являлись такіе философы, какъ Анаксагоръ, съ его ученіемъ о „разумѣ", съ его стремленіемъ объяснять всякія явленія причинами естественными, считавшій, напр., солнце и звѣзды раскаленными каменными массами, а съ другой стороны—софисты, утверждавшіе, что человѣкъ есть мѣра вещей. Нѣкоторыя черты этого „Просвѣщеія" представляютъ сходство съ французскимъ „Просвѣщеніемъ" XVIII в. И въ Греціи то было время пробужденія и развитія критической мысли, разума, раціонализма. Представители новаго философскаго направленія начинаютъ играть видную роль въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ домахъ Аѳинъ устраиваются собранія, въ которыхъ ведутся философскіе бесѣды и споры. Извѣстенъ напр. кружокъ Перикла, центромъ котораго являлась прекрасная Аспазія. Софисты собираютъ вокругъ себя толпы слушателей. Прибытіе софиста Протагора въ Аѳины—крупное событіе. Вѣсть о немъ переходитъ изъ устъ въ уста. Знакомый Сократа, Гиппократъ, спѣшитъ къ нему еще до разсвѣта, чтобы сообщить объ этомъ; онъ готовъ ничѣмъ не поскупиться, лишь бы знаменитый софистъ сдѣлалъ и его мудрымъ. Но Сократъ уже знаетъ о прибытіи Протагора.

Лишь стало свѣтать, Сократъ и Гиппократъ идутъ въ домъ богача Каллія, гдѣ остановился Протагоръ. Домъ уже полонъ гостей, слушателей и собесѣдниковъ... Оказывается, тамъ находился не только Протагоръ, но и два другихъ знаменитыхъ софиста—Гиппій и Продикъ...

Финансы. Для системы денежнаго вознагражденія, содержанія многочисленнаго флота, поддержанія внѣшняго могущества и блеска, для созданія великихъ памятниковъ искусства и широкаго развитія строительной дѣятельности, для всего этого нужны были большія финансовыя средства. Одна статуя Аѳины-Дѣвы стоила, напр., до 700—800 тал., Пропилеи—2012 тал. Впервые въ Аѳинахъ мы видимъ болѣе или менѣе сложную финансовую организацію. Периклъ какъ нельзя лучше понималъ, какимъ могущественнымъ орудіемъ въ государственной жизни могутъ явиться денежныя средства, и онъ старался увеличить финансовыя силы Аѳинъ. При Периклѣ аѳинская казна была такъ богата запасными средствами, какъ никогда еще: въ половинѣ 30-хъ годовъ V в. въ ней хранилось 9700 талантовъ, и еще въ самомъ началѣ Пелопоннесской войны, несмотря на громадные расходы, на постройку Пропилеевъ и начавшіяся военныя дѣйствія, въ ней оставалось 6000 талантовъ, не считая священныхъ предметовъ, утвари, даровъ и т. п., хранившихся въ храмахъ, чѣмъ, въ случаѣ крайности, государство могло воспользоваться.

Матеріальное благосостояніе. Рядомъ съ внѣшнимъ могуществомъ и блестящимъ положеніемъ государственныхъ финансовъ, торговля и матеріальное благосостояніе самихъ аѳинскихъ гражданъ достигли тоже своего высшаго развитія. Жизнь была недорогая. Для ежедневнаго содержанія одного человѣка достаточно было 1 обола, т. е. 6—7 коп. на наши деньги (до-военнаго времени). Владычествуя на морѣ, аѳиняне властвовали и надъ торговлею. Ихъ торговыя связи обнимали и востокъ, и западъ. Аѳины Периклова вѣка являлись посредникомъ между восточными и западными берегами Средиземнаго моря, торговымъ центромъ, главнымъ складочнымъ мѣстомъ греческаго міра, а Пирей—самою оживленною гаванью Греціи. „Вслѣдствіе величины города", гово-

ритъ Периклъ у Ѳукидида объ Аѳинахъ, „сюда сходится все со всей земли, и мы можемъ наслаждаться благами остальныхъ странъ съ такою же легкостью, какъ и благами своей земли". „Что только есть хорошаго въ Сициліи, или Италіи, или на Кипрѣ, или въ Египтѣ, или Лидіи, или въ Понтѣ, или въ Пелопоннесѣ, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ", замѣчаетъ другой авторъ, „все это собирается въ одинъ пунктъ—въ Аѳины, благодаря ихъ владычеству на морѣ".

„Аѳиняне отличаются склонностью къ новизнѣ, быстры въ замыслахъ и исполненіи", такъ характеризуетъ ихъ Ѳукидидъ словами коринѳянъ; „они смѣлы, склонны къ риску и среди опасностей полны надеждъ". Эти качества, предпріимчивость и кипучую дѣятельность проявляли аѳиняне и въ торговлѣ. „Они подвижны и непосѣдливы", говорятъ тѣ же коринѳяне объ аѳинянахъ у Ѳукидида, „ибо и удаляясь отъ родины, они разсчитываютъ что-либо пріобрѣсти... Такъ непрестанно всю жизнь трудятся они съ напряженіемъ силъ и среди опасностей".

Земледѣліе въ не отличавшейся плодородіемъ Аттикѣ все болѣе и болѣе уступало мѣсто другимъ отраслямъ. Развивалась культура маслины, винограда и овощей. Населеніе нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ. Государство тщательно слѣдило за хлѣбною торговлею. Суда съ хлѣбомъ должны были направляться въ Пирей; одна треть ввоза могла быть потомъ отправлена дальше, а двѣ трети доставлялись въ Аѳины. Государство вело борьбу съ хлѣбными торговцами и скупщиками; подъ страхомъ смертной казни запрещалось одному лицу пріобрѣтать сверхъ положеннаго количества хлѣба. На хлѣбъ существовала такса. Были особыя должностныя лица, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за цѣнами, за хлѣбною торговлею и рынкомъ.

Внѣшняя политика. Хлѣбъ, особенно пшеница, получался преимущественно изъ Черноморскихъ странъ, съ которыми давно уже были тѣсныя торговыя связи. Кромѣ хлѣба, оттуда шли въ Аѳины соленая рыба, ленъ, пенька, смола, строевой лѣсъ, шкуры, воскъ, медъ, даже рабы, а изъ Аѳинъ отправлялись туда глиняная посуда, масло, предметы роскоши, разныя бездѣлушки. Понятно, какъ важно было для аѳинянъ обладаніе проливами

Геллеспонтомъ и Ѳракійскимъ Босфоромъ; понятна и та экспедиція въ Понтъ, которую предпринялъ Периклъ во главѣ большого и блестящаго флота; она должна была еще болѣе упрочить торговыя связи съ Припонтійскими странами, поддержать тамошнихъ грековъ, поднять въ ихъ глазахъ значеніе Аѳинъ. Припонтійскіе города введены были теперь въ сферу аѳинскаго вліянія. Но во времена Перикла фороса съ нихъ не взималось: попытка обложить ихъ данью принадлежитъ уже его преемникамъ.

Вообще во внѣшней политикѣ программа Перикла состояла въ упроченіи и охраненіи существующаго и въ подготовленіи средствъ къ будущей борьбѣ со Спартой,—борьбѣ, которую Периклъ предвидѣлъ. Это была политика сосредоточенія силъ. Периклъ былъ врагъ рискованныхъ предпріятій, и въ то время, какъ демосъ хотѣлъ снова вмѣшаться въ дѣла Египта и вступить въ рѣшительную борьбу съ Персіей, въ то время, какъ многими овладѣла уже, по выраженію Плутарха, „несчастная и роковая страсть къ Сициліи“, а нѣкоторые грезили даже объ Этруріи и Карѳагенѣ, онъ всячески старался удерживать аѳинянъ отъ подобныхъ стремленій и отъ политики приключеній. Периклъ выступилъ даже съ планомъ національнаго обще-греческаго конгресса изъ представителей греческихъ городовъ какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, для совѣщанія по вопросамъ, касающимся богопочитанія, и „о соблюденіи мира и безопасномъ для всѣхъ плаваніи по морю“. Отправлены были послы въ разныя части греческаго міра съ приглашеніемъ на конгрессъ. Но планъ Перикла прежде всего разбился о противодѣйствіе спартанцевъ, и уполномоченные греческихъ городовъ не собрались въ Аѳинахъ...

3. *Государственное устройство.*

Народное собраніе. Едва-ли гдѣ-либо народъ принималъ такое непосредственное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и въ управленіи, какъ въ Аѳинахъ.

Государемъ тамъ былъ демосъ и верховныя права принадлежали *народному собранію (экклесіи)*. Оно рѣшало дѣла, каса-

ющіяся государственнаго строя, войны и мира, войска и флота, безопасности страны и снабженія ея хлѣбомъ, государственныхъ средствъ и налоговъ, построекъ, культа и проч.; оно сносилось съ другими государствами, заключало договоры, выбирало должностныхъ лицъ, предоставляло особыя преимущества и награды отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ; иногда само судило по обвиненію въ государственномъ преступленіи, иногда передавало такія дѣла въ судъ присяжныхъ; обсуждало законодательные вопросы, производя пересмотръ законовъ, однако рѣшенія по существу въ такихъ случаяхъ предоставляя коммиссіи изъ присяжныхъ (номоѳетамъ) и т. д. Чѣмъ болѣе развивалась демократія, тѣмъ больше расширялись права народнаго собранія, росло его вліяніе и значеніе. Къ нему впослѣдствіи переходитъ и рѣшеніе такихъ дѣлъ, которыя подлежали вѣдѣнію совѣта и геліэи. Различіе между постановленіями народнаго собранія (псефизмами) и собственно законами стало утрачиваться. Масса все болѣе и болѣе присвоивала себѣ непосредственную власть и всѣмъ распоряжалась посредствомъ декретовъ, псефизмъ. Но въ пору расцвѣта державный демосъ себя ограничивалъ: надъ нимъ стоялъ законъ...

Собранія бывали очередныя, сначала по 1, а впослѣдствіи по 4 въ каждую пританію, и чрезвычайныя. Для каждаго изъ очередныхъ собраній установлены были извѣстные разряды дѣлъ. Чрезвычайныя собранія созывались по мѣрѣ надобности и предметы обсужденія въ нихъ были въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Созывались народныя собранія пританами, которые и предсѣдательствовали въ нихъ. Дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ секретарь совѣта, имѣвшій, разумѣется, вообще немало вліянія на ходъ дѣлъ. „Программа“ очередныхъ собраній должна была быть объявлена за 5 дней. Для всѣхъ дѣлъ требовалась „пробулевма“, предварительное заключеніе или резолюція, совѣта; засѣданіе и начиналось съ ея прочтенія; законъ не допускалъ вносить что-либо въ экклесію безъ предварительнаго разсмотрѣнія и отзыва совѣта. Участвовать въ народномъ собраніи могъ каждый полноправный аѳинскій гражданинъ, достигшій 20-лѣтняго возраста. Свобода слова въ сущности была полная, лишь бы ораторъ не дѣлалъ предложеній, противорѣчащихъ закону, не касался предметовъ, къ дѣлу не относящихся, не повторялъ дважды одного и

того же и не позволялъ себѣ неприличныхъ выраженій или дѣйствій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно когда дѣло шло о постановленіи относительно отдѣльнаго лица, въ томъ числѣ и при остракизмѣ, требовалось присутствіе въ народномъ собраніи не менѣе 6000 гражданъ. Обыкновенно бывало гораздо меньше. Большею частью присутствовали горожане. Земледѣльцы почти терялись въ остальной массѣ. Голосованіе производилось посредствомъ поднятія рукъ. „Помолодѣло сердце мое", говоритъ въ одной античной пьесѣ старикъ-иноземецъ, „когда я увидѣлъ этотъ единодушный народъ, торжественно поднявшій кверху правыя руки свои, когда задрожалъ воздухъ отъ тысячи дружныхъ голосовъ".

Народный судъ. Чрезвычайно важное мѣсто въ строѣ Аѳинскаго государства занимала *геліэя*, судъ присяжныхъ. Ея вѣдѣнію подлежало множество дѣлъ, тѣмъ болѣе, что она являлась судомъ не только для аѳинскихъ гражданъ, но и для союзниковъ. Ежегодно въ нее избиралось 6000 присяжныхъ, изъ которыхъ 1000 была запасныхъ. Дѣлилась она на 10 секцій, или палатъ (дикастеріевъ), по 500 членовъ въ каждой, причемъ засѣдать могла и не цѣлая палата, и наоборотъ—въ случаѣ надобности нѣсколько дикастеріевъ могли соединяться въ одинъ.

Это была одна изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ въ исторіи организовать чисто народный судъ. Возможность подкупа или какого бы то ни было запугиванья устранялась уже большимъ числомъ судей; секціи опредѣлялись жребіемъ лишь въ самый день суда, такъ-что никто изъ присяжныхъ не могъ знать, въ какую секцію онъ попадетъ и по какому дѣлу явится судьей. Такимъ образомъ устранялась возможность какого-либо предварительнаго соглашенія между присяжными и заинтересованными сторонами. Засѣданія геліэи были публичны. Наконецъ геліастовъ должна была связывать и даваемая ими клятва: они клялись, что будутъ рѣшать „согласно законамъ и постановленіямъ аѳинскаго народа и совѣта 500", а въ тѣхъ случаяхъ, которые закономъ не предусмотрѣны,—по совѣсти и разумѣнію, безъ вражды и лицепріятія; клялись, что будутъ одинаково выслушивать, какъ обвинителя, такъ и обвиняемаго, и будутъ имѣть въ виду лишь предметы обвиненія.

Аѳинская геліэя была не только судомъ: она въ нѣкоторомъ

отношеніи стояла какъ-бы выше народнаго собранія. Къ ней перешли вообще многія изъ политическихъ правъ ареопага; она вліяла на весь ходъ государственной жизни, начиная съ законодательства, такъ какъ рѣшающій голосъ по вопросу о введеніи новаго или перемѣнѣ стараго закона принадлежалъ, какъ увидимъ, номоѳетамъ, выбиравшимся изъ среды геліастовъ. Геліэя являлась вообще высшею инстанціею по отношенію ко всякому постановленію народнаго собранія, благодаря тому, что она разсматривала жалобы на противозаконныя постановленія; а благодаря докимасіи, испытанію кандидатовъ на должность, она имѣла вліяніе на назначеніе должностныхъ лицъ, которыя, въ случаѣ отрѣшенія отъ должности народнымъ собраніемъ или при сдачѣ отчета, предъ ней же подлежали отвѣтственности. Ей принадлежалъ рѣшающій голосъ и при раскладкѣ подати съ союзниковъ. Она утверждала постановленія о дарованіи права гражданства, подчасъ участвовала въ заключеніи договоровъ, давая обязательства, и т. под. Такимъ образомъ вліяніе геліэи простиралось и на внѣшнія отношенія.

Совѣтъ. Наравнѣ съ геліэей, особенно на первыхъ порахъ послѣ Эфіальтовой реформы, наслѣдникомъ правъ ареопага былъ ***совѣтъ пятисотъ***, по 50 членовъ отъ каждой филы: въ лицѣ этихъ 50 своихъ представителей (притановъ) каждая фила по очереди завѣдывала текущими дѣлами въ теченіе десятой части года, пританіи. Совѣтъ пятисотъ имѣлъ право, по словамъ Аристотеля, наказывать денежнымъ штрафомъ, заключать въ тюрьму и казнить, судить большую часть властей, преимущественно тѣхъ, которыя завѣдывали деньгами, принимать частныя жалобы на должностныхъ лицъ. Потомъ однако права совѣта въ этихъ случаяхъ были ограничены, и дальнѣйшее развитіе демократіи выразилось, между прочимъ, въ расширеніи вліянія геліэи и народнаго собранія на счетъ совѣта. Но все-же права послѣдняго были значительны. Говоря вообще, къ вѣдѣнію совѣта относились всѣ отрасли государственнаго управленія, не исключая и финансовъ. Совѣтъ имѣлъ надзоръ за общественными постройками, святилищами и празднествами, за конницею и впослѣдствіи за молодыми аѳинянами (эфебами), за тріэрами, верфями и доками, заботился о постройкѣ и снаряженіи новыхъ судовъ. Совѣтъ

завѣдывалъ сношеніями съ другими государствами, принималъ и вводилъ пословъ въ народное собраніе. Предварительное заключеніе или опредѣленіе (пробулевма) совѣта было необходимо для народнаго собранія. Такимъ образомъ, совѣтъ являлся подготовительнымъ, совѣщательнымъ и вмѣстѣ исполнительнымъ органомъ народнаго собранія, получая иногда особыя полномочія. Онъ же служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ между должностными лицами и народнымъ собраніемъ.

Что касается *ареопага*, этого остатка старины, то за нимъ сохранились главнымъ образомъ судъ по дѣламъ о смертоубійствѣ и нѣкоторыя обязанности, имѣвшія отношеніе къ культу.

„Обвиненіе въ противозаконности“. Но и послѣ ограниченія правъ и вліянія ареопага въ аѳинскомъ строѣ имѣлись начала сдерживающія, контролирующія. Для охраненія законовъ принятъ былъ рядъ мѣръ.

Во-первыхъ—„обвиненіе въ противозаконности“ (графэ параномонъ). Съ этимъ обвиненіемъ могъ выступить каждый аѳинскій гражданинъ противъ всякаго такого предложенія или постановленія народнаго собранія, которое, по его мнѣнію, противорѣчило существующимъ законамъ и было вредно для государства. Стоило только кому-нибудь подъ клятвой заявить о своемъ намѣреніи подать такое обвиненіе, и дальнѣйшее обсужденіе обжалованнаго предложенія или приведеніе въ исполненіе уже состоявшагося рѣшенія пріостанавливалось, а обвиненіе поступало въ судъ присяжныхъ. Въ случаѣ признанія жалобы основательной, отвѣтчикъ подвергался наказанію—денежному штрафу, а въ особо важныхъ случаяхъ даже смертной казни. Съ другой стороны, чтобы обуздать не въ мѣру ретивыхъ обвинителей и предотвратить злоупотребленія съ „жалобой на противозаконность“, установлено было, что если обвинитель не получалъ въ свою пользу и пятой части голосовъ, то за неосновательное обвиненіе подвергался штрафу въ 1000 драхмъ. Злоупотребленія съ „жалобой на противозаконность“ впослѣдствіи однако были часты: подобныя обвиненія подавались изъ личныхъ цѣлей, изъ вражды, изъ желанія лишь воспрепятствовать какой-нибудь мѣрѣ и т. под. Но въ V в. „жалоба на противозаконность“ дѣйствительно служила защитой существовавшаго въ

Аѳинахъ строя и дѣйствующихъ законовъ, и напр. въ 411 г., когда олигархи совершали переворотъ, они прежде всего постарались отмѣнить „графэ параномонъ", какъ главное препятствіе къ достиженію ихъ цѣли.

Но характернѣе всего порядокъ законодательства въ Аѳинахъ.

Порядокъ законодательства. Аѳиняне отлично сознавали разницу между *закономъ*, создающимъ общее правило, и *псефизмой*, постановленіемъ народнаго собранія, декретомъ или „указомъ". Порядокъ законодательства былъ у нихъ довольно сложный. Пересмотръ (или такъ назыв. „голосованіе") законовъ производился разъ въ годъ, въ опредѣленное время; проектъ новаго закона предварительно проходилъ чрезъ совѣтъ пятисотъ; онъ выставлялся во всеобщее свѣдѣніе на людномъ мѣстѣ, на площади, чтобы каждый грамотный аѳинянинъ могъ прочитать его, и, кромѣ того, читался секретаремъ совѣта въ народныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ промежутокъ между пересмотромъ законовъ и внесеніемъ новаго. Послѣдній не долженъ былъ находиться въ противорѣчіи съ существующими законами, иначе автору его могло угрожать „обвиненіе въ противозаконности"; если такое противорѣчіе существовало, то объ этомъ слѣдовало заранѣе открыто заявить и потребовать, вмѣстѣ съ введеніемъ новаго закона, отмѣны стараго, съ нимъ не согласующагося. Проектъ вносился въ народное собраніе, которое передавало его на рѣшеніе коммиссіи такъ назыв. „законодателей", *номоѳетовъ*, изъ состава суда присяжныхъ. Дѣло тутъ разсматривалось въ формѣ судебнаго процесса. Государство назначало пять особыхъ оффиціальныхъ защитниковъ старыхъ законовъ; защитникомъ новаго являлся его авторъ; кромѣ того, всякій аѳинянинъ могъ принять участіе въ преніяхъ. Рѣшающій голосъ принадлежалъ номоѳетамъ: только въ случаѣ ихъ одобренія проектъ получалъ силу закона. Такимъ образомъ пересмотръ законовъ долженъ былъ совершаться не въ любой моментъ, не по случайному настроенію народнаго собранія, а лишь въ извѣстный, разъ навсегда опредѣленный срокъ. Для знакомства съ проектированнымъ закономъ, для обдумыванія рѣшенія, для взвѣшиванія доводовъ за и противъ, времени было достаточно. Наконецъ, окончательное рѣшеніе принадлежало не на-

родному собранію, а коммиссіи изъ лицъ большею частью зрѣлаго или даже пожилого возраста, связанныхъ, притомъ, присягой.

Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ мы видимъ строго опредѣленный, обставленный сложными формальностями порядокъ законодательства, проникнутый скорѣе консервативнымъ духомъ, уваженіемъ къ существующимъ законамъ. Вмѣсто полнаго господства случая и произвола толпы мы видимъ стройную систему самоограниченія демоса,—порядокъ, созданный по плану, глубоко обдуманному, проникнутому идеей законности, сознаніемъ того, что свобода должна быть въ то же время царствомъ закона. Недаромъ Аѳинское государство называютъ иногда „правовымъ“: надъ волею народнаго собранія, надъ самимъ державнымъ демосомъ тамъ поставленъ былъ законъ; мы видимъ геліэю, образованную изъ среды самого народа, но стоящую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше народнаго собранія и его ограничивающую.

Характеръ финансоваго управленія.

Тѣ же черты, тотъ же духъ характеризуетъ и финансовое управленіе въ Аѳинахъ второй половины V в. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны два постановленія народнаго собранія, дошедшіе до насъ въ начертанныхъ на камнѣ надписяхъ. Однимъ изъ нихъ самымъ точнымъ образомъ опредѣляется порядокъ уплаты долга „другимъ“, кромѣ богини Аѳины, „богамъ“ и храненія казны этихъ боговъ. Другое постановленіе касается казны богини Аѳины. Изъ этихъ постановленій мы видимъ, какъ излишекъ доходовъ не тратится легкомысленно, а идетъ на покрытіе долга священной казнѣ или на устройство верфей и укрѣпленій. Мы видимъ тутъ опредѣленный порядокъ, строгую отчетность и гласность. До насъ дошли подробныя описи предметовъ, принадлежавшихъ Аѳинѣ и „другимъ богамъ“; дошли и долговыя записи, въ которыхъ въ точности „до послѣдней драхмы и обола“ обозначалась сумма, должная государствомъ священной казнѣ. Дѣло въ томъ, что государство, употребляя на свои нужды средства этой казны, возвращало долгъ, когда представлялась возможность, или, по крайней мѣрѣ, обязывалось возвратить его съ уплатой извѣстнаго, хотя и небольшого процента. Для государства священная казна являлась такимъ образомъ запасною. Сложныя формальности, въ родѣ, напр.,

предварительнаго испрашиванія особаго разрѣшенія—„безопасности“ сдѣлать предложеніе, *адеи*, для дарованія которой требовалось присутствіе въ народномъ собраніи не менѣе 6000 человѣкъ,—прежде чѣмъ выступить съ предложеніемъ о займѣ изъ священной казны, должны были дѣйствовать сдерживающимъ образомъ и предупреждать слишкомъ частыя и необдуманныя траты.

Кромѣ священной казны богини Аѳины, существовала и государственная казна. Она находилась подъ охраной богини, которой удѣлялась $^1/_{60}$ часть фороса съ союзниковъ. Но аѳиняне въ случаѣ надобности предпочитали брать заимообразно изъ священной казны, на извѣстныхъ условіяхъ, съ соблюденіемъ сложныхъ формальностей, уплатой процентовъ и обязательствомъ возвратить долгъ. Словомъ, и здѣсь мы видимъ тотъ же духъ самоограниченія, то же стремленіе предупреждать поспѣшныя, легкомысленныя рѣшенія случайнаго большинства народнаго собранія, какими проникнутъ былъ и порядокъ законодательства. Есть даже основаніе думать, что бюджетъ расходовъ въ Аѳинахъ устанавливался законодательнымъ порядкомъ: въ предѣлахъ установленной суммы можно было расходовать по постановленію народнаго собранія, а добавочные расходы нуждались въ дополнительномъ законѣ.

Доходы и повинности. Какъ было упомянуто, аѳинскіе финансы при Периклѣ были въ блестящемъ состояніи. Ежегодный доходъ государства составлялъ не менѣе 1000 талантовъ. Прямой налогъ съ имущества, такъ называемая эйсфора, въ Аѳинахъ взимался лишь въ крайнихъ случаяхъ. Государственное хозяйство основывалось главнымъ образомъ на налогахъ косвенныхъ. Кромѣ фороса съ союзниковъ, доходы Аѳинскаго государства состояли изъ аренды съ рудниковъ, съ государственныхъ имѣній и домовъ, изъ разнаго рода пошлинъ—портовыхъ, рыночныхъ, при сдѣлкахъ и продажахъ, судебныхъ,—штрафовъ, изъ налога на рабовъ, метэковъ, съ нѣкоторыхъ профессій, изъ суммъ, вырученныхъ при продажѣ конфискованныхъ имѣній и т. под. Широко распространены были общественныя повинности, *литургіи*, возлагавшіяся на богатыхъ гражданъ. Главными изъ нихъ были *тріэрархія*, т. е.

снаряженіе корабля, построеннаго государствомъ, и содержаніе его въ боевой готовности, и *хорегія*—обученіе, постановка и содержаніе хора для театральныхъ представленій, празднествъ и т. д.

Должностныя лица. Въ Аѳинахъ было большое число должностныхъ лицъ. Должности были годовыя и одну и ту же должность, за нѣкоторыми исключеніями, нельзя было занимать дважды; такимъ образомъ, очередь доходила почти до всѣхъ гражданъ и рѣдко какой аѳинянинъ не несъ въ теченіе своей жизни какой-либо должности.

Главными, наиболѣе вліятельными сановниками въ Аѳинской республикѣ сначала были *архонты*, числомъ 9. Особенно это можно сказать о первомъ архонтѣ. Но въ V в. значеніе архонтовъ пало, и самою важною и вліятельною должностью является должность *стратеговъ*, которыхъ было 10, но изъ которыхъ одному часто предоставлялись особыя полномочія и главное командованіе. Вѣдѣнію стратеговъ, какъ мы видѣли (по поводу Перикла), подлежали не только начальство надъ войскомъ и флотомъ, военное и морское министерство, выражаясь по современному, но и наблюденіе за внѣшнею и внутреннею безопасностью государства, отчасти внѣшнія сношенія; они могли оказывать вліяніе и на дѣла внутреннія. Въ народномъ собраніи, съ паденіемъ вліянія архонтовъ, открывается поле для дѣятельности лица собственно не должностного, а лидера, „вождя демоса“, „демагога“. Но пока, до начала Пелопоннесской войны и смерти Перикла, демагогъ обыкновенно соединяется въ одномъ лицѣ со стратегомъ: наиболѣе вліятельные вожди народнаго собранія большею частью являются въ то же время и стратегами.

Жребій и докимасія. Мы видѣли, что архонты въ Аѳинахъ выбирались съ 487/6 г. посредствомъ жребія изъ кандидатовъ, предварительно избранныхъ голосованіемъ, но потомъ и при предварительномъ избраніи введенъ былъ жребій. Вообще, при господствѣ демократіи, жребій находилъ себѣ все большее и большее примѣненіе; его стали употреблять при выборѣ почти на всѣ должности, кромѣ немногихъ, преимущественно военныхъ; послѣднія всегда замѣщались лицами, избираемыми посредствомъ

голосованія, по понятной причинѣ: должности эти требовали спеціальныхъ способностей; рискованно было ввѣрять начальство надъ войскомъ и защиту государства лицамъ, обязаннымъ своимъ избраніемъ жребію, т.-е. случаю.

Кандидатъ на какую бы то ни было должность подвергался „испытанію", *докимасіи*. Это „испытаніе" касалось не способностей лица или его пригодности для данной должности, а его жизни, его поведенія, нравственныхъ качествъ, его формальныхъ правъ. Напр., кандидату въ архонты предлагались вопросы: кто его отецъ и дѣдъ и изъ какого дема? кто его мать и бабка и изъ какого дема? чтитъ ли онъ Апполона Патроя (Отцовскаго) и Зевса Геркея (Ограднаго, хранителя домашняго очага)? есть ли могилы предковъ и гдѣ онѣ? хорошо ли обращался съ родителями? исполнялъ ли военную службу и несъ ли финансовыя повинности? и т. д. Въ такомъ же родѣ была докимасія и при замѣщеніи другихъ должностей. Быть должностными лицами могли аѳинскіе граждане не моложе 30 лѣтъ. Для занятія нѣкоторыхъ должностей—напр., казначеевъ—требовался особый, болѣе высокій цензъ. По закону ѳеты вообще не имѣли права занимать должности; законъ не былъ отмѣненъ даже при торжествѣ демократіи, но на практикѣ обходился.

Запрещалось два раза занимать одну и ту же должность, за исключеніемъ военныхъ, на которыя можно было выбирать одно и то же лицо нѣсколько разъ, даже изъ года въ годъ, и отчасти должности булевта: членомъ совѣта 500 можно было состоять дважды въ теченіе жизни.

Всѣ должностныя лица подлежали контролю, а по окончаніи срока службы должны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

4. Основныя черты аѳинской демократіи.

Гражданская присяга. Для характеристики аѳинской демократіи интересна та присяга, которую давали молодые аѳиняне, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, при внесеніи ихъ въ списокъ—въ общинную книгу дема,—какъ совершеннолѣтнихъ, правоспособныхъ гражданъ: „Я не посрамлю священнаго оружія и не покину соратника, съ которымъ буду идти въ строю, но

буду защищать все священное и завѣтное—одинъ и вмѣстѣ съ другими. Отечество оставлю послѣ себя не умаленнымъ, а болѣе сильнымъ и славнымъ, чѣмъ самъ унаслѣдовалъ. И я буду слушать властей существующихъ и повиноваться законамъ установленнымъ и тѣмъ, какіе установитъ согласно народъ. И если кто-нибудь будетъ отмѣнять законы или не повиноваться имъ, я этого не допущу, но буду защищать ихъ и одинъ, и вмѣстѣ со всѣми. И я буду чтить отечественныя святыни".

Свобода и равноправіе. Преимущественно двѣ черты отмѣчали еще древніе въ аѳинской демократіи, какъ основныя, какъ наиболѣе характерныя и дорогія для аѳинянина. Это—*исономія* и *исегорія*, т.-е. *равенство передъ закономъ, равноправіе,* и *равенство голоса, равное право на право рѣчи, на участіе въ политической жизни.* Слова эти были для аѳинянъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ для новѣйшаго времени: „свобода" и „равенство".

Греки, а аѳиняне въ особенности, гордились своею свободою, тѣмъ, что они не знали надъ собою другого господина, кромѣ закона, признаннаго народомъ, и повиновались этому закону, а не капризу или произволу одного лица, подобно „варварамъ", „ибо у варваровъ всѣ рабы, кромѣ одного". „Здѣсь нѣтъ единаго властителя",—говорится у Еврипида въ трагедіи „Просительницы" —„это—свободное государство; народъ самъ правитъ посредствомъ ежегодно смѣняющихся выборныхъ лицъ; богатому не дается преимуществъ и бѣдный имѣетъ равныя права". Равенство, говорится въ другомъ произведеніи Еврипида, связываетъ людей другъ съ другомъ; оно установлено отъ природы, тогда какъ неравенство всегда порождаетъ зависть и вражду.

Идеалъ и дѣйствительность. Но особенно замѣчательна характеристика аѳинской демократіи въ знаменитой рѣчи Перикла надъ павшими воинами, воспроизводимой Ѳукидидомъ.

Мы,—говоритъ здѣсь Периклъ,—пользуемся государственнымъ устройствомъ, которое называется демократіей, такъ какъ основывается оно не на меньшинствѣ, а на большинствѣ. По законамъ у насъ у всѣхъ равныя права; что же касается уваженія, то каждый пользуется въ государственной дѣятельности бо́льшимъ почетомъ

не въ силу принадлежности къ извѣстному классу, а по доблести, по способностямъ. Даже бѣдняку невидность положенія не препятствуетъ оказывать услуги государству, если онъ на это способенъ. Мы свободно правимъ государствомъ и не нарушаемъ закона больше всего изъ благоговѣйнаго страха; повинуемся существующимъ властямъ и законамъ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые установлены въ защиту обижаемыхъ и которые, не будучи писанными, навлекаютъ на нарушителя позоръ въ общественномъ мнѣніи. Для духа мы доставляемъ частый отдыхъ отъ трудовъ состязаніями и жертвоприношеніями, слѣдующими одно за другимъ въ теченіе цѣлаго года... Мы любимъ прекрасное, соединенное съ простотой; любимъ образованіе, не впадая въ изнѣженность. Богатствомъ мы пользуемся больше, какъ средствомъ для дѣятельности, нежели какъ предметомъ для хвастовства, и въ бѣдности сознаться у насъ не постыдно; постыднѣе не выбиваться изъ нея трудомъ. Одни и тѣ же лица у насъ соединяютъ заботу о домашнихъ и вмѣстѣ о государственныхъ дѣлахъ и у обратившихся къ другимъ занятіямъ нѣтъ недостатка въ знаніи политики. Мы одни считаемъ не свободнымъ отъ занятій и трудовъ, а безполезнымъ того, кто не принимаетъ участія въ государственной дѣятельности. Мы сами обсуждаемъ или стараемся правильно взвѣсить дѣйствія, прежде чѣмъ приступить къ исполненію, ибо не считаемъ слово вредомъ для дѣла, а наоборотъ—полагаемъ, что больше вреда, если не посовѣтоваться предварительно... Словомъ, весь городъ нашъ—школа Эллады, и въ отдѣльности каждый изъ насъ, кажется мнѣ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ дѣятельности можетъ представить собою личность самодовлѣющую, исполняющую все въ высшей степени искусно и съ изяществомъ.

Тутъ основныя мысли, повидимому, Перикла: это—тотъ идеальный образъ демократіи, который его одушевлялъ и къ осуществленію котораго онъ стремился. Тутъ ярко освѣщаются лучшія стороны аѳинской демократіи. Но насколько этому соотвѣтствовала дѣйствительность? Въ какой мѣрѣ свобода и равенство были осуществлены въ Аѳинахъ на дѣлѣ и не было ли здѣсь какихъ-либо исключеній, ограниченій или противорѣчій?

Населеніе Аттики дѣлилось на *гражданъ*, *метэковъ*—иноземцевъ, поселившихся тамъ, лично свободныхъ—и *рабовъ*.

Граждане и неполноправные. Политическими правами, исономіей и исегоріей, пользовались въ Аѳинахъ только граждане, т. е. меньшинство всего населенія: взрослыхъ аѳинскихъ гражданъ въ вѣкъ Перикла насчитываютъ отъ 35 до 60 тысячъ, метэковъ—отъ 10 до 14 тысячъ, а рабовъ—отъ 50 до 100 тыс., не считая женъ и дѣтей. Аѳинская демократія не стремилась расширить кругъ полноправныхъ гражданъ: послѣдніе ревниво сохраняли за собой выгоды и привилегіи, которыми пользовались. Дарованіе права гражданства было рѣдкостью, исключительною наградою и обставлялось большими формальностями. Въ 451/0 Периклъ провелъ законъ, по которому правомъ гражданства пользовался только тотъ, кто былъ чистокровнымъ аѳинянином,—кто происходилъ отъ аѳинянина и аѳинянки. Если бы такой законъ примѣнялся раньше, то многіе даровитые, прославленные дѣятели Аѳинъ не были бы полноправными гражданами, напр. Клисѳенъ, Ѳемистоклъ, Кимонъ, историкъ Ѳукидидъ, бывшіе смѣшаннаго происхожденія.

Съ развитіемъ политическаго могущества Аѳинъ, ихъ господства на морѣ, торговли и промышленности, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ стали умственнымъ центромъ греческаго міра, какъ бы столицею и „школою Эллады", число переселенцевъ изъ другихъ странъ росло быстро. Государство нерѣдко предоставляло имъ разныя льготы. Но правомъ гражданства они не пользовались, не могли пріобрѣтать недвижимость, а если и предоставлялась имъ эта привилегія, то съ нѣкоторыми ограниченіями. Тѣ иностранцы, которые у себя на родинѣ оказывали какія-либо услуги аѳинянамъ, получали титулъ „гостепріимца", *проксена*. Проксеновъ сравниваютъ съ нынѣшними консулами. Они обязаны были принимать у себя аѳинскихъ гражданъ, въ особенности пословъ, въ случаѣ прибытія ихъ оказывать содѣйствіе въ ихъ сношеніяхъ съ правительственными лицами и учрежденіями того города и т. под. Въ замѣнъ проксенамъ предоставлялись разныя почетныя привилегіи и матеріальныя выгоды въ Аѳинахъ.

Метэки. Иноземцы, поселившіеся въ Аттикѣ, и ихъ потомки составляли классъ метэковъ. Съ нихъ взималась особая небольшая подать; они привлекались къ военной службѣ. Ихъ интересы и судьба тѣсно были связаны съ тѣмъ демократиче-

скимъ строемъ, который утвердился въ Аѳинахъ. Это былъ классъ преимущественно рабочихъ, ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцевъ, людей свободныхъ профессій—врачей, художниковъ, артистовъ, ученыхъ, ораторовъ, писавшихъ рѣчи для своихъ кліентовъ. Къ этому классу принадлежалъ ораторъ Лисій, „самый славный изъ аѳинскихъ метэковъ". Среди метэковъ были лица, занимавшія иногда видное положеніе въ тогдашнемъ обществѣ, какъ напр. семья только-что названнаго Лисія. И все-же метэки не были полноправны, не были гражданами—не участвовали ни въ народномъ собраніи, ни въ судѣ, не могли быть сановниками, пріобрѣтать недвижимую собственность, безъ особаго разрѣшенія.

Рабы. Гораздо многочисленнѣе былъ классъ рабовъ: ихъ насчитывалось больше и во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ гражданъ. Это были большею частью „варвары", не-греки, изъ Лидіи, Фригіи, Ѳракіи и особенно изъ Скиѳіи, т. е. изъ предѣловъ нынѣшней южной Россіи. Ростъ рабства стоялъ въ связи съ развитіемъ промышленности, которая требовала дешевыхъ и покорныхъ рукъ. Рабы замѣняли теперешнія машины. Еще Аристотель замѣтилъ, что если бы каждый инструментъ могъ выполнять свойственную ему работу самъ, если бы напр. ткацкіе челноки сами ткали, а плектры (палочки, которыми ударяли по струнамъ) сами играли на киѳарѣ (музыкальномъ инструментѣ), то тогда не нужны были бы и рабы. Въ пору расцвѣта аѳинской демократіи мы видимъ рабовъ тамъ всюду—въ домѣ, въ полѣ, въ лавкѣ, въ банкирской конторѣ, въ мастерскихъ, на тогдашнихъ фабрикахъ, на торговыхъ судахъ въ качествѣ гребцовъ и особенно въ рудникахъ. Они и чернорабочіе, домашняя прислуга, и мастера и управляющіе, и писцы, наконецъ—воспитатели-„педагоги". Рабъ былъ собственностью господина, его какъ-бы вещью, „одушевленнымъ орудіемъ"; онъ былъ „тѣло", по тогдашнему выраженію. Его можно было подвергать тѣлесному наказанію, пыткамъ. Но положеніе рабовъ въ Аѳинахъ было все-таки лучше, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ древности. Запрещалось напр. дурно обращаться съ чужимъ рабомъ; еще по Драконову закону за убійство раба полагалось наказаніе, какъ и за убійство свобод-

наго; господину не дозволялось казнить своего раба. Въ случаѣ жестокаго обращенія со стороны господина рабъ могъ воспользоваться правомъ убѣжищв въ храмѣ, могъ спастись, по выраженію поэта, „подъ защиту алтаря, какъ преслѣдуемый звѣрь подъ защиту камня“, и требовать, чтобы его продали другому. Иногда рабамъ предоставлялось за извѣстный оброкъ жить отдѣльно отъ господина и заниматься ремесломъ, пріобрѣтать средства и выкупиться на волю. Рабы нерѣдко являлись лицами, близкими къ семьѣ господина, вѣрными и преданными домочадцами. Нѣкоторыя надгробныя надписи трогательно выражаютъ привязанность питомцевъ къ ихъ воспитателямъ и кормилицамъ изъ класса рабовъ. Въ число обязанностей хорошей хозяйки ставилась забота о больномъ рабѣ, чтобы былъ уходъ за нимъ. Рабы въ комедіяхъ Аристофана не отличаются робостью, не запуганы, скорѣе дерзки. Авторъ олигархическаго произведенія времени Пелопоннесской войны жалуется на крайнюю „распущенность“ рабовъ, какъ и метэковъ, въ Аѳинахъ: раба нельзя ударить; онъ не уступитъ тебѣ дороги; по одеждѣ и по виду не отличишь его отъ свободнаго; рабамъ позволяется тамъ нѣжиться, жить пышно; имъ предоставлена такая же свобода рѣчи, какъ и не рабамъ и т. д.

Кромѣ рабовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, въ Аѳинахъ были и рабы государственные, находившіеся на службѣ у государства. Это—„стрѣлки“ или „скиѳы“, отправлявшіе полицейскую службу, глашатаи, тюремщики, писцы и т. под. Ихъ положеніе было гораздо лучше положенія остальныхъ рабовъ.

Рабы могли получать свободу посредствомъ выкупа или за какія-нибудь заслуги. Вольноотпущенники въ Аѳинахъ не составляли такого многочисленнаго и вліятельнаго класса, какъ это было впослѣдствіи въ Римѣ. Но все-же они играли иногда видную роль. Такъ напр. Пасіонъ (въ IV в.), бывшій рабомъ у одного мѣнялы, пріобрѣвшій его расположеніе и довѣріе, настолько, что тотъ отпустилъ его на волю и передалъ ему свое дѣло, сталъ первымъ банкиромъ тогдашнихъ Аѳинъ, имѣлъ фабрику оружія и за услуги государству получилъ право гражданства.

Но хотя въ Аѳинскомъ государствѣ положеніе рабовъ и было лучше по сравненію съ другими странами, многіе изъ нихъ, естественно, были недовольны своею участью. Есть свидѣтельства,

что и въ Аѳинахъ рабы были „дурно настроены“ противъ господъ. Во время Пелопоннесской войны, когда спартанцы надолго заняли въ предѣлахъ Аттики одну крѣпостцу, то къ нимъ перебѣжало изъ Аѳинъ до 20000 рабовъ, большею частью ремесленниковъ.

Аристотель отстаивалъ необходимость рабства; по его мнѣнію, сама природа предназначила однихъ къ тому, чтобы быть свободными, другихъ къ тому, чтобы быть рабами. Но еще во второй половинѣ V в., во время Просвѣщенія въ Аѳинахъ, высказывались иныя воззрѣнія, осуждавшія рабство и ставившія раба наравнѣ съ свободнымъ. Говорили, напр., что богъ всѣхъ насъ создалъ свободными; природа никого не сдѣлала рабомъ; рабство—величайшее несчастіе; это—насиліе и несправедливость. У Еврипида ярко изображается несчастное положеніе рабовъ, которые, несмотря на свой тяжелый трудъ, позволяющій господамъ наслаждаться жизнью и развивать свой умъ, обречены на положеніе рабочаго скота. Еврипидъ провозглашалъ ту мысль, что и благородные, и неблагородные—одинаковаго происхожденія; мать-земля дала всѣмъ одинаковый видъ; ничего такого, что̀ насъ отличало бы другъ отъ друга, мы не получили отъ природы; только время и обычай установили различіе между людьми и возвеличили благородное происхожденіе. „У раба позорно только имя. Если честенъ, такъ чѣмъ же онъ свободнымъ не чета?“. Если рабы обыкновенно ниже свободныхъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, то въ этомъ виновата не природа, а люди и обстоятельства, поставившіе ихъ въ такое положеніе, что хорошія качества рабовъ не могутъ развиваться.

„Людской родъ— одинъ“, говорится у Софокла; „отъ отца и матери всѣ мы появились на свѣтъ божій, но у однихъ—въ кормилицахъ жестокая судьба, а у другихъ—довольство; у иныхъ же—тяжелое рабство“.

На-ряду съ рабскимъ трудомъ однако продолжалъ существовать и свободный трудъ, и послѣдній игралъ видную роль въ V в. Каменщики, плотники, маляры и проч., возведшіе въ Аѳинахъ величественныя постройки, были большею частью свободные люди. Вспомнимъ, что строительная дѣятельность вождей аѳинской демократіи имѣла цѣлью дать заработокъ безработной массѣ *свободнаго населенія*. Документальныя свидѣтельства—уцѣлѣвшіе

отрывки счетовъ по постройкѣ Эрехѳейона—показываютъ, что ремесленники, подмастерья, носильщики—частью граждане, частью метэки, но почти безъ исключенія—люди свободные. Но все-же свободный трудъ встрѣтилъ въ рабскомъ трудѣ опаснаго, можно сказать, неодолимаго соперника, который отнималъ хлѣбъ у многихъ свободныхъ гражданъ, принуждалъ ихъ къ праздности или заставлялъ неимущаго гражданина работать за ничтожную плату, идти въ наемники и т. под. Рабство усиливало перевѣсъ капитала и способствовало увеличенію имущественнаго неравенства. Оно заставляло государство брать на себя трудную задачу—заботиться о существованіи неимущихъ гражданъ. Пока государство было сильно, оно выполняло эту задачу, но стало падать его могущество,—и въ благосостояніи и численности населенія долженъ былъ наступить быстрый упадокъ. Рабство содѣйствовало наступленію тѣхъ общественныхъ кризисовъ, которые впослѣдствіи погубили Грецію.

Женщины. Итакъ, аѳинскіе граждане составляли полноправное меньшинство, пользовавшееся политической свободой и равенствомъ, среди остального населенія, неполноправнаго. Къ послѣднему, впрочемъ, принадлежали не только метэки и рабы, но и женщины. Во вторую половину V в., въ эпоху „Просвѣщенія“, въ Греціи уже обнаруживается женское движеніе,—стремленіе освободиться отъ замкнутой жизни, выйти изъ узкой домашней сферы. Являлись уже, какъ мы видѣли, личности въ родѣ Аспазіи. Греческая женщина у Еврипида говоритъ о своей склонности къ умственному развитію, къ умственнымъ интересамъ:

„Часто умомъ углубляясь въ рѣшенье
Слишкомъ мудреныхъ вещей, чаще въ споры вступала,
Чѣмъ подобаетъ нашему полу.
Все-же есть и у насъ къ развитію склонность,
Необходимая мудрости спутница,
Коль не у всѣхъ, у немногихъ по крайности,
Музы доступны и женщинамъ“.

У Аристофана, въ его пьесахъ „Лисистрата“ и „Женское народное собраніе“, женщины недовольны существующимъ положеніемъ, протестуетъ противъ главенства мужчинъ и словомъ, и

дѣломъ; ихъ волнуютъ интересы ихъ пола, родного города и даже всей Эллады; онѣ бѣрутся рѣшать государственныя дѣла, вмѣшиваются въ политику, захватываютъ власть въ свои руки, предъявляютъ притязанія на управленіе, на доступъ къ должностямъ, создаютъ смѣлые планы переустройства государства и общества на новыхъ началахъ—на началахъ общности женъ или, вѣрнѣе, мужей и имущества и т. д.

Очевидно, что въ концѣ V в. аѳинская женщина уже начинаетъ выходить изъ своего приниженнаго положенія; она начинаетъ относиться критически къ окружающимъ явленіямъ, предъявлять права на свою долю участія въ политической и общественной жизни. Въ IV в. философъ Платонъ будетъ доказывать равенство мужчинъ и женщинъ, говорить, что природа ихъ одинакова, и нѣтъ такого дѣла, которое было бы свойственно только женщинѣ или только мужчинѣ; онъ будетъ дѣлать выводъ, что женщина должна имѣть права и обязанности, одинаковыя съ мужчиной; ей долженъ быть открытъ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, ко всѣмъ должностямъ и даже къ военной службѣ! она должна получать образованіе, одинаковое съ мужчиной. Но все это не измѣняло дѣйствительнаго положенія аѳинской женщины въ отношеніи правъ: она была не вполнѣ правоспособна,—не могла выступать свидѣтельницей, сама вести судебныя дѣла, заключать договоръ выше извѣстнаго предѣла; надъ нею была постоянная опека: дѣвушкой, въ родительскомъ домѣ, она находится подъ опекой отца, въ замужествѣ—подъ опекой мужа. Нечего и говорить, что она не имѣла права участвовать въ народномъ собраніи или въ государственномъ управленіи.

Общественное неравенство. Въ средѣ самихъ гражданъ, помимо имущественнаго неравенства, которое въ демократіи давало себя чувствовать съ особой силой, существовало неравенство профессій, занятій, неравенство общественнаго положенія: юридически и политически аѳинскіе граждане были равны; но въ соціальномъ отношеніи полнаго равенства не было. И въ демократическихъ Аѳинахъ знатность и богатство имѣли большое значеніе, открывали дорогу къ власти и къ вліянію. На нѣкоторыя должности, почетныя и не соединенныя съ матеріальными выгодами, замѣ-

щавшіяся нѣ по жребію, особенно на должность стратеговъ, избирали сплошь и рядомъ лицъ болѣе или менѣе знатныхъ и состоятельныхъ. Въ глазахъ общества того времени благородное происхожденіе еще считалось завидною долею. Аристофанъ въ своихъ комедіяхъ, желая кого-либо очернить, выставляетъ и подчеркиваетъ его низкое происхожденіе.

Трудъ рабочаго, ремесленника, мелкаго торговца не былъ почетенъ въ глазахъ общества; еще хуже—быть въ услуженіи у кого-либо: это напоминало рабство. Извѣстенъ случай, когда одного аѳинянина заподозрѣли, что онъ не гражданинъ, а метэкъ, и вычеркнули его изъ списка гражданъ на томъ основаніи, что онъ и его мать торговали лентами на рынкѣ, и, кромѣ того, мать его служила кормилицею. И пришлось этому гражданину, ведя процессъ, говорить въ свое оправданіе, что если онъ и его мать занимались продажей лентъ, если его мать была и кормилицей, то это вызвано бѣдственнымъ положеніемъ; если бы они были богаты, то не стали бы торговать лентами; онъ соглашается, что унизительно служить кормилицею, но бѣдность заставляетъ и свободнаго гражданина выполнять многія рабскія и недостойныя его обязанности. Онъ проситъ судей не считать трудящихся „чужими", т.-е. не-гражданами, проситъ не унижать бѣдняковъ, для которыхъ уже достаточное бѣдствіе бѣдность,—и особенно тѣхъ, кто предпочитаетъ работать и жить честно... Даже художники не пользовались большимъ почетомъ.

Свобода мысли и слова; стѣсненіе ея. Что касается свободы мысли и слова въ Аѳинахъ, то и она подвергалась иногда стѣсненію и даже преслѣдованію. Въ блестящій вѣкъ Перикла аѳинскимъ народнымъ собраніемъ было принято постановленіе, по которому тому, кто не признавалъ боговъ или разсуждалъ о небесныхъ явленіяхъ, грозило обвиненіе въ государственномъ преступленіи, и философъ Анаксагоръ, признававшій за управляющее начало въ мірѣ *разумъ* и объяснявшій природныя явленія естественными причинами, долженъ былъ покинуть Аѳины. Знаменитый софистъ Протагоръ былъ привлеченъ къ отвѣтственности, какъ безбожникъ; онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ, а его сочиненія были сожжены на площади. Но самый поразительный примѣръ—казнь

великаго мудреца Сократа, о чемъ придется еще говорить подробнѣе. Противъ комедіи, съ ея смѣлыми политическими нападками, принимались иногда ограничительныя мѣры; такъ, напр., запрещалось выводить на сцену лицъ подъ ихъ именами или осмѣивать лицъ должностныхъ, особенно архонтовъ, поименно, ибо „имя это не отдѣльнаго лица, а государства". Въ случаѣ осмѣянія ихъ или демоса можно было подвергнуться обвиненію въ оскорбленіи народа.

Впрочемъ, такія ограничительныя мѣры большею частью были временными и примѣнялись недолго. До какой смѣлости могли доходить въ Аѳинахъ нападки на державный демосъ, показываютъ комедіи Аристофана. Достаточно указать хотя бы на его „Всадниковъ", въ которыхъ демосъ выведенъ въ образѣ старика, выжившаго изъ ума. Его легко провести; онъ падокъ до лести и находится въ рукахъ то негодяя-пафлагонца (Клеона), то колбасника:

Дивна власть твоя, о Демосъ!
Ты всѣмъ людямъ, какъ тираннъ,
Страхъ ужаснѣйшій внушаешь,
Но ввести тебя въ обманъ
Такъ легко: до лести падкій
Самъ же лѣзешь ты въ капканъ:
И на рѣчи чьи угодно
Ты готовъ разинуть ротъ,
А разсудокъ своевольный
Все въ отсутствіи живетъ...

Такъ „Всадники" характеризуютъ аѳинскій демосъ. И демосъ смотрѣлъ эту пьесу, терпѣливо сносилъ эти насмѣшки и нападки и... смѣялся.

5. *Отношеніе къ союзникамъ.*

Аѳинское государство въ пору расцвѣта представляло собой довольно обширную державу, которой подчинено было, если вѣрить Аристофану, до 1000, а судя по дошедшимъ до насъ спискамъ дани—болѣе 200 союзныхъ городовъ, платившихъ форосъ: влады-

чество Аѳинъ простиралось на всѣ почти острова и береговую полосу Эгейскаго моря въ Македоніи, Ѳракіи и Малой Азіи, на берега Пропонтиды (Мраморнаго моря) и, значитъ, могущество ихъ, самое благосостояніе, во многомъ зависѣло отъ вѣрности союзниковъ, отъ отношенія послѣднихъ къ нимъ.

Союзники автономные и неавтономные. Союзники аѳинскіе дѣлились на два разряда—на самостоятельныхъ, автономныхъ, и неавтономныхъ, т.-е. подчиненныхъ, платившихъ дань, форосъ. Обязанность первыхъ состояла только въ поставкѣ извѣстнаго числа кораблей; фороса они не платили. Во внутреннихъ своихъ дѣлахъ они пользовались полною свободою и независимостью. Аѳиняне не трогали даже аристократической формы правленія, гдѣ она существовала. Такими автономными союзниками ко времени Периклова полновластія были лишь три большихъ острова—Лесбосъ, Хіосъ и Самосъ. Остальные союзники принадлежали къ разряду подчиненныхъ. Но степень зависимости послѣднихъ была не совсѣмъ одинакова; ихъ отношенія къ главѣ союза опредѣлялись большею частью отдѣльными договорами. Благодаря такимъ договорамъ, аѳинское господство получало законную форму, а вмѣстѣ съ тѣмъ различіе въ положеніи союзниковъ вносило извѣстную рознь между ними, мѣшало имъ сплотиться противъ главы союза и такимъ образомъ упрочивало владычество Аѳинъ, державшихся тутъ, очевидно, правила: divide et impera, „раздѣляй и повелѣвай“, „властвуй“.

Тѣмъ не менѣе, въ положеніи подчиненныхъ союзниковъ можно отмѣтить общія черты, служившія ихъ отличіемъ отъ союзниковъ автономныхъ.

Во-1-хъ, въ замѣнъ доставки флота союзники неавтономные платили *форосъ*. По свидѣтельству древнихъ историковъ общая сумма первоначальнаго фороса, установленнаго Аристидомъ, равнялась 460 тал. въ годъ, а передъ началомъ Пелопоннесской войны, по словамъ Ѳукидида, аѳиняне получали ежегодно фороса обыкновенно 600 талантовъ. Съ другой стороны, изъ сохранившихся надписей, начертанныхъ на камняхъ и содержащихъ списки дани, выходитъ, что сумма ежегодной дани при Периклѣ далеко не достигала означенной цифры. Показаніе Ѳукидида, вѣроятно, не

совсѣмъ точно; тутъ нужно, можетъ быть, подразумѣвать, кромѣ фороса, еще и другіе доходы съ союзныхъ городовъ. Для характеристики отношенія аѳинянъ Периклова времени къ союзникамъ чрезвычайно важны данныя, почерпаемыя изъ упомянутыхъ надписей. Оказывается, что при первой же возможности форосъ уменьшался. Характеренъ и самый порядокъ, котораго держались аѳиняне при раскладкѣ фороса.

Пересмотръ списковъ дани и новая раскладка ея производились обыкновенно каждые 4 года. Раскладку производилъ совѣтъ. Союзникамъ предоставлено было право обжалованія, аппелляціи: если какой-либо городъ находилъ раскладку несправедливою и наложенную на него сумму фороса слишкомъ большою, то онъ могъ протестовать и обратиться къ суду геліастовъ, рѣшеніе которыхъ было окончательнымъ. Случалось, что союзные города часть слѣдуемой съ нихъ дани покрывали единовременной уступкой земли по договору, обыкновенно для поселеній аѳинскихъ клеруховъ.

Какъ уже раньше сказано, союзная казна въ половинѣ V в. была перенесена въ Аѳины, перешла въ распоряженіе главы союза. Но мнѣніе, будто-бы при Периклѣ Аѳины украшались на счетъ союзниковъ, далеко не точно: немало суммъ бралось и изъ городской кассы, изъ кассы богини Аѳины и „другихъ боговъ“ и т. д. Повидимому, изъ союзной казны употреблялись средства только на такіе зданія и предметы, которые имѣли какое-либо отношеніе къ союзу или его покровительницѣ, богинѣ Аѳинѣ. Большая же часть получаемой дани или служила для пополненія денежнаго запаса, или шла на то, на что форосъ и первоначально предназначался,—на военныя нужды, на содержаніе флота.

Форосъ замѣнялъ поставку кораблей, но не сухопутнаго войска; платя форосъ, союзники должны были поставлять аѳинянамъ отряды пѣхоты. Но автономные города были свободны отъ такой повинности.

Договоры. На строй неавтономныхъ, подчиненныхъ союзныхъ городовъ аѳиняне оказывали большее или меньшее вліяніе и вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла. Изъ дошедшихъ до насъ договоровъ мы видимъ, какъ союзники давали клятву вѣрности сначала Аѳинамъ и союзу, а позже—только одному

„демосу аѳинскому". Во многихъ союзныхъ городахъ аѳиняне ставили постоянные гарнизоны съ фрурархами (комендантами) во главѣ. Иногда они отправляли къ нимъ такъ называемыхъ „епископовъ"; обязанность ихъ состояла въ наблюденіи за политическими отношеніями, въ установленіи порядка, въ организаціи и реформѣ управленія города. Случалось, что для этой цѣли избиралась особая коммиссія. Наглядный примѣръ зависимости союзниковъ и вліянія Аѳинъ на ихъ внутреннія дѣла представляютъ дошедшіе до нахъ договоры съ мало-азіатскимъ городомъ Эриѳрами и съ гор. Халкидой на Евбеѣ. Сохранились они на камняхъ, на которыхъ были начертаны (вырѣзаны).

Аѳиняне вообще старались поддерживать демократическій строй въ городахъ, покровительствовали больше демосу, чѣмъ аристократіи: въ союзныхъ городахъ опорой аѳинскаго владычества была народная масса, демократы; на нихъ только могъ положиться аѳинскій демосъ; знатные сочувствовали враждебнымъ ему силамъ и искали опоры въ Спартѣ.

Судъ. Но самымъ полнымъ выраженіемъ зависимаго положенія неавтономныхъ союзниковъ было подчиненіе ихъ суду аѳинскому. Право суда аѳинянъ надъ союзниками развивалось естественно и постепенно. Понятно, что всякій проступокъ противъ союза и союзнаго устройства подлежалъ суду Аѳинъ, какъ главы этого союза; далѣе, въ случаѣ столкновенія и распри двухъ членовъ союза между собою, гражданина одного города съ гражданиномъ другого, кто же являлся естественнымъ посредникомъ и судьею, какъ не Аѳины? Дошло до того, что самимъ союзникамъ предоставлено было рѣшеніе лишь немногихъ мелкихъ дѣлъ; дѣла же политическія и уголовныя подлежали суду аѳинскому.

Нелегко, конечно, было союзникамъ отправляться по судебнымъ дѣламъ изъ своего города въ Аѳины. Въ лицѣ присяжныхъ далеко не всегда встрѣчали они безпристрастныхъ судей; для аѳинянина геліасты были люди свои, равные ему, для неаѳинянина—это были люди чужіе и притомъ его повелители. Но и въ союзныхъ городахъ существовали партіи, судъ и здѣсь легко могъ сдѣлаться орудіемъ самой ожесточенной ихъ борьбы; сторонники аѳинскаго

господства могли подвергаться судебнымъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ изъ-за того только, что они были преданы Аѳинамъ. Честь и выгоды Аѳинскаго государства требовали не допускать этого, и вотъ чѣмъ объясняется постановленіе договора съ Халкидой, гласящее, что судъ по обвиненіямъ, которыя влекутъ за собою смертную казнь, изгнаніе и лишеніе гражданскихъ правъ, долженъ переноситься въ Аѳины. Право суда было однимъ изъ средствъ для поддержанія аѳинскаго владычества и упроченія аѳинскаго владычества: демосъ союзныхъ городовъ видѣлъ въ аѳинской демократіи, съ ея судомъ, свое прибѣжище.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе аѳинскихъ союзниковъ въ Периклово время. Мы видимъ тутъ сосредоточеніе власти въ Аѳинахъ, централизацію, которая естественно вытекала изъ предыдущаго хода дѣлъ: аѳиняне, такъ сказать, брали то, что само давалось имъ въ руки. Союзникамъ въ-замѣнъ утраченной независимости они доставляли полную безопасность,—стояли на стражѣ Эгейскаго моря, держа въ отдаленіи варваровъ. Союзники пользовались и торговыми выгодами. Подъ покровительствомъ Аѳинъ, благодаря миру и безопасности, развивалось ихъ матеріальное благосостояніе. Благодаря аѳинской гегемоніи, мелкіе союзные города обезпечены были отъ притѣсненій со стороны болѣе сильныхъ сосѣдей. Тѣмъ не менѣе между Аѳинами и союзниками не было глубокой общности интересовъ и неразрывной связи. Аѳиняне не стремились предоставить союзникамъ хотя бы тѣнь вліянія посредствомъ участіи въ обсужденіи такихъ дѣлъ, которыя касались всего союза. Это было господство меньшинства привилегированныхъ гражданъ надъ массой подчиненныхъ ему союзныхъ „подданныхъ“. Право аѳинскаго гражданства на союзниковъ не распространялось. Аѳины не дошли до того, чтобы неразрывно связать ихъ съ собою, уравнявъ въ правахъ съ гражданами, въ-родѣ того, какъ впослѣдствіи поступилъ Римъ съ завоеванными областями.

Возстаніе Самоса. Централизація, которую проводили аѳиняне въ отношеніи къ союзникамъ, глубоко противорѣчила исконнымъ греческимъ воззрѣніямъ и стремленіямъ; она была не въ духѣ народа. Союзники не могли вполнѣ примириться съ

потерей свободы. Какъ бы ни было легко аѳинское иго, но уже одно то, что они подчиненные, что они были лишены независимости, могло дѣлать аѳинское владычество для нихъ ненавистнымъ. Владычество это было все-же „тиранніей", по сознанію самихъ вождей аѳинскаго демоса,—конечно, въ древнемъ, греческомъ смыслѣ слова, а не въ нынѣшнемъ. Врагами Аѳинъ являлись по преимуществу аристократы, и попытки къ сверженію аѳинскаго господства исходили именно отъ нихъ. Подтвержденіемъ служатъ событія временъ Пелопоннесской войны. Подтверждается это и примѣромъ Самосскаго возстанія при Периклѣ (440/39 г.). Самосцы нашли поддержку со стороны персидскаго сатрапа, искали опоры и у Пелопоннесскаго союза, и еще счастье для аѳинянъ, что коринѳяне высказались противъ вмѣшательства. Важная по своему географическому положенію Византія послѣдовала примѣру Самоса; города Каріи отложились отъ Аѳинскаго союза. Словомъ, господству Аѳинъ на морѣ грозила опасность. Осада Самоса Периклом затянулась: самосцы сдались лишь на 9-й мѣсяцъ осады; они обязались выдать свой флотъ, срыть стѣны, дать заложниковъ и уплатить аѳинянамъ по частямъ расходы по войнѣ. Вслѣдъ за Самосомъ покорилась и Византія. Зато въ карійскомъ округѣ аѳинянамъ не удалось вполнѣ возвратить утраченное.

Такъ кончилось Самосское возстаніе, подавленіе котораго стоило аѳинянамъ большихъ усилій и расходовъ. Оно показало недостаточную прочность Аѳинскаго союза. Но пока силы Аѳинъ были свободны, пока не грозилъ имъ могущественный внѣшній врагъ, онѣ могли справляться съ движеніями въ средѣ союзниковъ.

Но не долговѣченъ былъ пышный расцвѣтъ аѳинской демократіи: наступали годы тяжелой и долгой войны, годы испытаній и кризиса, перелома.

III. КРИЗИСЪ.

1. Начало Пелопоннесской войны.

Причины. Предшествовавшій ходъ исторіи со временъ нашествія персовъ привелъ Грецію къ господству и соперничеству двухъ союзовъ, глубоко противоположныхъ и враждебныхъ одинъ другому. Во главѣ одного стояли Аѳины, во главѣ другого была Спарта. Въ одномъ господствовала централизація, въ другомъ преобладало начало федеративное—бо̀льшей самостоятельности его членовъ, которые фороса не вносили и участвовали на равныхъ правахъ въ обсужденіи общихъ дѣлъ. Одинъ союзъ состоялъ большею частью изъ городовъ приморскихъ и былъ силенъ на морѣ; другой—по преимуществу континентальный и располагалъ большими сухопутными силами. Прибавимъ къ этому и племенное различіе, сказывавшееся иногда довольно ясно: аѳиняне принадлежали къ іонянамъ, спартанцы—къ дорянамъ. Между самыми главами союзовъ, Аѳинами и Спартой, существовала противоположность: съ одной стороны—демократія, общество съ пышно расцвѣтшей культурой, съ блестящей умственною и художественною жизнью, торговлей и промышленностью, съ другой—олигархія, государство, далеко отставшее въ экономическомъ и умственномъ движеніи. Съ одной стороны—крайне подвижные и предпріимчивые, неутомимо дѣятельные и энергичные аѳиняне, съ другой—медлительные и нерѣшительные, тяжелые на подъемъ, склонные къ рутинѣ спартанцы.

Но вражда шла дальше, проникала глубже, въ самую среду тѣхъ и другихъ союзниковъ. Такъ, въ городахъ Аѳинскаго союза было двѣ непримиримыя партіи—демократы и аристократы. Если первые поддерживали аѳинское господство, то вторые тяготѣли всѣми силами къ Спартѣ: на Спарту они смотрѣли, какъ на государство, призванное освободить Элладу отъ „тиранніи“ Аѳинъ и отъ ненавистной имъ демократіи.

Вопросъ о гегемоніи и послѣ Тридцатилѣтняго мира (стр. 67) все еще былъ спорный. Только окончательная побѣда той или другой стороны могла рѣшить его, а между тѣмъ Аѳины и

послѣ 445 г. стояли на-ряду со Спартой; онѣ казались внутренно еще болѣе окрѣпшими, и ихъ могущество вселяло страхъ и зависть въ Спартѣ. Но Спарта была медлительна и нерѣшительна въ самой своей ненависти. Иное дѣло Коринѳъ. Его вражда къ Аѳинамъ была еще сильнѣе. Аѳины являлись его счастливымъ конкуррентомъ на морѣ и въ торговлѣ. Ихъ морское и торговое преобладаніе затрогивало существенные, жизненные интересы Коринѳа. Особенно опасно было для него распространеніе аѳинскаго вліянія на западѣ отъ Эллады, такъ какъ это грозило окончательнымъ стѣсненіемъ его торговли, отнятіемъ послѣдняго района, гдѣ преобладаніе было пока еще за нимъ. При опасности съ этой стороны Коринѳъ готовъ былъ на все. А между тѣмъ аѳиняне уже и тутъ распространяли свое политическое и торговое вліяніе. О взаимной ненависти между Мегарой и Эгиной съ одной стороны и Аѳинами съ другой мы ужъ и не говоримъ.

При такой противоположности и враждѣ между Аѳинами и Пелопоннесскимъ союзомъ миръ не могъ быть проченъ: столкновеній трудно было избѣгнуть и достаточно было искры, чтобы вспыхнула ожесточенная война. А тутъ сразу явилось нѣсколько важныхъ поводовъ къ ней.

Поводы. Первымъ поводомъ послужили событія въ отдаленномъ Эпидамнѣ, на западномъ берегу Балканскаго полуострова (нын. Дураццо, въ Албаніи), и вызванное ими столкновеніе между о. Керкирой (теперь Корфу) и Коринѳомъ. Керкиряне обратились за помощью въ Аѳины. Послѣ нѣкотораго колебанія аѳиняне рѣшили вступить въ союзъ съ ними, но въ союзъ только оборонительный. Однако, когда у Сиботскихъ острововъ (близъ Керкиры) произошла морская битва между коринѳянами и керкирянами, по количеству кораблей „величайшая изъ всѣхъ, бывшихъ дотолѣ между эллинами", то въ ней вынуждены были подъ конецъ принять участіе и аѳиняне. Такимъ образомъ при Сиботахъ, хотя и безъ объявленія войны, уже послѣдовало кровавое столкновеніе аѳинянъ съ коринѳянами (осенью 433 г.).

А вслѣдъ за тѣмъ произошло столкновеніе между ними и въ другомъ пунктѣ, на ѳракійскомъ побережьѣ. Потидея, на полуостровѣ Халкидикѣ, колонія Коринѳа, но принадлежавшая къ Аѳин-

скому союзу, отложилась отъ Аѳинъ (весною 432 г.), и у ея стѣнъ произошла битва между коринѳянами, поспѣшившими оказать ей поддержку, и аѳинянами, окончившаяся побѣдою послѣднихъ, которые послѣ этого приступили къ осадѣ Потидеи.

И вотъ коринѳяне употребляютъ всѣ усилія, чтобы возжечь общую войну, втянуть въ нее спартанцевъ. Къ этому присоединились жалобы эгинянъ, обвинявшихъ аѳинянъ въ томъ, что они вопреки договору не предоставляютъ имъ автономіи, и въ особенности мегарянъ. Мегара жаловалась на постановленіе аѳинянъ, по которому съ нею прерваны были торговыя сношенія, ввозъ ея продуктовъ запрещенъ, всѣ рынки и гавани на всемъ пространствѣ аѳинскаго господства для нея закрыты. Область Мегары была страна гористая, бѣдно надѣленная природою; въ хлѣбѣ она всегда нуждалась, и закрытіе главнаго для нея рынка и аѳинскихъ гаваней грозило ей голодомъ. Эта „мегарская псефизма", по мнѣнію многихъ современниковъ, была тою „маленькою искрою", которою Периклъ зажегъ большую войну.

Въ Спартѣ война была рѣшена окончательно. Но пелопоннесцы не были готовы. И вотъ спартанцы отправляютъ въ Аѳины посольства съ различными требованіями и жалобами, чтобы выиграть время и главное—чтобы, въ случаѣ отказа аѳинянъ, больше было предлога къ войнѣ.

Обратимся теперь къ Аѳинамъ и взглянемъ на положеніе дѣлъ тамъ.

Положеніе Перикла. Было время, когда Периклъ стоялъ во главѣ демократическаго движенія. Но онъ не пошелъ по пути крайней демократіи: онъ правилъ „умѣренно", какъ выражается Ѳукидидъ. Въ силу естественнаго историческаго хода демократическое движеніе однако не могло остановиться: оно пошло далѣе, и уже незадолго до Пелопоннесской войны оказалось, что Периклъ, такъ сказать, остался позади него, что существовала уже болѣе крайняя демократическая партія, которую Периклова политика не удовлетворяла, которой эта политика казалась недостаточно демократическою. Напротивъ, именно въ Периклѣ новые демагоги начинаютъ видѣть главное препятствіе къ господству настоящаго народовластія; съ непрерывнымъ, долгимъ вліяніемъ одного лица, и притомъ

такого аристократическаго по своей натурѣ, они не могутъ примириться. Такимъ образомъ, противъ Перикла подымается оппозиція снизу, изъ рядовъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые нѣкогда служили ему главной опорой. А рядомъ существовала попрежнему и другая, совершенно противоположная партія—олигархическая, по мнѣнію которой, наоборотъ, Периклъ являлся главной опорой ненавистной демократіи, главнымъ препятствіемъ къ ея низверженію, къ возстановленію прежней аристократіи. Обѣ эти крайнія партіи, столь враждебныя другъ другу по своимъ программамъ и стремленіямъ, сходились, однако, въ одномъ—во враждѣ къ Периклу. Онѣ готовы были протянуть другъ другу руку, соединить свои силы, лишь бы низвергнуть Перикла.

Но было еще теченіе, иного рода, но тоже враждебное Периклу. Многимъ ненавистны были тотъ новый духъ, то новое просвѣщеніе, которые распространились въ Аѳинахъ, и его главные выразители—новые философы. Имъ ненавистенъ былъ и Периклъ, какъ человѣкъ, чуждый суевѣрій, какъ сторонникъ и покровитель этого просвѣщенія, какъ другъ Анаксагора и вообще представителей тогдашней философіи. Въ этомъ отношеніи настроена была одинаково и темная, суевѣрная масса, не терпѣвшая изслѣдователей природы, и болѣе образованная, но консервативная часть аѳинскаго общества, опасавшаяся ученія софистовъ, которое подрывало основы тогдашней нравственности.

Больше всего оппозиція Периклу выражалась въ усиленіи нападокъ на него авторовъ комедій, которые и раньше осыпали Перикла насмѣшками, и въ тѣхъ процессахъ, которые направлены были противъ близкихъ ему лицъ. Процессы эти—косвенное нападеніе на самого Перикла. Первымъ подвергся судебному преслѣдованію Фидій, творецъ статуи Аѳины Дѣвы (Παρθενος), правая рука Перикла въ дѣлѣ украшенія города. Тутъ тѣмъ болѣе могъ быть затронутъ и Периклъ, что онъ завѣдывалъ постройками. Повидимому, Фидія обвиняли въ утайкѣ части матеріала, именно слоновой кости, выданной на статую. Затѣмъ поднято было гоненіе на философа Анаксагора, который и покинулъ Аѳины. Наконецъ, преслѣдованію подверглось и то лицо, которое такъ дорого было Периклу,—Аспазія; ее обвиняли въ нечестіи и въ сводничествѣ. На судѣ, говорятъ, Периклъ проливалъ

даже слезы, умоляя дикастовъ объ оправданіи своей подруги. Аспазія была оправдана.

Периклъ оставался попрежнему главою государства, но онъ чувствовалъ, какъ положеніе его начинаетъ колебаться. Это могло повліять и на его отношеніе къ войнѣ. Онъ долженъ былъ искать выхода изъ затруднительнаго внутренняго положенія. И такимъ выходомъ могла казаться война, которая отвлекала бы вниманіе гражданъ отъ внутреннихъ вопросовъ.

Переговоры. Таково было положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ, когда являются сюда спартанскія посольства съ различными требованіями. Прежде всего Спарта требовала отъ аѳинянъ изгнанія лицъ, запятнанныхъ святотатствомъ, разумѣя то святотатство, которое нѣкогда совершено было въ Аѳинахъ при подавленіи Килонова возстанія и виновниками котораго являлись между прочимъ Алкмеониды, и имѣя въ виду Перикла, который отъ нихъ велъ свой родъ по матери. Затѣмъ спартанцы требовали снять осаду съ Потидеи, предоставить независимость Эгинѣ и въ особенности отмѣнить постановленіе относительно Мегары. Но аѳиняне этихъ требованій не исполнили. Наконецъ, спартанцы заявляютъ, что они желаютъ мира и что онъ будетъ, если аѳиняне возвратятъ независимость эллинамъ, всѣмъ своимъ союзникамъ. Такимъ требованіемъ Спарта располагала заранѣе въ свою пользу большинство грековъ, выступала въ благодарной роли защитницы эллинской свободы отъ „тиранніи“ Аѳинъ.

Въ Аѳинахъ созвано было народное собраніе. Одни говорили въ пользу войны, другіе—въ пользу мира, настаивая на отмѣнѣ „мегарской псефизмы“, смотря на нее какъ на мелочь, изъ-за которой не стоило воевать. Ясно обозначилось два теченія: съ одной стороны земледѣльцы и люди съ состояніемъ, стоявшіе за миръ, съ другой—городское населеніе, особенно менѣе состоятельное, рѣшавшееся на войну. Наконецъ выступилъ въ собраніи съ рѣчью и самъ Периклъ. Не дѣлать уступокъ—таково было его мнѣніе. Этого требуетъ честь и достоинство Аѳинскаго государства. Требованіе лакедемонянъ относительно Мегары лишь предлогъ. Война неизбѣжна: разъ аѳиняне уступятъ, спартанцы объяснятъ это страхомъ и предъявятъ новыя, еще болѣе тяжелыя

требованія. Тутъ скорѣе можетъ помочь твердый, смѣлый отказъ, и по предложенію Перикла, аѳиняне дали спартанцамъ отвѣтъ, который сводился къ слѣдующему: „Аѳиняне готовы предоставить дѣло третейскому суду, согласно условію договора; войны сами не начнутъ, но съ тѣмъ, кто ее начнетъ, будутъ сражаться".

Силы сторонъ. На этомъ кончились переговоры. Обѣ стороны готовились къ войнѣ и старались заручиться союзниками. Почти вся Грецiя раздѣлилась на два лагеря: одни держали сторону Аѳинъ, другіе—Спарты. Обѣ стороны искали себѣ союзниковъ и между варварами: Спарта думала о союзѣ съ Персіей, аѳиняне—о союзѣ съ ѳракійскими племенами. Взаимная ненависть первенствующихъ государствъ Греціи заглушала чувства національнаго единства.

Вообще силы обоихъ союзовъ, можно сказать, были равны, хотя и не однородны. На морѣ безспорное проебладаніе принадлежало Аѳинамъ, на сушѣ—пелопоннесцамъ. Аѳинскій флотъ былъ тогда первый въ Греціи не только по количеству кораблей, но и по энергіи, опытности и искусству моряковъ. Зато сухопутное спартанское войско превосходило войско аѳинянъ и численностью своею, и упрочившеюся за нимъ славою непобѣдимости. Что касается денежныхъ средствъ, этого главнаго „нерва войны", какъ отлично сознавали уже тогдашніе греки, то пелопоннесцы были ими бѣдны. Аѳиняне же, кромѣ ежегоднаго фороса и другихъ доходовъ, располагали, какъ мы видѣли (стр. 87), богатою по тому времени казною въ 6000 тал., а въ случаѣ крайности могли воспользоваться заимообразно сокровищами, хранившимися въ акрополѣ, въ Парѳенонѣ и въ другихъ святилищахъ. Богатство денежныхъ средствъ давало Аѳинамъ большія преимущества на первыхъ порахъ; но зато война имъ стоила дороже, нежели пелопоннесцамъ, съ ихъ, такъ сказать, натуральнымъ способомъ веденія ея и доставкой всего большею частью натурой. Благодаря олигархическому строю Спарта имѣла возможность дѣйствовать втайнѣ, съ бо̀льшею послѣдовательностью и съ бо́льшимъ благоразумiемъ. Наоборотъ, аѳинская демократія, съ своимъ народнымъ собраніемъ, дѣйствовала на виду у всѣхъ; все, что̀ въ Аѳинахъ обсуждалось и одобрялось, легко дѣлалось тотчасъ же

извѣстнымъ и врагамъ. Аѳинскій демосъ не всегда былъ послѣдователенъ; измѣнчивый и увлекающійся, онъ могъ быстро переходить отъ одного рѣшенія къ другому. Зато и способенъ онъ былъ на такое воодушевленіе, на такой подъемъ духа и на такія жертвы, на какія врядъ-ли была способна тогдашняя олигархическая Спарта. Въ Аѳинскомъ союзѣ было больше централизаціи; зато въ Пелопоннесскомъ—больше солидарности, больше общности интересовъ между главою союза и остальными его членами. Но и у Спарты была своя Ахиллесова пята, свое слабое мѣсто; это—Мессенія, съ ея порабощеннымъ населеніемъ, столь ненавидѣвшимъ своихъ побѣдителей.

На сторонѣ Спарты былъ дельфійскій оракулъ, обѣщавшій ей побѣду и помощь божества, и еще одинъ важный союзникъ: это—общественное мнѣніе тогдашней Эллады, рѣшительно склонявшееся въ ея пользу. Аѳинянамъ завидовали, ихъ опасались, желали избавиться отъ ихъ владычества, казавшагося столь тяжелымъ, и не испытавъ еще господства Спарты, вѣрили ея заявленію, что она берется за оружіе для освобожденія эллиновъ отъ „тиранніи“ Аѳинъ.

Вообще Греція находилась тогда въ напряженномъ ожиданіи, въ виду готовившагося рѣшительнаго столкновенія двухъ первенствующихъ государствъ. Чувствовалось приближеніе великихъ, роковыхъ событій. И только молодежь, какъ аѳинская, такъ и пелопоннесская, еще не извѣдавшая по собственному опыту всѣхъ ужасовъ войны, съ радостью принималась за нее, ища поприща для своихъ юныхъ силъ...

Первый годъ войны. Миръ былъ открыто нарушенъ ночнымъ нападеніемъ союзниковъ Спарты, ѳиванцевъ, на Платеи (весною 431 г.), съ чего и принято считать начало *Пелопоннесской войны* (431—404). Спустя нѣкоторое время пелопоннесское войско, подъ начальствомъ спартанскаго царя Архидама, двинулось къ предѣламъ Аттики. Попытка еще разъ вступить въ переговоры съ аѳинянами ни къ чему не привела, и, покидая границы Аттики, спартанскій посолъ, говорятъ, произнесъ: „День этотъ—начало великихъ бѣдствій для эллиновъ“.

По Периклову плану, на сушѣ въ открытую битву съ подавляющимъ по своей численности пелопоннесскимъ войскомъ ни за

что не слѣдовало вступать; аѳинянамъ надо ограничиться защитой города и „Длинныхъ стѣнъ“, главныя же силы сосредоточить на морѣ, снарядить флотъ и съ помощью его опустошать берега Пелопоннеса, производить тамъ высадки и т. п. Сельское населеніе Аттики должно было перейти въ городъ и запереться; почти вся страна, за исключеніемъ Аѳинъ, „Длинныхъ стѣнъ“ и Пирея, оставлена на произволъ врага.

Какъ ни тяжело было для аѳинянъ, они послѣдовали совѣту Перикла. Жители Аттики съ женами и дѣтьми стали переселяться въ городъ, забравъ съ собою кое-какое имущество. Съ невыразимо тяжелымъ чувствомъ разставались они со своими родными полями, съ своими жилищами и хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что большинство аѳинянъ привыкло жить внѣ города. Въ Аѳинахъ лишь для немногихъ хватило жилищъ. Большинству пришлось помѣститься подъ открытомъ небомъ, на пустыхъ, незастроенныхъ мѣстахъ города или же въ храмахъ и святилищахъ. Самый городъ не могъ всѣхъ вмѣстить; поэтому бѣженцами заняты были пространство между „Длинными стѣнами“ и большая часть Пирея.

Вступивъ въ предѣлы Аттики, Архидамъ расположился почти въ виду Аѳинъ. Но Периклъ, вѣрный своему плану, удерживалъ аѳинянъ отъ выступленія въ битву, несмотря на ихъ раздраженіе. Подобно кормчему, который на морѣ при наступленіи бури, все устроивъ какъ слѣдуетъ и спустивъ паруса, поступаетъ по правиламъ своего искусства, не обращая вниманія на слезы и мольбы страдающихъ морскою болѣзнью и испуганныхъ пассажировъ, такъ и Периклъ,—говоритъ Плутархъ,—заперевъ городъ и разставивъ вездѣ охрану, держался своего плана, пренебрегая крикомъ и недовольствомъ гражданъ. Дѣло ограничилось небольшой стычкой, и пелопоннесцы вскорѣ покинули Аттику.

Тѣмъ временемъ аѳиняне предприняли морскую экспедицію къ берегамъ Пелопоннеса и къ западной части Греціи; съ острова Эгины, который для Пирея, по выраженію Перикла, былъ „бѣльмомъ въ глазу“, жители съ женами и дѣтьми были изгнаны, а на Эгину отправлены аѳинскіе поселенцы; въ Мегарскую область предпринято опустошительное вторженіе.

Такимъ образомъ, въ первый годъ войны дѣйствія ограничились взаимными опустошеніями, но существенныхъ результатовъ ни та, ни другая сторона не достигла.

Эпидемія и смерть Перикла. На слѣдующій годъ пелопоннесцы подъ начальствомъ Архидама опять вторглись въ Аттику и принялись за опустошеніе страны. Но въ то время какъ внѣшній врагъ находился у воротъ города, въ самыхъ Аѳинахъ свирѣпствовало страшное бѣдствіе—эпидемія. Раньше она появлялась уже въ разныхъ мѣстностяхъ, въ Египтѣ, въ большей части владѣній персидскаго царя, даже на островѣ Лемносѣ. Теперь она на корабляхъ занесена была прежде всего въ Пирей, а оттуда и въ Аѳины. Здѣсь она нашла какъ нельзя болѣе благопріятную почву для себя. Тѣснота, скопленіе населенія, перемѣна образа жизни и угнетенное настроеніе народа,—все это способствовало страшному развитію болѣзни въ Аѳинахъ, тогда какъ, напр., въ Пелопоннесѣ эпидемія не достигла значительныхъ размѣровъ.

Ужасное зрѣлище представляли тогда Аѳины. Болѣзнь пожирала свои жертвы, и не было средствъ бороться съ нею. Многихъ больныхъ даже близкіе покидали совершенно на произволъ судьбы. Дома опустѣли. Умирающіе и полуживые лежали или ползали по улицамъ и особенно у колодцевъ, томимые нестерпимою жаждою. Тутъ же, на улицахъ, валялись трупы умершихъ, служа нерѣдко добычей птицамъ и собакамъ. Святилища и храмы, гдѣ помѣстились бѣженцы, тоже полны были труповъ. Болѣзнь продолжалась съ небольшимъ перерывомъ три года, и ни отъ чего такъ не потерпѣли аѳиняне, какъ отъ болѣзни, замѣчаетъ Ѳукидидъ. Она не только уносила ихъ лучшія, свѣжія силы; она, кромѣ того, дѣйствовала разлагающимъ образомъ на народъ. Упадокъ духа, отчаяніе и апатія овладѣли обществомъ. Возвышенныя стремленія, чувство чести и стыда, страхъ предъ богами и людьми,—все это исчезло. Увѣренность въ безнаказанности была полная. Разнузданность и жажда чувственныхъ наслажденій достигла ужасающихъ размѣровъ; прежде чѣмъ умереть, спѣшили насладиться всѣми благами жизни, такъ какъ нельзя было быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, и смерть все равно, казалось, грозила всѣмъ. Ослабѣли семейныя и общественныя узы...

При такихъ условіяхъ нелегко было вести войну. Настроеніе аѳинянъ было подавленное. Они негодовали на Перикла, винили его во всѣхъ несчастіяхъ и готовы были просить у спартанцевъ мира; противъ Перикла соединились всѣ, и демосъ, и аристократы. Онъ былъ смѣщенъ, подвергся суду и приговоренъ къ денежному штрафу въ 50 тал. По всей вѣроятности, отчеты Перикла въ употребленіи денежныхъ суммъ, которыми онъ распоряжался, признаны были неудовлетворительными.

Такимъ образомъ, послѣ государственной дѣятельности, не прерывавшейся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, Периклъ теперь долженъ былъ возвратиться къ частной жизни, гдѣ у него тоже не было тогда отрады, такъ какъ ударъ слѣдовалъ за ударомъ, одна потеря за другою... Между тѣмъ безъ него дѣла шли еще хуже, и вотъ когда насталъ срокъ выборовъ въ стратеги, то Периклъ былъ снова избранъ и облеченъ полномочіями. Но прежнее вліяніе уже къ нему не вернулось. Да и жилъ онъ послѣ этого недолго: болѣзнь медленно подтачивала его силы, и осенью 429 г. Периклъ умеръ.

2. Отъ смерти Перикла до Никіева мира.

Демагоги и стратеги. По смерти Перикла начинается какъ-бы новая эпоха въ исторіи аѳинской демократіи: наступаетъ время господства *демагоговъ* въ худшемъ значеніи слова,—потворствующихъ толпѣ, подлаживающихся подъ ея вкусы, дѣйствующихъ на ея дурные инстинкты. Ѳукидидъ противополагаетъ Периклу его преемниковъ: Периклъ старался возвысить демосъ до себя, а его преемники, послѣдующіе демагоги, дѣйствовали наоборотъ; „будучи сами по себѣ скорѣе равны между собой и въ то же время стремясь каждый стать первымъ, они начали угождать народу и предоставлять ему всѣ дѣла“.

Такихъ демагоговъ изображаетъ Аристофанъ въ своей комедіи „Всадники“. Здѣсь Пафлагонецъ (Клеонъ) и уличный торговецъ, колбасникъ, соперничаютъ изъ-за вліянія на демосъ, который какъ мы уже говорили (стр. 108), представленъ въ образѣ выжившаго изъ ума старика; они стараются превзойти другъ друга въ пох-

валахъ и лести ему, въ изъявленіи своей преданности, въ подачкахъ. Колбасникъ молитъ нечистыя силы „дать ему смѣлость, бойкость рѣчи, безстыдный голосъ“ и оказывается еще „почище“ Пафлагонца, еще безстыднѣе и наглѣе, еще грубѣе и невѣжественнѣе. Чрезъ то и можетъ онъ возвыситься, „что площадью рожденъ, и подлъ, и дерзокъ“. Онъ невѣжественъ, „наукамъ не ученъ, лишь грамотѣ, и той—худого хуже“... Но это не бѣда:

Искусство демагога
Не ищетъ ужъ теперь образованья
И для натуры честной не годно:
Ушло оно къ безстыднымъ и невѣждамъ...

Колбасникъ одерживаетъ побѣду надъ Пафлагонцемъ-Клеономъ: Демосъ ввѣряетъ себя ему, ибо демосъ падокъ до лести.

Демагоги, преемники Перикла, большею частью были лишь ораторами, руководителями въ народномъ собраніи; но они не были полководцами, стратегами, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ. Между тѣмъ какъ прежде немыслимо было, чтобы лицо, не имѣвшее опытности государственнаго дѣятеля или не будучи стратегомъ, руководило народомъ, теперь подобныя явленія сдѣлались обычными. Обязанности стратега и народнаго вождя, прежде соединенныя въ одномъ лицѣ, раздѣляются, происходитъ раздвоеніе: одни, демагоги, дѣйствуютъ и вліяютъ въ народномъ собраніи; они мало свѣдущи въ военномъ дѣлѣ; другіе, стратеги, стоятъ во главѣ войска, ведутъ войну; они обыкновенно плохіе ораторы, часто отсутствуютъ изъ Аѳинъ; они несутъ отвѣтственность за успѣхъ, за военныя операціи, нерѣдко ими не одобряемыя, имъ навязанныя, и въ своихъ дѣйствіяхъ должны сообразоваться съ настроеніемъ въ Аѳинахъ, имѣть въ виду, какъ отнесутся къ нимъ вліятельные демагоги. Между тѣми и другими—явный антагонизмъ; въ случаѣ неудачи стратега, его ждетъ обвиненіе въ подкупности, въ измѣнѣ; въ случаѣ успѣха, ему завидуютъ, его опасаются. Вообще демосъ недовѣряетъ стратегамъ и преслѣдуетъ ихъ цѣлымъ рядомъ процессовъ. Изъ нихъ самый удивительный—процессъ стратеговъ-побѣдителей (въ 406 г.), изъ которыхъ шестерыхъ постигла смертная казнь, о чемъ мы скажемъ далѣе.

Понятно, какъ неблагопріятно должно было отражаться это на ходѣ войны. Къ тому же на выборы стратеговъ вліяли поли-

тическія соображенія. Каждая партія старалась провести своихъ кандидатовъ. Уваженіе къ стратегамъ падало, тѣмъ болѣе, что часто это были люди незначительные. „Кого прежде не выбрали бы даже пробовать вино“ (для празднествъ), говорилось въ одной комедіи, „того теперь мы имѣемъ стратегами. О, городъ, городъ, насколько ты больше счастливъ, чѣмъ уменъ!“ Авторъ вспоминаетъ о прежнихъ временахъ, о Мильтіадѣ и Периклѣ. „Не такъ мы, старики, въ наше время правили государствомъ; у насъ, прежде всего, были стратеги изъ самыхъ великихъ домовъ, первые богатствомъ и родомъ, на которыхъ мы молились, какъ на боговъ, да они и были ими, такъ что мы жили безопасно; а теперь, куда придется, идемъ въ походъ, выбравъ отбросы въ стратеги“.

Вообще въ то время въ аѳинскомъ обществѣ произошли крупныя перемѣны. Война и ужасная эпидемія произвели страшныя опустошенія въ рядахъ аѳинянъ, и цвѣтъ аѳинскаго населенія погибъ. Число гражданъ уменьшилось на четверть или на треть. До сихъ поръ вожди народа, стоявшіе даже во главѣ демократической партіи, были изъ „знатныхъ и благородныхъ“. Теперь на политическомъ поприщѣ ихъ оттѣсняютъ и становятся вождями демоса торговцы, промышленники или фабриканты, представители аѳинской буржуазіи, что вполнѣ было естественно, если принять во вниманіе торговое и промышленное значеніе тогдашнихъ Аѳинъ. Одинъ за другимъ выступаютъ они по смерти Перикла; сначала „торговецъ паклей“ Евкратъ; за нимъ—„скотопромышленникъ“, „торговецъ овцами“ Лисиклъ; затѣмъ—„кожевникъ“, т.-е. владѣлецъ кожевеннаго завода, Клеонъ, и другъ.

Клеонъ. Изъ нихъ дольше и больше всѣхъ пользовался вліяніемъ Клеонъ. Наши источники изображаютъ его, какъ типъ демагога въ худшемъ смыслѣ слова: это человѣкъ, въ высшей степени склонный къ насилію, дерзкій, грубый и наглый, клеветникъ, пустой и легкомысленный хвастунъ. Особенно рѣзкимъ нападкамъ подвергся Клеонъ со стороны комедіи. Аристофанъ вывелъ его, какъ мы уже видѣли (стр. 123), въ образѣ Пафлагонца, крикуна, государственнаго вора, безстыднаго льстеца и обманщика, въ сѣти котораго попалъ Демосъ и который

„съ людей вымогалъ, ихъ тянулъ и душилъ безъ зазрѣнья". Но извѣстные намъ факты изъ дѣятельности Клеона позволяютъ составить нѣсколько иное мнѣніе объ этомъ демагогѣ. Конечно, онъ не былъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ или полководцемъ; онъ былъ необразованъ, вульгаренъ, грубъ и дерзокъ; умъ его былъ узокъ; Клеонъ былъ слишкомъ упоренъ и прямолинеенъ. Но ему нельзя отказать въ энергіи и здравомъ смыслѣ. Нельзя сказать также, чтобы онъ всегда льстилъ народу. Самъ онъ вышелъ изъ демоса; для народной массы онъ—„свой человѣкъ", онъ ей былъ болѣе близокъ и понятенъ, чѣмъ, напр., „Олимпіецъ" Периклъ.

Клеонъ во внѣшней политикѣ стоялъ за войну. Наши источники и это объясняютъ дурными, личными побужденіями Клеона,—чтобы поддержать свое вліяніе, чтобъ „войной и туманомъ народъ ослѣпленный" не замѣчалъ, какія гнусности дѣлаетъ онъ, Клеонъ. Но за войну вообще была радикальная демократія и городской демосъ, такъ какъ война была въ ихъ интересахъ.

Никій. Вождемъ другой партіи—партіи мира, болѣе умѣренной и консервативной, былъ Никій. Онъ выдавался своимъ богатствомъ и занималъ въ Аѳинахъ вліятельное положеніе. Его почти изъ года въ годъ выбирали въ стратеги. Въ сущности Никій былъ посредственностью—нерѣшительный, медлительный, чрезмѣрно осторожный, малодушный и робкій предъ толпою, суевѣрный. Его политическое направленіе и общественное положеніе располагали къ нему аристократическую партію. Но и демосъ относился къ Никію хорошо. Самая робость Никія предъ толпой являлась въ глазахъ массы какъ-бы доказательствомъ его демократизма. Притомъ онъ располагалъ народъ хорегіями и тому подобными средствами, превосходя своихъ предшественниковъ и современниковъ блескомъ и великолѣпіемъ постановки. Даже авторы комедій относились къ Никію сочувственно и лишь мягко, слегка порицали его за нерѣшительность и трусость. А Аристотель причисляетъ Никія къ самымъ лучшимъ „послѣ древнихъ" политическимъ дѣятелямъ въ Аѳинахъ.

Продолжительная, тяжелая война требовала большихъ расходовъ. И вотъ въ 428 г. введена была прямая подать съ иму-

щества, *эйсфора*, въ размѣрѣ 200 тал.; въ 425/4 г. повышенъ болѣе, чѣмъ вдвое, форосъ съ союзниковъ. Теперь общая его сумма доведена была приблизительно до 1000 тал. Обѣ эти финансовыя мѣры—введеніе эйсфоры и повышеніе фороса—приходятся какъ-разъ на тѣ два года, когда Клеонъ былъ членомъ совѣта.

Вліяніе войны на общество. Какой характеръ принимала война, показываетъ судьба гор. Митилены и Платей. Митилена, главный городъ острова Лесбоса, одного изъ немногихъ автономныхъ членовъ Аѳинскаго союза, отложилась отъ Аѳинъ (428 г.), была осаждена и принуждена сдаться. Тогда въ аѳинскомъ народномъ собраніи возникъ вопросъ, какъ поступить съ митиленянами. Сначала раздраженные аѳиняне рѣшили-было все взрослое мужское населеніе предать казни, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабство. Распоряженіе объ этомъ было даже уже послано. Но потомъ аѳиняне одумались, и на слѣдующій день созвано было народное собраніе, чтобы вновь обсудить дѣло. И вотъ во время преній, которыя передаетъ намъ Ѳукидидъ, высказаны были два противоположныхъ воззрѣнія на значеніе смертной казни, какъ мѣры устрашенія, при чемъ предъ нами впервые выступаютъ доводы за и противъ по этому вопросу, впервые мы встрѣчаемся съ возраженіями противъ самой цѣлесообразности системы устрашенія. Въ защиту смертной казни и безпощадной строгости выступилъ Клеонъ, и прежде настаивавшій на нихъ. Противъ безпощадной казни безъ разбора былъ нѣкто Діодотъ. Въ своихъ доводахъ онъ исходитъ не изъ чувства человѣколюбія, а изъ соображеній цѣлесообразности и государственной пользы. „Въ государствахъ“, говорилъ онъ, „смертная казнь опредѣляется за многія преступленія“... И однако люди рѣшаются на опасныя предпріятія, надѣясь на себя и на то, что выйдутъ благополучно изъ опасности. Оберегать себя мы должны не суровостью законовъ, а заботливостью въ дѣлахъ. Надо дѣйствовать такъ, чтобы и на мысль не приходило отлагаться, въ случаѣ же побѣды надъ возставшими возможно менѣе взыскивать съ нихъ. „Принимающій мудрое рѣшеніе по отношенію къ врагамъ сильнѣе, чѣмъ тотъ, кто идетъ на нихъ, дѣйствуя безразсудною силою“. Аѳиняне отмѣнили прежнее постановленіе. Казнены были лишь наиболѣе

виновные, да и то, если вѣрить Ѳукидиду, казненныхъ было болѣе 1000!

Вскорѣ послѣ этого жестокая участь постигла вѣрнаго союзника Аѳинъ, городъ Платеи, который осажденъ былъ спартанцами. Часть платейцевъ успѣла потомъ выйти изъ города, несмотря на осаду; оставшіеся въ Платеяхъ чрезъ нѣсколько времени принуждены были сдаться (427 г.). Спартанцы устроили надъ ними судъ или, лучше сказать, пародію суда, отводили каждаго въ сторону и убивали; пощады не было дано никому. Попавшія въ плѣнъ женщины проданы въ рабство; самый городъ Платеи, около котораго нѣкогда одержана была греками знаменитая побѣда надъ персами, отданъ его заклятымъ врагамъ, ѳиванцамъ, и ими разрушенъ до основанія.

Война изъ-за гегемоніи превращалась въ жестокую борьбу между олигархіей и демократіей. До какого ожесточенія и одичанія доходили въ этой борьбѣ обѣ стороны, показываютъ кровавыя сцены на островѣ Керкирѣ. По поводу ихъ Ѳукидидъ даетъ поразительное изображеніе тогдашняго нравственнаго состоянія общества—извращенія понятій, одичанія и нравственнаго разложенія, которыя явились слѣдствіемъ междоусобной войны и борьбы партій, ничего не считавшихъ святымъ. „Вся, можно сказать, Эллада была потрясена", говоритъ Ѳукидидъ, „такъ какъ вездѣ происходили раздоры между предстателями демоса, призывавшими аѳинянъ, и олигархами, призывавшими лакедемонянъ... И вслѣдствіе междоусобицъ множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государство,—бѣдъ, какія обыкновенно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою же, но только проявляются онѣ въ бо̀льшей или меньшей степени и различны по формамъ, сообразно обстоятельствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ..."

Сфактерія. Въ 425 г. война, казалось, приняла болѣе рѣшительный оборотъ и притомъ благопріятный для Аѳинъ: аѳиняне заняли Пилосъ (нын. Наваринъ) на берегу Мессеніи. Вѣсть объ этомъ встревожила спартанцевъ: Мессенія, съ ея населеніемъ, находившимся въ положеніи илотовъ, крѣпостныхъ, была у нихъ самымъ уязвимымъ мѣстомъ, и вотъ на Пилосъ, чтобы вытѣснить оттуда аѳинянъ, произведено нападеніе и съ суши,

и съ моря; въ то же время спартанцы заняли островъ Сфактерію, лежащій у входа въ Пилосскую бухту. Нападеніе спартанцевъ было однако отбито, а Сфактерія осаждена. Спартанцы, чтобы спасти осажденныхъ, среди которыхъ были и спартіаты, члены господствовавшаго въ Спартѣ сословія, заключили перемиріе съ аѳинянами и отправили пословъ въ Аѳины для переговоровъ о мирѣ. Но вслѣдствіе противодѣйствія главнымъ образомъ Клеона миръ не состоялся, и осада Сфактеріи продолжалась.

Однако надежды аѳинянъ на скорый успѣхъ не оправдались: осада затянулась. Клеонъ упрекалъ стратеговъ, говоря, что если бы они были доблестными мужами, то взяли бы островъ, и что онъ на мѣстѣ ихъ это сдѣлалъ бы. Тогда ему предложили: пусть онъ возьметъ на себя начальство надъ войскомъ и исполненіе задачи. Клеонъ сталъ-было уклоняться, но, по настоянію аѳинянъ, вынужденъ былъ согласиться и заявилъ, что въ теченіе двадцати дней онъ или приведетъ лакедемонянъ живыми, или перебьетъ ихъ на мѣстѣ. Такое „легкомысліе“, говоритъ Ѳукидидъ, вызвало смѣхъ среди аѳинянъ. Но Клеонъ исполнилъ обѣщаніе: взялъ Сфактерію. Съ плѣнниками и съ торжествомъ возвратился онъ въ Аѳины: взятіе въ плѣнъ нѣсколькихъ сотъ лакедемонянъ было важнымъ успѣхомъ; плѣнники являлись драгоцѣннымъ залогомъ въ рукахъ аѳинянъ.

Брасидъ. Ободренные успѣхомъ, аѳиняне задумали подчинить себѣ Беотію; но при Деліи (въ 424 г.) они потерпѣли пораженіе отъ ѳиванцевъ. Въ это же время спартанскій вождь Брасидъ переноситъ военныя дѣйствія во Ѳракію и тамъ наноситъ аѳинянамъ ударъ. Онъ рѣшается приняться на дѣлѣ за осуществленіе той программы, которая выставлена была Спартой еще въ началѣ войны,—за освобожденіе грековъ отъ аѳинскаго ига. Брасидъ отличался талантомъ полководца, смѣлостью, рѣшительностью; обаятельно дѣйствовала самая его личность: онъ обладалъ даромъ слова, столь рѣдкимъ среди спартанцевъ. Вообще Брасидъ составлялъ противоположность остальнымъ спартанскимъ вождямъ. По своему характеру и стремленіямъ онъ не подходилъ къ Спартѣ, да и спартанское правительство смотрѣло довольно подозрительно на этого смѣлаго, талантливаго вождя. Брасидъ под-

ступаетъ къ Амфиполю, который и отлагается отъ аѳинянъ. Потеря Амфиполя и другихъ ѳракійскихъ городовъ была тяжелымъ ударомъ для Аѳинъ; отсюда онѣ получали не только дорогіе металлы, но и лѣсъ для постройки кораблей. Спартанское правительство воспользовалось успѣхами Брасида, чтобы заключить перемиріе на одинъ годъ съ Аѳинами (423).

По истеченіи срока перемирія къ Амфиполю является Клеонъ во главѣ войска. Во время произведенной имъ рекогносцировки Брасидъ внезапно напалъ на него. Аѳинскій отрядъ потерпѣлъ пораженіе. Самъ Клеонъ палъ въ битвѣ. Брасидъ получилъ смертельную рану и скончался (422 г.). Гибель того и другого облегчила заключеніе мира, такъ какъ оба они противились ему и стояли за войну.

Никіевъ миръ. Уже десять лѣтъ длилась война, а существеннаго результата не было достигнуто. Обѣ стороны были утомлены. Война особенно тяжела была для сельскаго населенія, и оно жаждало мира. Выразителемъ желаній этого класса былъ Аристофанъ, особенно въ комедіи „Ахарняне“ и въ „Мирѣ“. Герой первой комедіи, Дикеополь, мечтаетъ о мирѣ и страстно желаетъ вернуться въ свой домъ; ему противна политика и городской шумъ. За 8 драхмъ онъ получаетъ „порцію“ отдѣльнаго мира со Спартой на 30 лѣтъ и, избавившись отъ войны, на своемъ мирномъ участкѣ въ радости и веселіи справляетъ праздникъ сельскихъ Діонисій. Въ пьесѣ этой много смѣшныхъ сценъ, но сквозь смѣхъ видны „слезы о потерянномъ мирѣ, потерянной связи съ природой и матерью-землей“. Въ комедіи „Миръ“ Тригей, „честный виноградарь, не сикофантъ, не любитель дѣлъ судебныхъ“, летитъ на навозномъ жукѣ на Олимпъ и съ помощью земледѣльцевъ освобождаетъ богиню мира изъ глубокой ямы, куда ее бросилъ богъ войны. Богиня мира возвращается при ликованіи земледѣльцевъ и при томъ не одна, а въ сопровожденіи Опоры (Плодородія) и Ѳеоріи (Празднества).

Вообще по смерти Клеона въ Аѳинахъ возобладали мирныя теченія. Вліяніе Никія, главы партіи мира, возросло. Спарта, съ своей стороны, желала мира, чтобы скорѣе освободить спартіатовъ, находившихся въ плѣну у аѳинянъ. Такимъ образомъ,

между Аѳинами и Спартой въ 421 г. состоялся миръ на пятьдесятъ лѣтъ, названный по имени главнаго его виновника *Никіевымъ*, закончившій собою первый періодъ Пелопоннесской войны. По этому миру въ сущности возстановилось положеніе, бывшее до войны: обѣ стороны должны были возвратить свои завоеванія, за нѣкоторыми исключеніями. Аѳиняне должны были обратно получить Амфиполь, выдать плѣнныхъ и возвратить Пилосъ.

3. *Темныя стороны аѳинской демократіи и недовольные.*

Опасность охлократіи. Въ эпоху Пелопоннесской войны аѳинская демократія переживала тяжелый кризисъ, переходъ отъ расцвѣта къ упадку. Тогда стали развиваться и яснѣе обнаруживаться ея отрицательныя стороны. Мы видѣли, какое разлагающее вліяніе на общество производила война и ожесточенная борьба партій. Выступало новое поколѣніе и новые вожди народа, демагоги въ худшемъ значеніи слова; отъ верхнихъ слоевъ демоса политическое преобладаніе перешло къ низшимъ слоямъ. Масса стала принимать болѣе непосредственное участіе въ дѣлѣ правленія. Демократія грозила перейти въ охлократію, въ господство черни. Было время, когда надъ самимъ державнымъ демосомъ въ Аѳинахъ возвышался законъ; теперь демосъ становился господиномъ надъ всѣмъ, даже надъ закономъ. Обнаруживается деспотизмъ толпы, большинства надъ меньшинствомъ. Демагоги и псефизмы стали пріобрѣтать все больше и бо̀льше значенія...

Демократія требовала отъ аѳинскихъ гражданъ напряженной, неутомимой дѣятельности. Между тѣмъ по мѣрѣ увеличивающагося вліянія демагоговъ и преобладанія низшихъ слоевъ, преимущественно городского населенія, многіе начинаютъ уклоняться отъ участія въ народномъ собраніи, судѣ, управленіи: сельскій житель, занятый обработкой своего поля и иногда живущій сравнительно далеко отъ города, не любящій городской сутолоки и политики; аристократъ, чувствующій себя не по себѣ среди народной толпы, или просто гражданинъ, которому претили демагоги и сикофанты, который ихъ боялся и предпочиталъ стоять въ сторонѣ отъ

политики... Доблестные и мудрые молчатъ, говорится въ одномъ мѣстѣ у Еврипида, и не стремятся къ занятію государственными дѣлами.

„Демосъ", говорится у Демосѳена, „—масса людей, не отвѣтственная за свои поступки и не заслуживающая довѣрія; она точно вѣтеръ на морѣ въ своихъ случайныхъ порывахъ; въ собраніи одинъ подойдетъ, другой уйдетъ, никому нѣтъ заботы объ общемъ дѣлѣ и никто о немъ не помнитъ". Въ организаціи собственно правительства въ Аѳинахъ обнаруживались недостатки. По словамъ извѣстнаго историка Эд. Мейера, нѣсколько, впрочемъ, сгущающаго краски, настоящаго правительства тамъ послѣ Перикла и не было: Аѳины, со времени паденія Перикла и до македонской эпохи, находились въ состояніи постоянной анархіи. Ѳукидидъ приписываетъ Клеону слова, что демократія въ томъ видѣ, какъ она существовала тогда въ Аѳинахъ, была неподходящею для великой державы, „неспособна властвовать надъ другими".

Темныя стороны тогдашнихъ учрежденій и политическихъ нравовъ особенно обнаруживались въ случаѣ недостатка денежныхъ средствъ. По свидѣтельству оратора Лисія, совѣтъ, напр., поступаетъ вполнѣ безукоризненно, пока есть деньги для правленія, но какъ только является нужда въ деньгахъ, онъ принужденъ принимать доносы, конфисковать имущества и слушаться самыхъ дурныхъ совѣтниковъ.

Присяжные. Мы видѣли, какое важное мѣсто въ строѣ Аѳинскаго государства занимала геліэя, судъ присяжныхъ. Этотъ судъ—необходимая принадлежность демократическихъ Аѳинъ; безъ него нельзя и представить себѣ ихъ. Въ тогдашней литературѣ особенно отмѣчается страсть аѳинянъ къ суду. Стрепсіадъ—въ комедіи Аристофана „Облака"—не вѣритъ, что предъ нимъ на картѣ Аѳины, такъ какъ онъ тамъ не видитъ засѣдающихъ дикастовъ. Но особенно осмѣиваетъ аѳинскихъ геліастовъ Аристофанъ въ „Осахъ". Здѣсь онъ раскрываетъ предъ нами душевное настроеніе аѳинскаго присяжнаго, показываетъ, что было привлекательнаго въ судейскихъ обязанностяхъ для зауряднаго гражданина. Главное дѣйствующее лицо „Осъ", Филоклеонъ (т.-е. Другъ Клеона, Клеонолюбъ) одержимъ страстью судить и

обвинять. Эта страсть доходитъ у него до маніи, до душевной болѣзни. Филоклеонъ страшится, что безъ него кто-либо будетъ оправданъ; онъ рвется, „чтобъ кого-нибудь подвести и упечь", хотя онъ въ сущности человѣкъ не злой. Его товарищи, старики-геліасты, являются за нимъ еще до зари,—такъ спѣшатъ они въ судъ: не будетъ засѣданія или геліастъ не попадетъ въ него, онъ, по словамъ Аристофана, не знаетъ на что̀ купить припасовъ, гдѣ добыть обѣдъ. Но еще болѣе привлекало геліаста сознаніе власти, могущества, сознаніе того, что отъ него зависитъ судьба подсудимаго, нерѣдко человѣка сильнаго и богатаго; дать почувствовать такому человѣку свою власть, это доставляетъ геліасту, человѣку заурядному, бѣдному, большое наслажденіе. Наша власть, говоритъ Филоклеонъ, ничуть не меньше царской, „только Зевсу такая доступна". Онъ съ постели встаетъ, а его уже ждутъ важныя лица; не успѣетъ подойти къ суду, какъ казнокрады протягиваютъ ему свою холеную руку и жалобно молятъ о пощадѣ. Наконецъ онъ входитъ въ судъ и чего онъ только не наслушается! Одинъ изъ просителей жалуется на бѣдность, другой разсказываетъ басню, иной остритъ, стараясь разсмѣшить; а если все это не дѣйствуетъ, приводятъ сыновей, дочерей, заклиная дѣтьми пощадить... „Это ли не власть? Не глумимся ли мы надъ богатствомъ?" Филоклеона услаждаетъ также, что они рѣшаютъ по своему усмотрѣнію:

„И отчета мы въ томъ никому не даемъ, не въ примѣръ остальнымъ учрежденьямъ".

Но пріятнѣе всего та встрѣча, которая ожидала геліаста дома:

„Домочадцы гурьбою обступятъ
И начнутъ лебезить, знаютъ:—деньги принесъ!"

Конечно, Аристофанъ преувеличиваетъ: Филоклеонъ—карикатура, но и карикатура должна имѣть нѣкоторое сходство съ изображаемымъ лицомъ, иначе она и не производила бы желаннаго дѣйствія.

Важнѣе другое обстоятельство: приговоры зависѣли часто отъ состоянія денежной кассы; присяжнымъ иногда прямо, безъ всякихъ стѣсненій, говорили, что если они не обвинятъ подсуди-

маго, особенно богатаго, то не будетъ денегъ, чтобы выдать имъ плату за исполненіе обязанности судьи, и геліасты осуждали, чтобы изъ денежнаго штрафа, наложеннаго на обвиненнаго, или изъ его конфискованнаго имущества получить эту плату... Но случаи прямого подкупа присяжныхъ въ Аѳинахъ были чрезвычайно рѣдки.

Сикофанты. Отчасти въ связи со страстью къ процессамъ, такъ характеризовавшею аѳинянъ, находится явленіе, которое было язвою аѳинской демократіи. Это—*сикофантство*. Сикофантами называли вообще ищеекъ и доносчиковъ, ябедниковъ и клеветниковъ, которые съ цѣлью вымогательства занимались ложными доносами, угрожали процессами и т. под. Въ эпоху Пелопоннесской войны сикофантство превратилось въ ремесло, въ профессію. Сикофанты были большею частью добровольными обвинителями, бравшими на себя роль блюстителей закона и государственныхъ интересовъ. Они злоупотребляли „обвиненіемъ въ противозаконности“ (стр. 93); они не даютъ покоя мирнымъ гражданамъ, отравляютъ имъ существованіе, и тѣ нерѣдко предпочитаютъ откупиться отъ нихъ. Они выступаютъ съ угрозами или съ обвиненіями и противъ ни въ чемъ не провинившихся и такимъ путемъ больше всего зарабатываютъ, вымогая деньги. Особенно подвергаются преслѣдованіямъ со стороны сикофантовъ люди богатые. Сикофантъ „ходитъ по площади, какъ ехидна или скорпіонъ, поднявъ жало, поворачивая его туда и сюда, озираясь, кому бы причинить или бѣду, или поношеніе, или какое-либо зло, и, повергнувъ въ страхъ, взять съ него деньги“...

Сикофанты служили предметомъ ненависти и презрѣнія со стороны порядочныхъ людей; но иногда пользовались вліяніемъ въ государствѣ и занимали даже почетное положеніе.

Вражда къ богатымъ. Прошло то время, когда аристократія, знатное и богатое меньшинство властвовало надъ массой. Роли перемѣнились. Если прежде демосъ немало терпѣлъ отъ знатныхъ и богатыхъ, то теперь онъ господствуетъ надъ ними и тѣснитъ ихъ. Государственная власть является орудіемъ этого большинства, которое старается использовать ее въ своихъ инте-

ресахъ; оно стремится дать удовлетвореніе своему естественному чувству зависти и вражды къ богатымъ. Мы видѣли, что основными началами аѳинской демократіи были исономія и исегорія, равенство и свобода. Но въ дѣйствительности въ соціальномъ отношеніи полнаго равенства не было. Попрежнему были бѣдные и богатые. Со времени Пелопоннесской войны эта классовая противоположность усиливалась; пропасть между богатыми и бѣдными увеличивается, развивается капитализмъ и его спутникъ—бѣднота, пролетаріатъ. Такое противорѣчіе между политическимъ равенствомъ и общественнымъ неравенствомъ, между теоріей, идеей, съ одной стороны, и дѣйствительностью съ другой особенно должно было чувствоваться и раздражать. Вражда между бѣднымъ и богатымъ столь же стара, какъ демократія въ Элладѣ, говоритъ новѣйшій историкъ античнаго коммунизма и соціализма. Достаточно было быть богатымъ, чтобы быть заподозрѣннымъ, какъ врагъ народа. Судебные процессы противъ такихъ лицъ, конфискація ихъ имущества дѣлаются обычными явленіями. Иногда ожиданія не оправдывались: конфискованное имущество оказывалось меньше, чѣмъ предполагалось; тогда обвиняемому или его семьѣ и близкимъ грозили новыя непріятности; начинались новые процессы по обвиненію въ утайкѣ имущества и т. д.

Послѣ всего этого понятна насмѣшка обѣднѣвшаго аристократа, который радуется тому, что потерялъ состояніе. „Когда я былъ богатъ“, говоритъ онъ, „я, во-первыхъ, боялся, какъ бы кто не сдѣлалъ подкопа въ домѣ, не взялъ моихъ денегъ и не причинилъ мнѣ самому какого-либо зла. Затѣмъ, я ухаживалъ за сикофантами, зная, что я могу скорѣе отъ нихъ потерпѣть непріятности, чѣмъ сдѣлать ихъ имъ. Кромѣ того, государство требовало отъ меня постоянно какихъ-либо расходовъ, а отлучиться мнѣ никуда нельзя было. Теперь же, послѣ того, какъ я лишился находящихся за нашими предѣлами имѣній, а здѣшняя земля не приноситъ дохода и домашнее имущество продано, я сладко сплю растянувшись; я сталъ благонадежнымъ для государства, мнѣ никто не угрожаетъ, но уже я угрожаю другимъ; какъ свободному человѣку, мнѣ можно и отлучаться, и здѣсь оставаться. Предо мною встаютъ съ мѣстъ богатые и уступаютъ дорогу. Теперь я подобенъ тиранну, а прежде я былъ явно рабомъ. Тогда я вно-

силъ подать народу, а теперь государство мнѣ платитъ и кормитъ меня"...

Съ тѣхъ поръ, какъ началась Пелопоннесская война, въ Аѳинскомъ государствѣ немало было недовольныхъ. Къ числу ихъ принадлежалъ прежде всего сельскій классъ.

Недовольство сельского населенія. Нельзя сказать, чтобы бѣдный городской классъ только выигрывалъ отъ войны: и ему война давала себя чувствовать. Но онъ не несъ тяжелыхъ повинностей; его имущество не разорялось непріятелемъ; въ городѣ онъ чувствовалъ себя въ безопасности; война давала ему и нѣкоторые новые заработки. Пока Аѳины властвовали на морѣ, ихъ обширная торговля и промышленность не была подорвана; нѣкоторыя отрасли, напр. фабрики оружія и т. под., особенно процвѣтали. Вообще городской демосъ, не исключая и болѣе крупныхъ торговцевъ и ремесленниковъ, являлся обыкновенно главнымъ сторонникомъ политическихъ новшествъ, Клеона и войны. Иное было положеніе сельскаго населенія. Война разоряла его. Ему, какъ было упомянуто, приходилось покидать свои поля, хозяйство, переселяться въ городъ. Вторженія непріятеля сопровождались опустошеніями, отъ которыхъ страдалъ именно сельскій классъ. Въ особенности разорительно было истребленіе виноградниковъ, оливковыхъ и фиговыхъ деревьевъ: оно оставляло слѣдъ на многіе годы, пока вновь могли вырости лозы и деревья. Интересы и стремленія съ одной стороны городского демоса, а съ другой богатыхъ и земледѣльцевъ вообще во многомъ расходились. Сельскіе жители проникнуты были консервативнымъ духомъ: они стояли за старину. Они не любили политики и тѣхъ, кто ею занимается; они сравнительно рѣдко посѣщали народное собраніе. У Еврипида съ похвалой говорится о подобномъ гражданинѣ при описаніи народнаго собранія: тогда поднялся гражданинъ

„Невзрачный хоть на видъ, но храбрый мужъ,
Ходившій рѣдко въ городъ и на площадь—
Одинъ изъ тѣхъ, трудами рукъ живущихъ,
Которые одни спасаютъ землю".

Сельскій классъ видѣлъ, что его интересы приносятся въ жертву, и онъ не сочувствовалъ тѣмъ новымъ вождямъ, тѣмъ по-

рядкамъ и общему направленію, которые господствовали тогда въ Аѳинахъ. Онъ былъ недоволенъ... У Аристофана „Ахарняне", эти „сильные, крѣпкіе, словно дубъ, старики, истые марафонскіе воины", жалуются на „мальчишекъ", „ораторовъ-молокососовъ", запутывающихъ ихъ словами и вопросами въ судахъ:

„Старцы древніе, мы городъ порицаемъ, такъ какъ онъ
По заслугамъ насъ не цѣнитъ и за подвиги въ моряхъ
Нашу старость не покоитъ..."

Жаловались сельскіе жители и на то, что ихъ не въ очередь вносили въ списокъ гоплитовъ, которые должны были выступать въ походъ, и вычеркивали другихъ, горожанъ.

Прежняя вражда между землевладѣльческою знатью и мелкими земледѣльцами мало-по-малу исчезла; у нихъ оказывались во многомъ общіе интересы, которые и объединяли ихъ въ одну партію земледѣльцевъ или „аграріевъ". Такимъ образомъ начинается сближеніе недовольнаго сельскаго класса съ партіей олигархическою.

Олигархи. Крайняя аристократическая или олигархическая партія издавна существовала въ Аѳинахъ и не исчезла даже съ торжествомъ демократіи. Она то какъ-бы замирала, то вновь оживала и проявляла себя въ тѣхъ заговорахъ, рядъ которыхъ тянется чрезъ аѳинскую исторію V в. Партія эта преслѣдовала узкія, партійныя цѣли; она представляла собой силу, непримиримо враждебную демократіи. Завѣтная мечта олигарховъ—не ограниченіе владычества толпы, а безусловное господство ихъ, порабощеніе демоса. Имъ ненавистна была самая идея равенства и народоправства. Аристотель сообщаетъ, что въ его время въ нѣкоторыхъ государствахъ олигархи давали клятву: „буду врагомъ народа и буду вредить ему, чѣмъ только могу". Ненависть аѳинскихъ олигарховъ къ демосу, по крайней мѣрѣ во время Пелопоннесской войны, была не меньше. Они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подрывать демократію. Для ниспроверженія ея и подавленія демоса всякія средства казались имъ хорошими, и если въ Аѳинахъ была тогда революціонная партія, то это именно партія олигарховъ. Они бы не остановились

предъ такимъ шагомъ, какъ преданіе родного города въ руки спартанцевъ, и готовы были прибѣгать къ такимъ пріемамъ, какъ тайныя убійства и терроръ. Нѣкоторые же олигархи надѣвали личину ярыхъ демократовъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе губить демократію и работать надъ ея низверженіемъ...

Гетеріи. Однимъ изъ средствъ въ тогдашней борьбѣ партій служили *гетеріи* или „товарищества", являвшіяся политическими клубами и тайными обществами. Первоначально гетеріи образовывались для взаимопомощи при выборахъ и на судѣ, чтобы проводить желательныхъ кандидатовъ на должность или защищать членовъ отъ судебныхъ преслѣдованій, сикофантовъ и т. п. Такимъ образомъ сначала гетеріи носили скорѣе оборонительный характеръ. Но вскорѣ ихъ дѣятельность расширилась и онѣ получили политическій характеръ. Члены гетеріи давали взаимную клятву помогать другъ другу совѣтомъ и дѣломъ, деньгами и кровью. Такія общества иногда образовывались вокругъ какого-нибудь отдѣльнаго лица. По своему направленію они различались: были гетеріи какъ олигархическія, такъ и демократическія. Но въ Аѳинахъ особенно многочисленны были первыя: при господствѣ демократіи, пока она была еще сильна, олигархи не рѣшались выступать явно и вынуждены были прибѣгать къ тайнымъ обществамъ. Во время Пелопоннесской войны гетеріи въ Аѳинахъ широко развѣтвились и многимъ начинали уже внушать страхъ.

Политическая литература. Политическія партіи, ихъ воззрѣнія и настроеніе лучше всего отражались, конечно, въ литературѣ. Богатый матеріалъ для характеристики темныхъ сторонъ аѳинской демократіи даетъ аттическая комедія. Она была тогда преимущественно политическою и являлась выраженіемъ оппозиціи. Нельзя сказать, однако, чтобы напр. Аристофанъ былъ на сторонѣ олигарховъ. Но онъ противъ той радикальной демократіи и ея вождей, которые господствовали въ Аѳинахъ въ его время; въ политическомъ отношеніи онъ консерваторъ. Его идеалъ—„доброе старое время" борцовъ Мараѳона или даже Кимона. Аристофанъ сочувствуетъ земледѣльцамъ и выражаетъ стремленія преимуще-

ственно этого класса. Въ общемъ онъ не всегда, впрочемъ, послѣдователенъ.

Въ періодъ „Просвѣщенія“ и софистовъ, въ особенности со времени Пелопоннесской войны, вопросы о формѣ правленія и о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, внутренней и внѣшней политикѣ, привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Въ бесѣдахъ софистовъ, въ различныхъ политическихъ трактатахъ и рѣчахъ вопросы эти съ жаромъ обсуждались. Съ площадей и изъ народнаго собранія борьба мнѣній и партій перенесена была и въ литературу; въ послѣдней она находила себѣ не только выраженіе, но и орудіе, средство для воздѣйствія на общественное мнѣніе. Политическія разсужденія воспроизводятся въ произведеніяхъ историческихъ, поэтическихъ и друг.

Уже у Геродота, дожившаго до первыхъ лѣтъ Пелопоннесской войны, есть такое разсужденіе. Нѣсколько персидскихъ вельможъ обсуждаютъ у него достоинства и недостатки разныхъ формъ правленія. Но ясно, что это разсужденія не персовъ, а грековъ. Одинъ въ черномъ свѣтѣ изображаетъ монархію и противопоставляетъ ей демократію, „правленіе массы“, носящее „прекраснѣйшее изъ всѣхъ названій“—равноправіе (исономія). Другой соглашается, что слѣдуетъ прекратить тираннію (подъ которой онъ разумѣетъ монархію), но онъ противъ предоставленія власти массѣ, „ибо нѣтъ ничего неразумнѣе и наглѣе негодной толпы“, и рекомендуетъ олигархію. Третій отдаетъ предпочтеніе монархіи, какъ лучшей, по его мнѣнію, формѣ правленія и лучше обезпечивающей свободу.

Пренія, споры о формахъ правленія мы находимъ и въ греческой трагедіи, напр. у Еврипида, въ его пьесѣ: „Просительницы“. Здѣсь обмѣниваются возраженіями Тезей и посолъ изъ Ѳивъ. Тезей говоритъ объ Аѳинахъ, какъ о свободномъ государствѣ, въ которомъ народъ самъ правитъ посредствомъ ежегодно смѣняющихся выборныхъ лицъ, богатый и бѣдный имѣютъ равныя права. А посолъ съ гордостью заявляетъ: „Государство, отъ котораго я явился, управляется однимъ человѣкомъ, не толпой. Нѣтъ въ немъ никого, кто, обманывая рѣчами, вертѣлъ бы государствомъ такъ и сякъ, сообразно своей частной выгодѣ... Да и какъ можетъ хорошо править государствомъ народъ, который не въ состояніи

разобраться въ словахъ?....“ Слѣдуетъ опять возраженіе Тезея: для государства нѣтъ ничего ужаснѣе тиранна; гдѣ тираннъ, тамъ нѣтъ общихъ для всѣхъ законовъ; тамъ царитъ воля одного, получившаго законъ самъ отъ себя, а это не есть равенство; въ демократіи каждому желающему дать государству полезный совѣтъ предоставляется къ тому полная возможность; гдѣ демосъ властелинъ, тамъ радуются, когда растетъ число молодыхъ гражданъ; царь же считаетъ ихъ за враговъ и лучшихъ изъ нихъ умерщвляетъ, боясь за свою тираннію; можетъ ли быть сильнымъ государство, когда смѣлая молодежь, какъ весенніе колосья на нивѣ, подкашивается и истребляется?...

Но были и отдѣльныя, самостоятельныя политическія произведенія. До насъ дошла напр. такъ называемая „Псевдо-Ксенофонтова“ (т. е. ложно, ошибочно приписанная Ксенофонту) „Аѳинская Политія“,—олигархическое сочиненіе сбъ аѳинскомъ государственномъ строѣ, относящееся ко времени Пелопоннесской войны, проникнутое ненавистью къ демократіи и въ то же время сознаніемъ удивительной цѣлесообразности, съ которою построена аѳинская демократія, неразрывной связи между разными ея сторонами, состояніемъ общества, учрежденіями и общимъ направленіемъ политики. Авторъ не одобряетъ выбранной аѳинянами формы правленія, такъ какъ при этой формѣ у нихъ „дурные“ граждане оказываются въ лучшемъ положеніи, нежели „хорошіе“, „благородные“ („дурной“ у автора значитъ „бѣдный“, „низкаго происхожденія“, „хорошій“—„знатный“, „богатый“). Но разъ они ее выбрали, нужно сознаться, говоритъ онъ, что они прекрасно поддерживаютъ ее и поступаютъ цѣлесообрано. Если въ Аѳинахъ бѣдные и демосъ вообще пользуются большими преимуществами по сравненію съ знатными и богатыми, то иначе и быть не можетъ при аѳинскомъ строѣ, что авторъ и старается раскрыть. Въ Аѳинахъ нельзя иначе вести дѣла, чѣмъ такъ, какъ они ведутся. Можно многое придумать, чтобы государственный строй былъ лучше; но чтобы существовала подобная демократія и вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе было лучше, это придумать нелегко...

Вообще съ конца V в. въ политической литературѣ грековъ, довольно обширной, изъ которой до насъ дошло далеко не все, преобладаетъ отрицательное отношеніе къ демократіи.

Пока война шла съ равнымъ для обѣихъ сторонъ успѣхомъ или существовалъ миръ, демократическій строй въ Аѳинахъ сохранялся и ему не могла грозить серьезная опасность. Но эта опасность настала для него, когда аѳинянамъ пришлось испытать тяжелую неудачу.

4. Сицилійскій походъ.

„Гнилой миръ“. Никіевъ миръ не могъ быть проченъ. Онъ былъ „гнилымъ миромъ“. Онъ не рѣшилъ окончательно вопроса о первенствѣ Аѳинъ или Спарты, не устранилъ одной изъ основныхъ причинъ вражды—того соперничества, той двойственности (дуализма), которыя существовали въ Греціи. Имъ недовольны были союзники Спарты, особенно Коринѳъ и Ѳивы; они отказались признать этотъ миръ. Условія мира не были въ точности выполнены: Амфиполь не былъ сданъ аѳинянамъ, и аѳиняне удерживали за собою Пилосъ. Притомъ власть въ Спартѣ перешла къ новымъ должностнымъ лицамъ (эфорамъ), стоявшимъ за войну.

Такое положеніе дѣлъ не могло не отразиться на аѳинскихъ партіяхъ: и здѣсь выдвинулись тѣ, кто былъ за войну со Спартой. Тутъ предъ нами выступаетъ замѣчательная личность—Алкивіадъ.

Алкивіадъ. Въ немъ наиболѣе рѣзко выразилась черта, свойственная той эпохѣ,—проявленіе начала личнаго, индивидуализма: въ противоположность старинѣ, когда государство подчиняло себѣ и поглощало отдѣльную личность, когда на первый планъ ставились благо и интересы цѣлаго, ради котораго жертвовали благомъ и интересами отдѣльнаго лица, теперь на первое мѣсто начинаютъ ставить отдѣльную личность, ея благо, ея интересы, ея особенности. Въ то же время провозглашается, что право на сторонѣ того, у кого сила; по этому воззрѣнію, всякое право есть право сильнаго. Алкивіадъ—чрезвычайно яркій представитель такого направленія. Все, казалось, было дано Алкивіаду: и богатство, и красота, и необыкновенныя дарованія. Но велики были и его эгоизмъ, его честолюбіе и тщеславіе, жажда первенствовать, повелѣвать. Въ этой личности было что-то

демоническое; такъ обаятельно она дѣйствовала. Алкивіада можно было любить или ненавидѣть; но трудно было относиться къ нему равнодушно. И у него была толпа почитателей, преклонявшихся предъ нимъ, и толпа враговъ, травившихъ его. Алкивіадъ готовъ былъ сломить все на своемъ пути. Это натура, которая не могла подчиниться ни законамъ, ни обычаямъ, презирала ихъ и выше всего ставила свое „я", свою личность, свои интересы,—натура „тираническая". По выраженію одного греческаго поэта, двухъ Алкивіадовъ не вынесла бы Греція. У Аристофана есть такой намекъ на Алкивіада: „Не слѣдуетъ вскармливать молодого льва въ городѣ, а разъ вскормили, надо подчиняться его нраву". И эта богато одаренная личность, благодаря отчасти своему непомѣрному эгоизму, отчасти условіямъ времени и среды, въ которой дѣйствовала, не принесла пользы и счастья Аѳинамъ; наоборотъ, ея вліяніе скорѣе оказалось пагубнымъ.

Алкивіадъ держался демократической партіи и главнаго соперника видѣлъ въ Никіи. Для него демократія была, впрочемъ, лишь средствомъ для достиженія цѣли; въ сущности же ему не было дѣла ни до олигархіи, ни до демократіи. Ѳукидидъ приписываетъ ему слова, что демократія—это „общепризнанное безразсудство". Алкивіадъ открыто заявлялъ, что не можетъ любить свое государство тогда, когда терпитъ отъ него несправедливость, что онъ любилъ его лишь тогда, когда жилъ въ немъ безопасно.

Вскорѣ военныя дѣйствія возобновились въ Пелопоннесѣ, хотя формально „Никіевъ миръ" еще существовалъ. Аѳиняне дѣйствовали нерѣшительно и ограничивались полумѣрами: воинственная программа Алкивіада встрѣчала противодѣйствіе со стороны Никія, приверженца мира. Въ 418 г. въ сраженіи при Мантинеѣ спартанскій царь Агисъ нанесъ пораженіе противникамъ Спарты, въ томъ числѣ и аѳинянамъ. Положеніе въ Аѳинахъ было неопредѣленное; ни Алкивіадъ, ни Никій не имѣли рѣшительнаго перевѣса, что̀ отражалось на всемъ ходѣ дѣлъ. Пораженіе при Мантинеѣ побуждало искать выхода изъ такой неопредѣленности. И вотъ въ Аѳинахъ поставленъ былъ вопросъ объ остракизмѣ, къ которому прежде и прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ, но который давно уже не примѣнялся. На остракизмѣ особенно настаивалъ нѣкто Гиперболъ, одинъ изъ тогдашнихъ

демагоговъ. Онъ разсчитывалъ, что будетъ изгнанъ или Никій, или Алкивіадъ. Но послѣдніе вошли въ соглашеніе другъ съ другомъ; ихъ приверженцы соединили свои голоса, и изгнанію подвергся Гиперболъ (417 г.). Не для такихъ лицъ изобрѣтенъ былъ судъ черепковъ. Изгнаніе Гипербола показало, что остракизмъ отжилъ свой вѣкъ, уже не достигаетъ цѣли и утратилъ свой смыслъ, что имъ злоупотребляютъ... Это былъ послѣдній случай его примѣненія. Больше къ остракизму не прибѣгали въ Аѳинахъ, хотя формально онъ и не былъ отмѣненъ.

Алкивіадъ жаждалъ войны, которая дала бы ему славу, власть, возможность поправить дѣла, разстроенныя непомѣрною роскошью и тратами, превосходившими даже его средства.

Снаряженіе Сицилійскаго похода. Случай вскорѣ представился. Въ Сициліи происходили междоусобія, въ томъ числѣ между городами Эгестой и Селинунтомъ, на сторонѣ котораго были Сиракузы. И вотъ Эгеста ищетъ помощи у аѳинянъ, и въ Аѳинахъ, по настоянію главнымъ образомъ Алкивіада, рѣшено было снарядить ту злосчастную *Сицилійскую экспедицію* (415 г.), которая явилась поворотнымъ моментомъ въ ихъ исторіи.

Сама по себѣ экспедиція къ берегамъ Сициліи не была чѣмъ-либо необычайнымъ, предпріятіемъ фантастическимъ. Между Аѳинами съ одной стороны, Италіей и Сициліей съ другой давно уже существовали довольно тѣсныя, частыя сношенія. Не говоря уже о торговлѣ, еще въ серединѣ V в. заключенъ былъ союзъ между Аѳинами и тою самою Эгестою, которая теперь обращалась къ нимъ за помощью; при Периклѣ въ южной Италіи основана была колонія Ѳуріи; въ первые годы войны аѳиняне неразъ уже отправляли флотъ къ берегамъ Италіи и Сициліи. Такимъ образомъ, теперь дѣло было не столько въ самой Сицилійской экспедиціи, сколько въ условіяхъ, при которыхъ она была предпринята, а главное— въ ея цѣляхъ, въ размѣрахъ, которые ей были приданы. Никіевъ миръ, какъ упомянуто, былъ гнилымъ миромъ; военныя дѣйствія въ Пелопоннесѣ уже начались; можно было ожидать рѣшительной войны въ самой Элладѣ. Аѳиняне не успѣли даже добиться подчиненія отпавшихъ ѳракійскихъ городовъ, въ томъ числѣ Амфиполя, т.-е. еще не справились съ ближайшими задачами, и

въ это время предпринимаютъ походъ, съ огромными силами, въ сравнительно далекую Сицилію. Помощь союзникамъ была тутъ только предлогомъ, дѣйствительная же цѣль и мотивъ этой экспедиціи—покореніе всего острова, богатаго хлѣбомъ, „житницы". Давно уже аѳинянами, по выраженію Плутарха, овладѣла „несчастная страсть къ Сициліи". Отъ этой страсти удерживалъ ихъ Периклъ. Теперь Алкивіадъ воспользовался ею. Завоеваніе Сициліи должно было нанести ударъ Спартѣ. Но этого мало: для Алкивіада и для многихъ аѳинянъ завоеваніе Сициліи было только ступенью, началомъ или „введеніемъ" къ дальнѣйшему, еще большему предпріятію. Ихъ воображенію представлялись Карѳагенъ, Ливія: они мечтали о походѣ въ Африку... Сицилія должна была служить опорнымъ пунктомъ, откуда можно было предпринять войну съ Карѳагеномъ, пріобрѣсти господство надъ Ливіей и надъ всѣмъ моремъ до Геракловыхъ столбовъ (Гибралтарскаго пролива)... Молодежь въ палестрахъ (заведеніяхъ, въ которыхъ занимались гимнастикой), старики въ мастерскихъ и на площадяхъ, сидя на скамьяхъ, чертили другъ другу на землѣ карту острова, положеніе Ливіи и Карѳагена; описывали берега Сициліи, окружающее ее море, тѣ гавани и мѣста, которыя лежали на обращенной къ Африкѣ сторонѣ.

Алкивіаду аѳиняне не вполнѣ довѣряли; они опасались его честолюбія. Поэтому начальниками экспедиціи въ качествѣ полномочныхъ стратеговъ, кромѣ Алкивіада, избраны были еще двое: осторожный Никій и Ламахъ, извѣстный, какъ храбрый, опытный воинъ. Казалось, что если геніальность Алкивіада соединится съ осторожностью Никія и съ мужествомъ Ламаха, то успѣхъ предпріятія будетъ тѣмъ вѣрнѣе обезпеченъ. Въ дѣйствительности же избраніе трехъ полномочныхъ полководцевъ, вмѣсто одного, не предвѣщало ничего добраго: не могло быть необходимаго единства въ планѣ и исполненіи, тѣмъ болѣе, что Никій былъ выбранъ противъ желанія; онъ не сочувствовалъ предпріятію, считая его пагубнымъ.

Въ народномъ собраніи, въ которомъ должны были обсуждаться мѣры относительно скорѣйшаго снаряженія флота, Никій выступилъ противъ уже рѣшенной экспедиціи, какъ безразсудной, и когда это не подѣйствовало, онъ, думая напугать аѳинянъ из-

держками, заявилъ, что если ужъ предпринимать походъ, то надо предпринимать его съ большими морскими и сухопутными силами, съ соотвѣтствующимъ количествомъ провіанта, денежныхъ средствъ и проч. Но и это не помогло: отъ Никія потребовали, чтобы онъ опредѣленно сказалъ, сколько, по его мнѣнію, нужно силъ, и Никій, скрѣпя сердце, отвѣтилъ, что необходимо не менѣе 100 тріэръ, 5000 гоплитовъ, соотвѣтствующее число прочаго войска, легковооруженныхъ и т. под. Все это рѣшено было предоставить полководцамъ и облечь ихъ неограниченными полномочіями. Страсть къ отплытію овладѣла всѣми; а если кто и не одобрялъ предпріятія, то молчалъ, боясь показаться злонамѣреннымъ, плохимъ гражданиномъ.

Гермокопиды. Флотъ снаряжался, шли приготовленія къ его отплытію, какъ вдругъ случилось происшествіе, взволновавшее городъ: въ одну майскую ночь 415 г. изуродованы были „гермы",—грубыя изваянія, въ видѣ четыреугольныхъ столбовъ съ головою, преимущественно бога Гермеса, стоявшія на улицахъ и площадяхъ, у входа въ частные дома и въ святилища. Ночные скандалы и безчинства подвыпившей молодежи, сопровождаемыя нерѣдко святотатствомъ, были въ Аѳинахъ довольно обычны. Но размѣры этого святотатства были необычны, и народомъ овладѣла тревога: въ изуродованіи почти всѣхъ гермовъ онъ видѣлъ дурное предзнаменованіе для экспедиціи; онъ боялся небеснаго гнѣва и кары. Притомъ здѣсь видѣлся какой-то планъ; чудился заговоръ, направленный противъ демократіи. Дѣло было загадочное, темное, и это еще усиливало безпокойство и унынiе. Нашлись лица, которыя постарались еще болѣе раздуть дѣло и использовать его въ своихъ видахъ или въ видахъ партіи. Представился удобный случай запутать въ него и Алкивіада, который многимъ стоялъ на дорогѣ, и такимъ образомъ устранить его.

Такъ возникло дѣло изуродователей гермовъ, *„гермокопидовъ"*. Начались доносы и толки о томъ, что въ городѣ есть люди, подвергающіе насмѣшкамъ религію, элевсинскія таинства (мистеріи) и т. под. Тутъ у многихъ на устахъ было имя Алкивіада, который извѣстенъ былъ своими выходками, полнымъ пренебреженіемъ къ обычаямъ и святынямъ; казалось, онъ на все былъ способенъ и для него ничего не было святого.

И вотъ, когда флотъ былъ готовъ уже къ отплытію, въ народномъ собраніи было заявлено, что Алкивіадъ въ одномъ частномъ домѣ осмѣивалъ элевсинскія таинства или мистеріи, копируя ихъ. Алкивіадъ тщетно требовалъ немедленнаго суда; враги Алкивіада опасались рѣшенія въ его пользу, такъ какъ на его сторонѣ было войско. При помощи недальновидныхъ друзей Алкивіада они добились того, что процессъ былъ отложенъ до его возвращенія: Алкивіадъ отправлялся во главѣ экспедиціи, подъ тяжестью не опровергнутаго обвиненія, какъ подсудимый...

Провожаемый населеніемъ со смѣшаннымъ чувствомъ надежды и тоски, флотъ отплылъ изъ Пирея. Это было, по словамъ Ѳукидида, „самое дорогое и великолѣпное снаряженіе изъ всѣхъ, бывшихъ до тѣхъ поръ". Многочисленныя купеческія суда въ торговыхъ цѣляхъ слѣдовали за флотомъ. Но не столько численностью отличался этотъ флотъ и войско, сколько великолѣпіемъ: государство и частныя лица не щадили средствъ на ихъ снаряженіе.

Въ Сициліи не вѣрили, что походъ въ такихъ размѣрахъ предпринятъ съ цѣлью лишь помочь Эгестѣ, и опасались завоевательныхъ плановъ со стороны аѳинянъ. Такимъ образомъ экспедиція встрѣчена была почти общимъ недовѣріемъ. Аѳиняне заняли уже одинъ изъ сицилійскихъ городовъ, какъ вдругъ прибылъ государственный корабль за Алкивіадомъ: его требовали на судъ въ Аѳины.

Тамъ, по отплытіи флота, попрежнему производилось слѣдствіе объ осмѣяніи мистерій и изуродованіи гермовъ... Вновь появились доносы. Аѳиняне принимали ихъ на вѣру. Ихъ пугалъ призракъ тиранніи и демосъ самъ становился подозрительнымъ тираномъ. Подъ вліяніемъ доносовъ и арестовъ распространилась паника; доходило до того, что когда глашатай созывалъ совѣтъ въ засѣданіе, то граждане опрометью покидали площадь, боясь быть арестованными. Никто не считалъ себя въ безопасности. Тогда, чтобы положить конецъ этому, одинъ изъ арестованныхъ, Андокидъ, уступая просьбамъ товарищей по заточенію, далъ показаніе, не пролившее полнаго свѣта, но въ общемъ удовлетворившее и успокоившее аѳинянъ, которые съ радостью ухватились за него. По словамъ Андокида, изуродованіе гермовъ

было дѣломъ одной олигархической гетеріи. Изъ указанныхъ Андокидомъ лицъ схваченные были казнены, а бѣжавшіе приговорены заочно къ смерти и головы ихъ оцѣнены.

Дѣло о гермокопидахъ кончилось, но дѣло о мистеріяхъ продолжалось. Противъ Алкивіада были добыты новыя показанія; предъявлено новое обвиненіе въ томъ, что онъ, Алкивіадъ, совершилъ преступленіе, представляя въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ товарищами мистеріи. Обвиненіе было принято, Алкивіадъ отрѣшенъ отъ должности стратега и призванъ къ суду. Онъ сначала какъ-бы подчинился призыву, но дорогою бѣжалъ, заочно приговоренъ къ казни, преданъ проклятію, и приговоръ надъ нимъ начертанъ на каменномъ столбѣ.

Таковъ былъ исходъ процесса гермокопидовъ. Дѣло такъ и осталось въ сущности темнымъ, загадочнымъ. Есть основаніе думать, что заодно съ демократами тутъ дѣйствовали и нѣкоторые тайные или явные олигархи: для нихъ Алкивіадъ былъ ненавистенъ и стоялъ имъ на дорогѣ такъ же, какъ и истымъ демагогамъ. Какъ бы то ни было, но послѣдствія дѣла гермокопидовъ были тяжелыя для Аѳинъ: они способствовали гибельному исходу Сицилійской экспедиціи и паденію аѳинскаго могущества. Аѳиняне оттолкнули отъ себя такую личность, какъ Алкивіадъ, который, пылая местью, отправился теперь къ ихъ врагамъ—въ Спарту. Въ отвѣтъ на заочный смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ, Алкивіадъ жаждалъ показать аѳинянамъ, что „онъ еще живъ".

Пораженіе въ Сициліи. Въ Сициліи весною 414 г. аѳиняне приступили къ осадѣ Сиракузъ. Они взяли возвышенность Эпиполы, находившуюся къ западу отъ города, стали отсюда возводить стѣны по направленію къ морю, чтобы совершенно окружить и отрѣзать Сиракузы, и уже почти достигли своей цѣли, какъ вдругъ явился изъ Спарты на помощь сиракузянамъ полководецъ Гилиппъ и далъ дѣлу совсѣмъ иной оборотъ. Эпиполы были взяты имъ, укрѣпленная линія аѳинянъ прервана, Сиракузы избавлены отъ опасности быть совершенно отрѣзанными. Аѳиняне сами очутились теперь скорѣе въ положеніи осажденныхъ, а тутъ приближалась зима. Никій, оставшійся единственнымъ начальникомъ аѳинскаго

войска послѣ того, какъ еще раньше у Сиракузъ палъ Ламахъ, сообщаетъ въ Аѳины объ истинномъ положеніи дѣлъ, въ виду котораго необходимо или отозвать обратно экспедицію, или снарядить еще вторую, съ неменьшимъ числомъ кораблей и войска, чѣмъ первая, а его, больного, проситъ замѣнить кѣмъ-либо другимъ. По полученіи этихъ извѣстій въ Аѳинахъ рѣшено было экспедиціи не отзывать, осаду Сиракузъ продолжать, а въ подкрѣпленіе Никію послать новый флотъ и войско подъ начальствомъ полководца Демосѳена. Эта вторая экспедиція мало чѣмъ уступала первой.

Миръ между Аѳинами и Спартой былъ уже формально нарушенъ, и когда снаряжалась вторая аѳинская экспедиція въ Сицилію, спартанцы, по ссвѣту Алкивіада, заняли въ Аттикѣ Декелею, укрѣпили ее и поставили тамъ гарнизонъ (413 г.). Декелея находилась на полпути изъ Аѳинъ къ беотійской границѣ и служила для спартанцевъ удобнымъ наблюдательнымъ пунктомъ, откуда они могли вести войну, дѣлая набѣги и держа страну въ блокадѣ. Аѳиняне несли большія потери. Ихъ городъ находился какъ-бы въ осадномъ положеніи.

Въ то время, когда новый аѳинскій флотъ и войско подъ начальствомъ Демосѳена плыли въ Сицилію въ подкрѣпленіе Никію, положеніе аѳинянъ у Сиракузъ еще болѣе ухудшилось. Сиракузяне успѣли построить корабли и достигли побѣды надъ аѳинянами даже на морѣ. Но вскорѣ послѣ этого прибылъ Демосѳенъ съ эскадрою. Исходъ предпріятія зависѣлъ отъ того удастся ли вновь овладѣть возвышенностью Эпиполы, командовавшею надъ городомъ; но попытка Демосѳена взять эту возвышенность не удалась. Единственнымъ теперь благоразумнымъ рѣшеніемъ, по мнѣнію Демосѳена, было поспѣшить отступленіемъ отъ Сиракузъ, пока не поздно, пока выходъ изъ гавани еще не запертъ. Но Никій колебался. Онъ не рѣшался отступить безъ постановленія аѳинскаго народа; онъ опасался нападокъ ораторовъ въ народномъ собраніи, обвиненій въ томъ, что они, стратеги, отступили, будучи подкуплены: зная, какъ онъ утверждалъ, нравъ аѳинянъ, Никій предпочиталъ остаться и погибнуть отъ врага, нежели сдѣлаться жертвой постыднаго и несправедливаго обвиненія. Къ тому же онъ не терялъ надежды на взятіе Сиракузъ.

разсчитывая тамъ на партію, готовую предать городъ аѳинянамъ. Между тѣмъ время проходило и Гилиппъ даже успѣлъ ввести подкрѣпленія въ Сиракузы. Тогда и Никій далъ согласіе на отплытіе изъ Сициліи. Но произошло лунное затменіе; многіе видѣли въ этомъ дурное предзнаменованіе, а суевѣрный Никій объявилъ, согласно толкованію предсказателей, что нечего и думать объ отплытіи раньше луннаго мѣсяца. Это окончательно погубило аѳинянъ. Гилиппъ произвелъ на нихъ нападеніе и на сушѣ, и на морѣ, и аѳиняне были разбиты. Вслѣдъ затѣмъ сиракузяне своими кораблями заперли выходъ изъ гавани. Аѳиняне сдѣлали отчаянную попытку пробиться, но тщетно. Оставалось отступать сухимъ путемъ; корабли достались сиракузянамъ; больные и раненые были брошены. На отступавшихъ напали сиракузяне; часть спаслась бѣгствомъ, большая часть погибла или взята въ плѣнъ, въ томъ числѣ и оба полководца, Никій и Демосѳенъ. Судьба плѣнниковъ, количество которыхъ Ѳукидидъ опредѣляетъ приблизительно въ 7000, была тяжелая: они заточены были въ каменоломни. Никій и Демосѳенъ казнены; остальные страдали отъ жары и холода, духоты и зловонія, жажды и голода. Потомъ сиракузяне продали ихъ въ рабство, за исключеніемъ аѳинянъ, сицилійцевъ и италійцевъ, которые долго еще томились въ каменоломняхъ и дальнѣйшая судьба которыхъ въ точности неизвѣстна. Но, кромѣ этихъ плѣнныхъ, многіе достались въ добычу отдѣльнымъ воинамъ, которые ихъ продавали въ рабство; по выраженію Ѳукидида, „вся Сицилія наполнилась ими“. Изъ огромнаго флота и войска немногіе вернулись домой.

Такимъ страшнымъ для аѳинянъ пораженіемъ кончилась (413 г.) ихъ экспедиція въ Сицилію. Ѳукидидъ считаетъ это событіе величайшимъ не только за время Пелопоннесской войны, но и вообще въ исторіи Греціи. Это былъ важнѣйшій моментъ войны, поворотный пунктъ въ ней и въ исторической судьбѣ Аѳинъ. Погибло два прекрасныхъ флота, болѣе 200 тріэръ, и множество людей: около 40 или 50 тысячъ отправлено было въ Сицилію и изъ нихъ возвратились лишь немногіе. Погибъ цвѣтъ аѳинскихъ силъ. Громадныя средства оказались напрасно затраченными. Но не только матеріальныя потери были чрезвычайно велики; не менѣе важны были нравственныя послѣдствія: у Сира-

кузъ аѳиняне потерпѣли пораженіе *на морѣ*, т.-е. тамъ, гдѣ была ихъ главная сила, гдѣ они такъ привыкли побѣждать, гдѣ такъ господствовали. Теперь они лишились славы непобѣдимости на морѣ, исчезъ страхъ предъ ихъ морскимъ могуществомъ. На этомъ страхѣ въ значительной мѣрѣ держалось ихъ владычество надъ союзниками и теперь отъ нихъ отлагаются даже тѣ союзные города, которые до сихъ поръ оставались вѣрными. Выступаетъ и Персія со своими притязаніями: персидскій царь требуетъ дани, которую платили греческіе города въ Азіи его предкамъ, и вмѣсто фороса аѳинянамъ тѣ платятъ дань Персіи. Спарта снаряжаетъ флотъ и заключаетъ союзъ съ Персіей.

Этого мало: весь государственный строй Аѳинъ былъ глубоко потрясенъ. Настроеніе было подавленное. На время утратилась вѣра въ цѣлесообразность и благодѣтельность демократіи, которая теперь въ глазахъ многихъ была виновницею всѣхъ бѣдъ. Являются попытки измѣнить строй, ограничить и даже низвергнуть демократію. Олигархи подымаютъ голову и принимаются за осуществленіе своихъ затаенныхъ плановъ.

5. *Послѣдніе годы войны.*

Олигархическій переворотъ. Многими сознавалась необходимость измѣненія въ строѣ въ смыслѣ нѣкотораго ограниченія демократіи, усиленія сдерживающаго начала, и тотчасъ же послѣ сицилійскаго пораженія въ 413 г. въ Аѳинахъ учреждена была должность 10 пробуловъ изъ старѣйшихъ и уважаемыхъ гражданъ. Они выбраны были по одному отъ каждой филы съ тѣмъ, чтобы „предварительно обсуждать текущія дѣла сообразно требованіямъ момента“ и не допускать народное собраніе до слишкомъ поспѣшныхъ, неблагоразумныхъ рѣшеній.

Чтобы вести войну, удерживать за собою союзникозъ и господство на морѣ, требовалось чрезвычайное напряженіе силъ. Когда отпалъ о. Хіосъ, аѳинянами снаряженъ былъ новый флотъ. Опорнымъ пунктомъ для нихъ служилъ Самосъ. Но положеніе ихъ было очень стѣсненное; ихъ средства изсякали, доходы съ отпаденіемъ городовъ уменьшились, а расходы росли. Уже въ

началѣ 411 г. войско у Самоса не получало изъ Аѳинъ денегъ и само должно было добывать ихъ. Спарта же получала субсидіи, денежную помощь, отъ Персіи, которая являлась теперь какъ-бы вершительницею судебъ Греціи. И вотъ въ сознаніе аѳинянъ проникаетъ мысль, что единственное спасеніе—расторгнуть союзъ Спарты съ персидскимъ царемъ, склонить послѣдняго на свою сторону, чтобы имѣть отъ него субсидіи, вернуть къ себѣ Алкивіада, который, разойдясь уже со спартанцами, находился въ Малой Азіи и, повидимому, пользовался большимъ вліяніемъ на персидскаго сатрапа Тиссаферна: казалось, только онъ могъ дать побѣду Аѳинамъ. Многіе готовы были измѣнить строй, ограничить или даже низвергнуть демократію, лишь бы достичь союза съ Персіей и возвращенія Алкивіада. Даже искреннимъ приверженцамъ демократіи казалось, что нѣтъ иного исхода изъ тяжелаго, критическаго положенія.

Такимъ настроеніемъ и положеніемъ дѣлъ пользуются олигархи. Они соблазняютъ аѳинянъ надеждой на союзъ съ Персіей и путемъ интригъ и террора подготовляютъ олигархическій переворотъ.

Движеніе, приведшее къ этому перевороту, началось сперва въ войскѣ у Самоса. Алкивіадъ, тяготясь изгнаніемъ, вошелъ въ сношенія съ знатнѣйшими и наиболѣе вліятельными лицами среди аѳинскаго флота у Самоса, заявляя о своемъ желаніи вернуться на родину, если будетъ измѣнена форма правленія: въ демократахъ онъ видѣлъ своихъ враговъ, изгнавшихъ его. Съ другой стороны, къ ниспроверженію демократіи стремились многіе изъ тріэрарховъ и состоятельныхъ гражданъ, тяготившихся бременемъ повинностей. Они полагали, что тѣмъ, кто несетъ наибольшія тягости, должна достаться и власть. Такъ составился заговоръ, тайною цѣлью котораго было установленіе олигархіи; открыто же говорилось о союзѣ съ царемъ, который будетъ другомъ Аѳинъ и дастъ денегъ, если возвращенъ будетъ Алкивіадъ и не будетъ демократіи. Заговорщики рѣшили отправить въ Аѳины нѣсколькихъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы согласно этому дѣйствовать тамъ. Во главѣ этихъ лицъ стоялъ Писандръ, еще недавно ярый демократъ, демагогъ, а теперь—крайній олигархъ и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ заговорѣ противъ демократіи. Въ Аѳинахъ, въ народ-

номъ собраніи, Писандръ заявлялъ, что единственное средство спасенія—это привлечь персидскаго царя на сторону Аѳинъ, но союза съ царемъ не можетъ быть, если не будетъ въ Аѳинахъ болѣе благоразумнаго правленія и власть не будетъ вручена немногимъ лицамъ: только тогда царь можетъ довѣрять аѳинянамъ; въ настоящій моментъ дѣло идетъ о спасеніи государства; потомъ, если что-либо не понравится, можно и измѣнить; Алкивіада же слѣдуетъ возвратить, такъ какъ только онъ одинъ способенъ все устроить.

Тяжело было слушать народу объ олигархіи, говоритъ Ѳукидидъ, но когда Писандръ ясно показалъ, что нѣтъ иного спасенія, онъ уступилъ частью изъ страха, частью въ надеждѣ на перемѣну въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что Писандру вѣрили, считая его искреннимъ демократомъ. Въ задумываемомъ переворотѣ большую роль должны были съиграть олигархическіе союзы, гетеріи. Писандръ всѣ ихъ обошелъ, убѣждая ихъ соединиться и дѣйствовать сообща для низверженія демократіи.

Переговоры съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ однако къ соглашенію не привели, и олигархи рѣшили дѣйствовать безъ Алкивіада. Въ Аѳинахъ дѣло было подготовлено членами гетерій. Пущенъ былъ въ ходъ терроръ. Народное собраніе и совѣтъ продолжали созываться; но обсуждалось только то, что̀ угодно было заговорщикамъ; изъ нихъ были и ораторы и предстоявшія рѣчи наперед разсматривались ими. Никто не смѣлъ возражать изъ страха предъ заговорщиками; а если кто и возражалъ, того умерщвляли удобнымъ способомъ, и надъ виновными не было ни суда, ни слѣдствія. Народъ, напуганный, необъединенный, безсильный, держалъ себя спокойно: каждый былъ радъ уже тому, что его не трогаютъ. Численности заговорщиковъ не знали и ихъ силы преувеличивали. Принадлежавшіе къ народной партіи боялись подѣлиться мыслью, относились недовѣрчиво другъ къ другу, подозрѣвая въ каждомъ участника въ заговорѣ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ заговорщиковъ оказывались и такіе, о которыхъ никогда нельзя было и думать, что они превратятся въ олигарховъ. Наконецъ, главныя силы демократической партіи отсутствовали, находясь во флотѣ у Самоса.

Начатое довершили Писандръ и его сторонники. Вдохновителемъ же и душою переворота, главнымъ его руководителемъ,

былъ ораторъ Антифонтъ, въ то время уже семидесятилѣтній старикъ, по отзыву Ѳукидида, сильный умомъ и прекрасно владѣвшій словомъ. Это—„теоретикъ олигархіи", какъ называетъ его одинъ новѣйшій историкъ.

О самомъ переворотѣ Ѳукидидъ и Аристотель сообщаютъ разныя подробности. Ихъ свидѣтельства трудно согласовать, но суть заключается въ слѣдующемъ: „обвиненіе въ противозаконности" („графэ параномонъ"), которое могло служить препятствіемъ къ осуществленію замысла олигарховъ, было запрещено подъ страхомъ строгихъ наказаній и каждому аѳинянину предоставлялось предлагать что̀ угодно; особая коммиссія выработала два проекта новаго государственнаго устройства въ олигархическомъ духѣ, одинъ—постояннаго, для будущаго, другой—временнаго, по которому устанавливалось правленіе совѣта Четырехсотъ; жалованье за службу отмѣнялось; политическія права обѣщано предоставить 5000,—тѣмъ, кто „больше всѣхъ въ состояніи служить государству или своею личностью, или своими средствами". Народное собраніе, запуганное, приняло предложенія; прежній совѣтъ пятисотъ распущенъ, и такимъ образомъ въ Аѳинахъ установлена олигархія Четырехсотъ, въ рукахъ которыхъ была вся власть.

Но олигархія эта оказалась непрочною, не имѣющею почвы: она не продержалась и четырехъ мѣсяцевъ. Четыреста правили государствомъ посредствомъ насилія; надежда на миръ, которая способствовала успѣху переворота, не оправдалась. Войско и флотъ, стоявшіе у Самоса, не признали переворота; они взволновались, низложили стратеговъ, выбрали другихъ и торжественно поклялись оставаться вѣрными демократіи, продолжать войну, а 400 считать за враговъ. Они смотрѣли на себя какъ на истинныя Аѳины, какъ на защитниковъ законнаго строя. Главнымъ дѣятелемъ тутъ былъ одинъ изъ тріэрарховъ, Ѳрасибулъ. По его предложенію былъ призванъ Алкивіадъ. Провозглашенный стратегомъ, Алкивіадъ поднялъ духъ войска. Войско порывалось идти прямо на Пирей и Аѳины для низверженія олигархіи; но Алкивіадъ рѣшительно возсталъ противъ такого похода, и Ѳукидидъ признаетъ это первою величайшею заслугою его, такъ какъ походъ на Пирей повелъ бы за собою утрату Іоніи, Геллеспонта, Босфора.

Одновременно съ олигархическимъ переворотомъ въ Аѳинахъ низвергалась демократія и въ союзныхъ городахъ и вводилась олигархія. Но союзники, по низверженіи демократіи, отлагались отъ Аѳинъ, напр. о. Ѳасосъ, Византія и друг.

Демократія пяти тысячъ. Внутри государства, въ Аѳинахъ, господствовали насиліе и произволъ. Въ средѣ самихъ олигарховъ не было согласія. По словамъ Ѳукидида, у нихъ обнаруживались стремленія, отъ которыхъ большею частью гибнетъ олигархія, возникшая изъ демократіи: большинство руководилось личнымъ честолюбіемъ; каждый жаждалъ первенства, власти. Болѣе умѣренные среди Четырехсотъ, съ Ѳераменомъ во главѣ, вступили въ оппозицію къ крайнимъ. Неудача въ мирныхъ переговорахъ со Спартой, отпаденіе городовъ, а главное—непризнаніе переворота войскомъ у Самоса, все это должно было поколебать положеніе олигарховъ. Населеніе имъ недовѣряло и относилось подозрительно къ ихъ дѣйствіямъ. Былъ уже случай явнаго возмущенія; едва удалось предотвратить дальнѣйшее столкновеніе. А когда пелопоннесскій флотъ направился къ Евбеѣ, произошла морская битва, въ которой аѳиняне потерпѣли пораженіе, и Евбея отпала отъ Аѳинъ, что̀ подѣйствовало на аѳинянъ сильнѣе, чѣмъ даже сицилійское пораженіе, такъ какъ Евбея, по выраженію Ѳукидида, была тогда для нихъ все (изъ нея, послѣ занятія Декелеи спартанцами, они получали больше выгоды, чѣмъ изъ Аттики), то подъ впечатлѣніемъ этого и въ ожиданіи, что непріятельскій флотъ пойдетъ прямо къ Пирею, собирается народъ и низлагаетъ 400. Постановлено было передать дѣла Пяти тысячамъ, къ которымъ причислялись *всѣ, кто имѣлъ вооруженіе*; никто не долженъ былъ получать плату ни за какую службу; за нарушеніе этого грозило проклятіе. Эту форму правленія Ѳукидидъ считаетъ лучшею изъ бывшихъ въ его время; онъ видитъ въ ней умѣренное смѣшеніе началъ олигархическихъ и демократическихъ; она, по его словамъ, вывела государство изъ тяжелаго положенія. Аристотель раздѣляетъ это мнѣніе. Рѣшено было изгнаніе Алкивіада отмѣнить; онъ признанъ стратегомъ; къ нему и къ войску у Самоса отправлено посольство съ предложеніемъ принять участіе въ дѣлахъ

Умѣренная демократія „Пяти тысячъ“, установленная въ Аѳинахъ по низверженіи олигархіи Четырехсотъ, была строемъ преимущественно средняго, состоятельнаго класса; неимущая или мало состоятельная масса, привыкшая участвовать въ народномъ собраніи, судѣ, управленіи государствомъ, и получать жалованье, теперь лишена была и того, и другого. Это было для нея крайне тяжело, въ особенности лишеніе жалованія, безъ котораго она не могла обходиться. Неудивительно, что демократія „Пяти тысячъ“ существовала недолго: при первыхъ же крупныхъ успѣхахъ аѳинянъ на морѣ она должна была уступить мѣсто прежней, неограниченной демократіи.

Побѣды и возстановленіе прежней демократіи. Спартанскій наварх (адмиралъ) Миндаръ перенесъ военныя дѣйствія въ Геллеспонтъ. Аѳиняне послѣдовали за нимъ и одержали побѣду, при содѣйствіи Алкивіада, при Абидосѣ (411 г.). На слѣдующій годъ (410 г.) Алкивіадъ нанесъ еще болѣе тяжкое пораженіе пелопоннесцамъ при Кизикѣ; Миндаръ палъ и почти весь непріятельскій флотъ достался аѳинянамъ. Такимъ образомъ Алкивіадъ далъ иной оборотъ войнѣ.

Послѣдствіемъ побѣды при Кизикѣ было возстановленіе полной демократіи въ Аѳинахъ. Всѣ аѳиняне, въ томъ числѣ и неимущіе, получили опять политическія права и вновь введено жалованье.

Но съ замѣной умѣренной демократіи неограниченною не только возобновлена прежняя система денежнаго вознагражденія: введена была еще новая раздача—„двухъ оболовъ“, такъ называемая „діобелія“, которую нужно отличать отъ ѳеорикони: ѳеорикон—собственно зрѣлищныя деньги въ праздники; діобелія же—чуть не ежедневная раздача, своего рода пособіе или „государственная пенсія“. По свидѣтельству Аристотеля, впервые ввелъ ее Клеофонтъ, въ то время наиболѣе вліятельный демагогъ, вождь радикальной партіи, по профессіи „дѣлатель лиръ“, человѣкъ незнатнаго происхожденія, безъ образованія, съ пріемами террориста, „настоящій якобинецъ“, по выраженію нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ. То было тяжелое время: аѳинскіе бѣдняки сидѣли какъ-бы въ осажденномъ городѣ, поля не обрабатывались, тор-

говля и ремесла пали; особенно тяжело было положеніе стариковъ, женщинъ, дѣтей, всѣхъ тѣхъ, кто не могъ носить оружія, служить въ войскѣ и флотѣ и получать жалованье, кто въ Аѳинахъ охранялъ стѣны. Посредствомъ діобеліи государство приходило на помощь нуждающейся массѣ. Иногда въ теченіе одной только пританіи болѣе 10 разъ происходила выдача „на діобелію", случалось даже по два раза въ день и такими суммами, которыя подчасъ поражаютъ своею незначительностью, напр. 2 драхмы. Очевидно, всякая капля, поступавшая въ казну, тотчасъ уходила на діобелію. Понятно, что эта новая раздача истощала еще болѣе финансовыя средства аѳинянъ. Но діобелія, даже и въ увеличенномъ размѣрѣ, въ сущности мало помогала: по поводу подобныхъ денежныхъ раздачъ Аристотель замѣчаетъ, что это все равно, что лить воду въ бездонную бочку. Государство приходило на помощь населенію еще и другимъ способомъ: оно возобновило постройки, въ особенности Эрехѳейона.

Между тѣмъ Алкивіадъ одерживаетъ новые побѣды; Византія сдается ему; владычество аѳинянъ на морѣ возстановлено; проливы, ведущіе въ Черное море были въ ихъ рукахъ. Насталъ моментъ, когда Алкивіадъ рѣшается отправиться въ Аѳины. Онъ является сюда съ торжествомъ, какъ побѣдитель, со 100 тал. денегъ, съ богатой добычей и трофеями, въ числѣ которыхъ были захваченные непріятельскіе корабли. Народъ толпами устремился въ Пирей, ему на встрѣчу. Отношеніе къ Алкивіаду, повидимому, совершенно измѣнилось. Враги его должны были на время смолкнуть. Казалось, говоритъ одинъ изъ нашихъ источниковъ, это былъ другой городъ, не тотъ, который его изгналъ: съ такимъ восторгомъ встрѣчали Алкивіада. Побѣды флота представлялись дѣломъ его одного; его личность всѣхъ затмила. Ему поручено высшее командованіе на сушѣ и на морѣ и онъ облеченъ неограниченными полномочіями во всемъ. Предъ Алкивіадомъ, казалось, открывалась возможность захватить власть въ свои руки, сдѣлаться тиранномъ въ Аѳинахъ. Одни изъ аѳинянъ, принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ, надѣялись, что въ его лицѣ нашли человѣка, который въ состояніи открыто и смѣло выступить противъ демоса, а неимущіе, по словамъ древняго автора, наоборотъ, смотрѣли на него, какъ на своего луч-

шаго защитника, „соратника“, который вмѣстѣ съ ними повергнетъ городъ въ смятеніе и придетъ на помощь ихъ бѣдности. Алкивіадъ такъ привлекъ къ себѣ простыхъ и бѣдныхъ, говоритъ Плутархъ, что тѣ питали удивительное страстное желаніе подчиниться его тиранніи, а нѣкоторые приступали къ нему съ требованіями, чтобы онъ, пренебрегши завистью и отвергнувъ народныя постановленія, законы и „глупости“, губящія государство, дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію и воспользовался обстоятельствами. Отъ Алкивіада ожидали своего рода „соціалъ-демократической тиранніи“. Но на этотъ путь Алкивіадъ не вступилъ..,

Сопровождаемый преувеличенными надеждами и ожиданіями блестящихъ побѣдъ, Алкивіадъ покинулъ Аѳины во главѣ флота. Между тѣмъ дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этимъ ожиданіямъ. Пелопоннесцы снарядили новый флотъ, а на историческую сцену выступаютъ двѣ личности, которыя даютъ иной оборотъ войнѣ. Это были спартанскій наварх (адмиралъ) Лисандръ, человѣкъ способный, энергичный, не останавливавшійся ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей, и молодой персидскій принцъ Киръ Младшій, назначенный намѣстникомъ въ Малую Азію. Киръ стоялъ за рѣшительную помощь Спартѣ и готовъ былъ всячески поддержать Лисандра. Въ то время, какъ Спарта пользовалась щедрыми субсидіями отъ Персіи, аѳинскіе стратеги вынуждены были добывать средства на содержаніе флота и для веденія войны посредствомъ реквизицій и пиратства. Положеніе Алкивіада было затруднительно. Блестящихъ побѣдъ онъ не одержалъ; между тѣмъ вслѣдствіе высокаго понятія о его способностяхъ отъ него ожидали великихъ подвиговъ; думали, что онъ можетъ сдѣлать все, если только захочетъ. Притомъ, у Алкивіада въ Аѳинахъ попрежнему были враги, которые лишь на время притаились, но которые готовы были воспользоваться каждою его неудачею. Однажды, въ отсутствіе Алкивіада, военачальникъ, которому онъ поручилъ флотъ, вопреки его запрещенію вступилъ въ битву съ Лисандромъ и потерпѣлъ пораженіе. И очарованіе Алкивіадомъ исчезло: Алкивіадъ лишенъ былъ главнаго начальства, не былъ выбранъ въ стратеги и предпочелъ добровольно отправиться въ изгнаніе, въ окрестности Херсонеса Ѳракійскаго. Такъ вторично—и на этотъ разъ навсегда—лишились аѳиняне своего даровитаго вождя.

На слѣдующій годъ (406) аѳиняне напрягли всѣ свои силы и снарядили многочисленный флотъ, который въ битвѣ при Аргинусскихъ островахъ (близъ о. Лесбоса), „величайшей изъ бывшихъ между греками", одержалъ побѣду надъ пелопоннесскимъ. Но послѣдствія этой побѣды были самыя неожиданныя: побѣдителей-стратеговъ въ Аѳинахъ ожидали вмѣсто награды судъ и казнь. По проискамъ демагоговъ, ихъ судили съ нарушеніемъ формъ и казнили за то, что они не воздали подобающихъ погребальныхъ почестей павшимъ въ бою и не приняли мѣръ къ спасенію тѣхъ, кто былъ еще живъ, кто носился по волнамъ, на обломкахъ кораблей, послѣ сраженія...

Кромѣ происковъ и интригъ партій, многое здѣсь объясняется тогдашними воззрѣніями, почитаніемъ покойниковъ, настроеніемъ аѳинской массы, вызваннымъ тяжелыми потерями, которыми сопровождалась побѣда. Но во всякомъ случаѣ такое отношеніе къ стратегамъ не могло содѣйствовать успѣху аѳинянъ въ войнѣ; оно вносило еще бо́льшій разладъ и ослабляло.

Конецъ войны. Между тѣмъ близка была уже развязка. Во главѣ спартанскаго флота снова сталъ Лисандръ. Онъ занялъ Геллеспонтъ, и когда аѳинскій флотъ расположился въ проливѣ, у Эгосъ Потамъ, то Лисандръ, выждавъ удобный моментъ, захватилъ его въ расплохъ. Пораженіе аѳинянъ было полное (405 г.). Около 160 кораблей и много плѣнныхъ досталось побѣдителю. Плѣнные аѳиняне—около 3000 человѣкъ—были казнены,—новый примѣръ той жестокости, которую проявляли обѣ стороны въ эту войну. Одинъ за другимъ союзные города подчиняются Лисандру. Аѳинскихъ поселенцевъ онъ направляетъ въ Аѳины, чтобы увеличить тамъ число жителей и тѣмъ вѣрнѣе потомъ голодомъ принудить городъ къ сдачѣ.

Было уже темно, когда государственный корабль вошелъ въ Пирей съ печальною вѣстью объ уничтоженіи флота у Эгосъ Потамъ. Съ быстротою молніи вѣсть эта, среди громкихъ криковъ и жалобъ, распространилась по городу. Никто не спалъ въ эту ночь... Ударъ, постигшій теперь аѳинянъ, былъ ужаснѣе всѣхъ предшествующихъ; Аѳины были беззащитны: не существовало ни флота, ни средствъ... Тѣмъ не менѣе рѣшено было держаться.

Аѳины окружены были и съ моря, и съ суши. Населеніе мужественно переносило голодъ. Въ виду страха предъ местью олигарховъ и опасенія, что сдача города равносильна будетъ гибели для демократовъ, вліяніемъ сначала пользовались крайняя демократическая партія и демагоги. Но потомъ начали брать верхъ противники крайней демократіи и олигархи; иначе нечего было и думать о мирѣ. Для переговоровъ отправленъ былъ Ѳераменъ. Голодъ въ Аѳинахъ усиливался и положеніе становилось нестерпимымъ. Когда Ѳераменъ возвратился и сообщилъ условія мира, аѳинянамъ ничего не оставалось, какъ принять ихъ. Въ Спартѣ союзники ея настаивали на полномъ разрушеніи Аѳинъ и продажѣ населенія въ рабство; но спартанцы не согласились на это. Миръ, называемый „Ѳерамеповымъ“ (404 г.), заключенъ былъ на условіи, что аѳиняне должны срыть укрѣпленія Пирея и Длинныя стѣны, отказаться отъ владѣній внѣ Аттики, возвратить изгнанниковъ, выдать оставшіеся корабли. Кромѣ того, аѳиняне вступили въ союзъ со Спартой, обязавшись подчиняться ея гегемоніи. Въ довершеніе всего они должны были отказаться отъ демократіи, ввести „старинный строй“, на самомъ дѣлѣ олигархію Тридцати.

Съ торжествомъ, подъ звуки флейтъ, Лисандръ разрушилъ „Длинныя стѣны“. Съ большимъ усердіемъ помогали въ этомъ возвратившіеся изгнанники: они, какъ и многіе греки, въ то время воображали, что „день этотъ—начало свободы для Эллады“.

Такъ кончилась Пелопоннесская война. Вопросъ о гегемоніи рѣшенъ. Аѳины лишились морского могущества, союзниковъ, клерухій. За ними осталась одна Аттика. Въ сущности Аѳины были побѣждены не одною Спартою и ея греческими союзниками: онѣ пали жертвою союза Спарты съ Персіей, не говоря уже о ихъ собственныхъ ошибкахъ и недостаткахъ въ самой организаціи Аѳинскаго государства.

6. *Тираннія Тридцати и возстановленіе демократіи.*

„Тридцать“. Пораженіе аѳинянъ въ Пелопоннесскую войну было вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіемъ ихъ демократіи. По условіямъ мира аѳиняне должны были ввести у себя

„старинный строй“ или „строй отцовъ“. Объ этомъ строѣ очень много говорили въ Аѳинахъ въ концѣ Пелопоннесской войны; это слово служило какъ-бы общимъ лозунгомъ и могло объединить всѣхъ. Но каждая партія подъ нимъ подразумѣвала разное и понимала „старинный строй“ по-своему. Олигархи для поддержки призвали Лисандра. Народъ подъ ихъ давленіемъ подалъ голосъ за олигархію—за установленіе коммиссіи Тридцати, которые должны были выработать новое государственное устройство, а до тѣхъ поръ править государствомъ.

Такъ въ 404 г., при непосредственномъ содѣйствіи Лисандра, установилось въ Аѳинахъ владычество *Тридцати,* которыхъ принято называть Тридцатью тиранами. Среди нихъ выдавались Критій и Ѳераменъ.

Получивъ власть надъ государствомъ, Тридцать о выработкѣ новаго государственнаго строя не думали, а постаралась упрочить свое положеніе. Главными ихъ помощниками являлись 10 начальниковъ Пирея, 11 стражей тюрьмы и 300 служителей „биченосцевъ“. Гелізя прекратила свою дѣятельность; ареопагъ еще болѣе стѣсненъ, чѣмъ при демократіи; уголовный судъ переданъ совѣту, въ которомъ предсѣдательствовали сами Тридцать и подача голосовъ была открытою. Верфи, показатель морского могущества Аѳинъ, теперь пустыя, проданы на сломъ: Тридцать старались уничтожить все, что напоминало господство на морѣ, основу ненавистной имъ демократіи.

Но все-же Тридцать сначала обнаруживали умѣренность и дѣлали видъ, будто стремятся къ „древнему строю“. Они отмѣнили тѣ изъ Солоновыхъ законовъ, которые давали поводъ къ недоразумѣніямъ и къ сикофантству; они преслѣдовали сперва сикофантовъ, людей, угодничавшихъ передъ демосомъ во вредъ послѣднему, злодѣевъ и негодяевъ. Но когда ихъ власть утвердилась, Тридцать ужъ не останавливались ни передъ кѣмъ изъ гражданъ и убивали людей, выдающихся по своему состоянію, происхожденію и вліянію, частью изъ опасенія, частью изъ желанія захватить имущество, такъ какъ они нуждались въ средствахъ. Въ теченіе короткаго времени они истребили не менѣе 1500 человѣкъ; за 8 мѣсяцевъ они убили аѳинянъ больше, чѣмъ лакедемоняне за 10 лѣтъ войны. Особенно много было казнено состоя-

тельныхъ метэковъ. Ораторъ Лисій, который самъ былъ метэкомъ, чрезвычайно ярко описываетъ, что испыталъ тогда онъ и семья его брата: образъ дѣйствій Тридцати обрисовывается здѣсь со всѣмъ его произволомъ, насиліемъ, жестокостью.

Устрашенный народъ безмолвно сносилъ тираннію. Тогда раздался протестъ изъ среды самихъ Тридцати. Онъ исходилъ отъ Ѳерамена.

Ѳераменъ. Ѳераменъ игралъ выдающуюся роль въ событіяхъ послѣдняго времени, начиная съ переворота 411 г. Онъ участвовалъ въ олигархіи Четырехсотъ и онъ же содѣйствовалъ ея низверженію. Введенная послѣ этого умѣренная демократія Пяти тысячъ была осуществленіемъ его программы. Онъ участвовалъ въ битвѣ при Архинусахъ и выступилъ главнымъ обвинителемъ стратеговъ, побѣдителей въ этой битвѣ. Онъ былъ посредникомъ въ послѣднихъ переговорахъ со Спартою, и миръ, которымъ закончилась Пелопоннесская война, былъ миромъ „Ѳерименовымъ". Ѳераменъ участвовалъ въ установленіи правленія Тридцати и самъ былъ однимъ изъ нихъ. Теперь онъ выступаетъ противъ своихъ товарищей, олигарховъ, настаиваетъ на прекращеніи жестокостей и на передачѣ правленія „лучшимъ". Какъ въ древности, такъ и въ новое время о Ѳераменѣ высказывались два противоположныхъ мнѣнія: одни видѣли въ немъ человѣка ненадежнаго, постоянно переходящаго изъ одного лагеря въ другой, предателя; называли „котурномъ", обувью, которая приходится и на правую, и на лѣвую ногу; причисляли къ тѣмъ людямъ, которые всегда ищутъ, гдѣ выгоднѣе и безопаснѣе, которые „переворачиваются на ту сторону, гдѣ мягче", и умѣютъ выйти изъ всякой бѣды. Наоборотъ, Аристотель удостаиваетъ его такой чести, какой не удостаиваетъ и Перикла: онъ причисляетъ Ѳерамена къ лучшимъ государственнымъ людямъ Аѳинъ „послѣ древнихъ", а разногласіе относительно него объясняетъ тѣмъ, что дѣятельность Ѳерамена совпала съ временемъ смутъ и переворотовъ въ государственномъ строѣ; Ѳераменъ, говоритъ Аристотель, „какъ это и подобаетъ хорошему гражданину, не подчинялся, а боролся съ противозаконіями"; онъ былъ главнымъ представителемъ той партіи, которая стремилась искренно къ „древнему строю".

Его идеаломъ была ограниченная демократія „имѣющихъ вооруженіе“.

Критій. Ѳераменъ боролся съ Критіемъ, представителемъ крайняго направленія среди Тридцати. Критій былъ выдающеюся личностью, однимъ изъ характерныхъ явленій той эпохи, подобно Алкивіаду. Онъ происходилъ изъ фамиліи, къ которой принадлежали прежніе цари и изъ которой происходилъ Солонъ, и былъ въ родствѣ съ философомъ Платономъ. Онъ интересовался философіей и одно время былъ ученикомъ Сократа. Критій подвизался на поприщѣ литературы, какъ поэтъ и какъ прозаикъ; писалъ, между прочимъ, о государственномъ устройствѣ Аѳинъ, Спарты и Ѳессаліи; обращалъ вниманіе на культурную сторону, обычаи и т. под. (изъ произведеній Критія до насъ дошли лишь небольшіе отрывки). Критій развивалъ ту мысль, что нравственный законъ не обязателенъ; выше всего—человѣческій разумъ, по велѣнію котораго можно нарушить и этотъ законъ; избранныя натуры, сильныя, властныя, могутъ отрѣшиться отъ обычной нравственности... Тутъ сказывается въ крайнемъ, подчасъ уродливомъ видѣ, тотъ индивидуализмъ, ростъ личности, который характеризуетъ эпоху.

Когда въ Аѳинахъ возстановлена была радикальная демократія, Критій былъ изгнанъ и становится непримиримымъ, ожесточеннымъ врагомъ аѳинской демократіи; народъ для него—„проклятый демосъ“. По окончаніи Пелопоннесской войны, Критій вернулся въ Аѳины и сталъ во главѣ Тридцати. Среди нихъ это былъ истый, безпощадный террористъ. Его сравниваютъ съ Робеспьеромъ, дѣятелемъ французской революціи, хотя тотъ предавалъ казни во имя „свободы, равенства, братства“ человѣчества, а Критій—во имя олигархіи. И съ точки зрѣнія Критія нечего обращать вниманіе на жизнь отдѣльныхъ лицъ; при переворотахъ жестокости, казни неизбѣжны; въ Аѳинахъ много враговъ олигархіи, такъ какъ народъ привыкъ къ свободѣ, и ихъ надо истребить безъ всякой пощады: „тѣмъ, кто желаетъ получить преобладаніе, нельзя не устранять тѣхъ, кто стоитъ на дорогѣ“. Ѳераменъ требовалъ прекращенія террора и передачи правленія „лучшимъ“ гражданамъ. Въ видѣ уступки Тридцать составили

списокъ 3000 гражданъ, которымъ должно быть предоставлено участіе въ правленіи. Но Ѳераменъ не удовлетворился этимъ и борьба продолжалась.

Между тѣмъ многіе бѣжавшіе изъ Аѳинъ нашли себѣ пріютъ за предѣлами Аттики, преимущественно въ Ѳивахъ. Во главѣ ихъ сталъ Ѳрасибулъ и занялъ въ Аттикѣ крѣпостцу Филу. Къ нему начали стекаться недовольные; въ стычкѣ съ нимъ отрядъ олигарховъ потерпѣлъ неудачу, и Тридцать рѣшили обезоружить гражданъ, а Ѳерамена умертвить: послѣ неудачи олигархи старались обезопасить себя въ самыхъ Аѳинахъ, устранивъ здѣсь вождя оппозиціи.

У историка Ксенофонта мы находимъ описаніе трагической сцены: въ засѣданіи совѣта Критій и Ѳераменъ обмѣниваются рѣчами. Критій вычеркиваетъ Ѳерамена изъ списка 3000— которыхъ нельзя было казнить иначе, какъ по приговору совѣта,— и присуждаетъ къ смерти. Ѳераменъ бросается къ жертвеннику, заклиная членовъ совѣта не позволять Критію по произволу вычеркивать его, такъ какъ иначе столь же легко будетъ вычеркнуто и имя каждаго изъ нихъ. Но являются Одиннадцать (стражи тюремные), силою оттаскиваютъ Ѳерамена отъ жертвенника и ведутъ на казнь; совѣтъ, при видѣ стоявшихъ у рѣшетки молодыхъ людей, съ кинжалами за пазухой, и отряда на площади, остается неподвиженъ...

Возстановленіе демократіи. Послѣ гибели Ѳерамена жестокость и произволъ олигарховъ еще болѣе усиливаются. Чувствуя свое положеніе въ Аѳинахъ непрочнымъ, тираннны занимаютъ Элевсинъ, чтобы имѣть тамъ на всякій случай убѣжище. По ихъ просьбѣ изъ Спарты явился отрядъ и занялъ акрополь. Положеніе олигарховъ однако не улучшалось, а ухудшалось. Число стекавшихся въ Филу къ Ѳрасибулу росло. Во главѣ отряда въ 1000 съ лишкомъ человѣкъ онъ вступилъ въ Пирей и занялъ Мунихію, возвышенность, господствовавшую надъ гаванью. Попытка олигарховъ вытѣснить оттуда демократовъ не удалась; самъ Критій погибъ въ стычкѣ. Тогда аѳиняне, собравшись на слѣдующій день на площади, низложили Тридцать, которые отправились въ Элевсинъ, и избрали коллегію Десяти гражданъ, облекши ее полномочіями

для прекращенія войны. Но тѣ дѣйстовали подобно Тридцати. Образовалось какъ-бы два лагеря, двѣ партіи—„городская“ и „пирейская“: въ Аѳинахъ властвовали одигархи, въ Пиреѣ—демократы. Къ послѣднимъ продолжали стекаться не только граждане, но и иностранцы, метэки, даже рабы. Владѣя Пиреемъ и Мунихіей, имѣя на своей сторонѣ народъ, демократы одерживали верхъ и Десять были низложены. Вмѣсто нихъ избраны были другіе Десять, пользовавшіеся самою лучшею славой. Они-то, по словамъ Аристотеля, и способствовали заключенію мира и возвращенію демократовъ. Этому содѣйствовалъ и спартанскій царь Павсаній. При участіи его и спартанскихъ посредниковъ между демократами въ Пиреѣ съ одной стороны и „горожанами“, а также Тридцатью, занявшими Элевсинъ, съ другой, заключенъ былъ мирный договоръ (403 г.) Тѣмъ изъ аѳинянъ, которые оставались въ городѣ во время олигархіи, въ случаѣ желанія предоставлялось переселиться въ Элевсинъ. Все прежнее предавалось забвенію: амнистія была полная по отношенію ко всѣмъ, кромѣ Тридцати, Десяти, Одиннадцати и начальствовавшихъ въ Пиреѣ, допускалась даже и по отношенію къ нимъ, если они дадутъ отчетъ.

Побѣдители-демократы честно, свято исполнили условія примиренія. Они дѣйствительно „не поминали прошлаго“. И не только предали забвенію прошлыя вины, но и уплатили общими силами Спартѣ деньги, взятыя взаймы олигархами на войну противъ нихъ же—хотя по договору каждая сторона отдѣльно должна была платить свои долги,—полагая, что этимъ должно положить начало единенію.

Такъ въ Аѳинахъ въ архонтство Евклида, въ 403 г., возстановлена была демократія, съ народнымъ собраніемъ и народнымъ судомъ. Годъ „архонтства Евклида“ явился какъ-бы гранью, своего рода эрою въ аѳинской исторіи. Онъ остался памятенъ во многихъ отношеніяхъ. Необходимо было вновь организовать потрясенный строй и притомъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, въ которыхъ очутились Аѳины послѣ несчастной для нихъ войны; необходимо было устранить ту путаницу, которая господствовала въ области права, гдѣ накопилось много законовъ устарѣвшихъ или непримѣнимыхъ, даже непонятныхъ, или взаимно противорѣчащихъ. Въ архонтство Евклида про-

изведенъ общій пересмотръ законовъ и составленъ ихъ сводъ. Возстановлялись законы Солона и „установленія“ Дракона, бывшіе еще въ силѣ въ прежнее время: ими должны были пользоваться „по старинѣ“. Составить новые законы, какіе необходимо было добавить, поручалось особой законодательной коммиссіи, по избранію совѣта. Устанавливался, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, тотъ порядокъ ихъ разсмотрѣнія и одобренія, о которомъ мы говорили выше (стр. 94). Свобода личности, окончательное уничтоженіе семейно-родовой отвѣтственности, вотъ то начало, которое было проведено при пересмотрѣ законовъ. Произошло также немало перемѣнъ въ финансовомъ управленіи, сообразно измѣнившимся условіямъ, такъ какъ Аѳинскій союзъ и союзная казна уже не существовали.

Народъ, говоритъ Аристотель, получилъ въ свои руки государственное управленіе по справедливости, такъ какъ возвращеніемъ онъ былъ обязанъ самому себѣ.

Такъ закончился кризисъ въ исторіи Аѳинъ, внѣшней и внутренней. Революціонная пора миновала и возстановлена была демократія, на этотъ разъ окончательно, до самой потери независимости. Партія крайнихъ олигарховъ съ тѣхъ поръ исчезаетъ изъ Аѳинъ, не имѣя крѣпкихъ корней, оставивъ послѣ себя лишь тяжелыя, кровавыя воспоминанія. Демократія, сложившаяся въ Аѳинахъ исторически, въ теченіе поколѣній, была неразрывно связана съ существованіемъ независимаго Аѳинскаго государства. Для другого строя тутъ не было соотвѣтствующей почвы.

Въ нѣкоторой связи съ тѣмъ, что̀ пережито аѳинянами въ концѣ V в., находится событіе, лежащее темнымъ пятномъ на ихъ демократіи. Это—процессъ и казнь Сократа, „лучшаго, мудрѣйшаго и справедливѣйшаго мужа“, по выраженію Платона.

Время Пелопоннесской войны было эпохой не только политическаго кризиса, но и кризиса въ міровоззрѣніи, глубокихъ перемѣнъ въ умственной и нравственной жизни, въ области образованія. То была эпоха софистовъ и Сократа.

Софисты. Старинное образованіе аѳинянина было несложно: оно состояло главнымъ образомъ въ обученіи чтенію и письму, гимнастикѣ, пѣнію и музыкѣ, въ заучиваніи стиховъ

древнихъ поэтовъ; на этихъ поэтахъ воспитывались прежнія поколѣнія. Теперь такое образованіе уже многихъ не удовлетворяетъ. Назрѣли новыя потребности; человѣкъ не хочетъ принимать что-либо на вѣру; онъ подвергаетъ критикѣ, сомнѣнію установившіеся вѣрованія, воззрѣнія, обычаи и порядки. Осложнившаяся жизнь требуетъ иного, высшаго образованія. Чтобы выдержать жизненную борьбу, играть роль въ обществѣ, въ государствѣ, нужно было обладать имъ и прежде всего надо было владѣть словомъ, искусствомъ „мыслить и говорить".

Навстрѣчу новой потребности шли *софисты*. „Софистъ" собственно значитъ „мудрецъ". Такъ обыкновенно назывались профессіональные, платные учителя „мудрости", дѣлавшіе изъ нея ремесло и предлагавшіе ее за извѣстное вознагражденіе. о которыхъ у Платона говорится, что они развозили по городамъ науку и „торговали ею оптомъ и въ розницу", „расхваливая то, что̀ продавали, какъ тотъ купецъ или разносчикъ, что̀ торгуетъ тѣлесною пищею; они расхваливали все ради продажи, сами не зная толкомъ, что̀ продаютъ, хорошо ли оно или худо для души". Учили они самымъ разнообразнымъ предметамъ, „всѣмъ искусствамъ и наукамъ", какъ величался напр. софистъ Гиппій на площади, у столовъ мѣнялъ; но въ особенности учили они „мыслить и говорить", искусству слова, этому, по выраженію Горгія, „величайшему благу, которому люди обязаны какъ своею свободою, такъ и властью надъ другими, ибо рѣчами можно убѣждать и судей въ судахъ, и членовъ совѣта въ совѣтѣ, и народъ въ народномъ собраніи, и всѣхъ во всякомъ политическомъ собраніи; владѣя такою силою, ты будешь имѣть раба и во врачѣ и въ воспитателѣ; ростовщикъ будетъ наживать не для себя, а для другихъ—для тебя, умѣющаго говорить и убѣждать толпу". Софисты обладали этимъ искусствомъ, умѣли „слабое слово дѣлать сильнымъ"; они были искусны въ спорахъ, старались сбить и запутать противника. Ихъ споры—это новый видъ состязаній (агоновъ), тѣхъ развлеченій, которыя такъ любили аѳиняне.

По воззрѣнію софистовъ, человѣкъ есть „мѣра всѣхъ вещей". Нѣтъ истины, нѣтъ знанія, есть только мнѣнія; что̀ кому кажется, такъ оно для него и есть. О каждомъ предметѣ можно высказать два противоположныхъ мнѣнія и каждое изъ нихъ можно защи-

щать съ тѣмъ же правомъ. Можно бѣлое представить чернымъ, ложь—правдою: все зависитъ отъ умѣнья. Все является условнымъ, относительнымъ, такимъ, какимъ оно представляется въ данный моментъ данному лицу. Софисты были по преимуществу отрицатели. По Горгію, „не существуетъ ничего; если бы и существовало, то оно не было бы познаваемо, а если бы было познаваемо, то не могло бы быть передаваемо". О богахъ Протагоръ говорилъ: „я не могу знать, ни что они есть, ни что ихъ нѣтъ". Всѣ основы стараго порядка—право и обычаи, религія и нравственность—все это подвергалось тогда обсужденію, критикѣ, отрицанію или сомнѣнію. „Какъ пріятно", говоритъ Стрепсіадовъ сынъ въ Аристофановыхъ „Облакахъ", „познакомиться съ новыми, прекрасными вещами и свысока смотрѣть на существующіе законы". Религія объявлялась выдумкой какого-нибудь хитреца; вѣра въ святость и ненарушимость закона утратилась и считалась предразсудкомъ. Въ противовѣсъ установленному человѣческому закону выставлялось право природы, естественное право. Выдвигалась личность, и на первый планъ ставились ея интересы и выгоды: сильная личность, свободная отъ предразсудковъ, знаетъ, какъ мало цѣны имѣютъ обычныя нравственныя понятія и законы; она смѣло можетъ быть выше этихъ „предразсудковъ", попирать ихъ, стать, выражаясь современнымъ языкомъ, „по ту сторону добра и зла"; она можетъ смѣло стремиться къ неограниченной власти, къ удовлетворенію лишь своихъ желаній. Послѣ этого намъ становятся еще понятнѣе личности, подобныя Алкивіаду и Критію: это—живые примѣры къ тѣмъ ученіямъ, которыя тогда распространялись.

Впрочемъ, у софистовъ мы встрѣчаемъ немало и возвышенныхъ, гуманныхъ мыслей. Нѣкоторые изъ нихъ осуждали рабство; у нихъ встрѣчается идея братства всѣхъ людей. „Мы всѣ здѣсь", говорилъ Гиппій, „родные, собратья и сограждане по природѣ... И только законъ, этотъ властелинъ людей, распоряжается нами противъ природы". Но въ общемъ все-же софисты подрывали устои существовавшихъ вѣрованій, нравственности, государства и въ-замѣнъ стараго мало давали положительнаго. Противъ нихъ выступилъ Сократъ и указалъ новые пути философской мысли.

Сократъ. Первые греческіе философы задавались преимущественно вопросами о происхожденіи міра. Но уже софисты стали обращать вниманіе на человѣка; Сократъ же исключительно сосредоточилъ свой интересъ на человѣкѣ и, по выраженію древнихъ, свелъ философію съ неба на землю. Онъ занимался опредѣленіемъ понятій и изслѣдованіемъ о добродѣтели; онъ явился основателемъ послѣдующей логики, науки о правильномъ мышленіи, и этики, науки о нравственности. Онъ училъ самопознанію и добродѣтели, которая есть, по его мнѣнію, знаніе и достигается путемъ размышленія. Сократа сближало съ софистами то, что и онъ ничего не принималъ на вѣру, безъ доказательствъ, безъ испытанія; онъ самъ стремился и другихъ побуждалъ изслѣдовать, размышлять, слѣдовать только своему убѣжденію. Въ этомъ отношеніи Сократъ былъ раціоналистъ и оказывался въ противорѣчіи съ прежнимъ, стариннымъ міровоззрѣніемъ. Тутъ онъ стоялъ на иной точкѣ зрѣнія, на почвѣ новаго образованія. Но тогда какъ софисты ограничивались отрицаніемъ и сомнѣніемъ, тогда какъ по ихъ мнѣнію истины не существуетъ, Сократъ, наоборотъ, утверждалъ, что истина и добродѣтель существуетъ. Сократъ искалъ истины и старался въ другихъ пробудить это стремленіе къ ней, это исканіе ея, вселить духовную жажду ея. Онъ не написалъ ни одной строки, въ которой бы выражалось его ученіе; онъ не излагалъ его въ стройномъ видѣ; онъ вступалъ обыкновенно въ устную бесѣду и путемъ вопросовъ старался лишь навести на путь къ истинѣ и добродѣтели, разоблачая въ то же время мнимое знаніе, шарлатанство и самомнѣніе. Сократъ стремился вызвать въ собесѣдникѣ соотвѣтствующее настроеніе, пробудить въ немъ мысли; онъ какъ-бы помогалъ ихъ рожденію, „повивалъ“ умы: недаромъ онъ сравнивалъ свое занятіе съ повивальнымъ искусствомъ.

Добродѣтель, по мнѣнію Сократа, состоитъ въ знаніи: знаніе есть основа всякаго нравственнаго поступка и незнаніе— основа всѣхъ ошибокъ и недостатковъ. Сократъ не могъ себѣ представить знанія безъ добродѣтели и добродѣтели безъ знанія; зло творить, по его мнѣнію, можно только по невѣдѣнію; не слѣдуетъ причинять его другому, даже врагу, неправильно воздавать несправедливостью за несправедливость, зломъ за зло. Борясь съ

софистами, Сократъ имѣлъ въ виду нравственное возрожденіе общества. Истинное благо онъ видѣлъ въ жизни сообразно съ истиной, когда человѣкъ перестаетъ быть рабомъ своихъ желаній и становится свободнымъ. Сократъ училъ, что нужно заботиться о разумности, истинѣ, о душѣ своей, чтобы она была какъ можно лучше, ибо это—самое дорогое сокровище. „Ежедневно бесѣдовать о добродѣтели и обо всемъ прочемъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ, испытывая себя и другихъ“,—величайшее благо для человѣка, и жизнь безъ такого изслѣдованія не есть жизнь для человѣка.

Въ этомъ Сократъ видѣлъ свое призваніе, свое назначеніе, велѣніе бога, котораго надо слушаться больше, нежели людей, ибо Сократъ, несмотря на свой раціонализмъ, былъ религіозенъ и слѣдовалъ своему „даймоніону“, „божественному“, внутреннему голосу. Философа этого, лѣто и зиму одѣтаго одинаково, въ одинъ и тотъ же плащъ, босого, можно было встрѣтить каждый день на улицахъ и площадяхъ Аѳинъ, въ гимназіяхъ и палестрахъ останавливающимъ знакомаго и незнакомаго, вступающимъ въ бесѣду, задающимъ вопросы, всегда спокойнаго, съ ясной душой, проникнутаго юморомъ, добродушной насмѣшкой. Такъ всю жизнь проводилъ онъ въ Аѳинахъ, почти никогда не покидая ихъ, обнаруживая полное пренебреженіе къ мірскимъ благамъ, богатству и почестямъ. Сократа нерѣдко можно было видѣть и въ частныхъ домахъ, среди гостей, на пирахъ, въ которыхъ онъ охотно принималъ участіе, сохраняя и тутъ всегда ясность ума. Сократъ не стремился къ общественнымъ должностямъ; это отвлекло бы его отъ того дѣла, въ которомъ онъ видѣлъ свое призваніе; притомъ онъ относился критически къ демократіи; но законамъ ея повиновался и честно исполнялъ долгъ гражданина, когда этого требовали обстоятельства; мужественно сражался у Потидеи и при Деліи; былъ пританомъ въ то время, когда судили стратеговъ, побѣдителей при Аргинусахъ (стр. 158), и тутъ смѣло возсталъ противъ беззаконія; онъ одинъ изъ всѣхъ притановъ остался вѣренъ своему убѣжденію, не смотря на угрозы и крики. Также мужественно отказался онъ исполнить беззаконное требованіе Тридцати привести изъ Саламина стратега, котораго тиранны хотѣли казнить.

Подъ некрасивою—чтобы не сказать безобразною—внѣшностью Сократа скрывалась внутренняя красота, и эта своеобразная,

геніальная личность производила на многихъ чарующее впечатлѣніе. „Когда я слушаю его“, признавался Алкивіадъ, „сердце у меня бьется... и слезы льются отъ рѣчей его. Вижу и многихъ другихъ, которые то же чувствуютъ. Слушая Перикла и иныхъ отличныхъ ораторовъ, я думалъ, что они хорошо говорятъ, но ничего подобнаго я не испытывалъ и не волновалась моя душа, не возмущалась, зачѣмъ она въ рабствѣ... Передъ этимъ однимъ изъ всѣхъ людей я чувствую то, чего никто во мнѣ не предполагалъ бы,—чувствую стыдъ. Только его я стыжусь...“ Съ перваго взгляда рѣчи Сократа кажутся смѣшными: онъ обыкновенно толкуетъ о вьючныхъ ослахъ, о какихъ-то кузнецахъ, сапожникахъ, да кожевникахъ, и повидимому повторяетъ одно и то же. Но кто заглянетъ внутрь этихъ рѣчей, тотъ найдетъ ихъ полными смысла, божественными. „Не знаю, видѣлъ ли кто скрытые внутри Сократа образы, а я“, говоритъ Алкивіадъ; „ихъ видѣлъ однажды, и они показались мнѣ такими божественными, золотыми, прекрасными и чудными...“

7. Сократъ.

Казнь Сократа. И вотъ этотъ философъ, посвятившій себя самоотверженному служенію, отысканію истины, учившій добродѣтели, явился однимъ изъ великихъ мучениковъ за убѣжденія. Въ 399 г., вскорѣ послѣ возстановленія въ Аѳинахъ демократіи, одинъ изъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей, кожевникъ Анитъ, поэтъ Мелетъ и ораторъ Ликонъ представили противъ Сократа обвиненіе въ томъ, что онъ, во-первыхъ, не признаетъ боговъ, которыхъ признаетъ государство, а вводитъ новыя божества, и, во-вторыхъ, развращаетъ молодежь. Сократа судили и предали казни. Но какъ подобное обвиненіе могло имѣть успѣхъ въ Аѳинахъ и какъ такая участь могла постигнуть личность, подобную Сократу? Объясняется это многими причинами.

Софисты имѣли успѣхъ большею частью среди состоятельной молодежи. За Сократомъ слѣдовали тоже преимущественно молодые люди, у которыхъ было больше досуга, сыновья богатыхъ

гражданъ. Новое просвѣщеніе вообще являлось скорѣе не демократическимъ. Низшіе слои демоса оно мало затрагивало. Правда, въ Аѳинахъ грамотность была широко распространена; почти каждый аѳинянинъ умѣлъ читать и писать; самый строй аѳинской жизни, постоянное непосредственное участіе гражданъ въ управленіи и въ обсужденіи дѣлъ государственныхъ, искусство и литература, театръ, все это должно было дѣйствовать развивающимъ образомъ на массу, подымать ея уровень. Но наиболѣе демократическая часть аѳинскихъ гражданъ, въ политическомъ отношеніи настроенная въ болѣе крайнемъ направленіи, въ отношеніи религіозномъ и культурномъ отличалась консерватизмомъ, стояла за старину, за старыя вѣрованія. Масса была суевѣрна и склонна къ предразсудкамъ. Она мало сочувствуетъ новому просвѣщенію, скорѣе враждебно относится къ нему; она въ сущности не терпитъ изслѣдователей природы, философовъ, подобныхъ Анаксагору, и софистовъ, видитъ въ нихъ безбожниковъ, вредныхъ вольнодумцевъ, вводителей новшествъ, подрывателей основъ религіи и государства. Кромѣ того, въ ея глазахъ превосходство ума и образованія нарушаетъ начало равенства. Клеонъ хвалитъ необразованность, находя, что она для государственнаго управленія полезнѣе ума и образованія, что люди попроще обыкновенно лучше правятъ государствомъ, чѣмъ умники...

Мы уже видѣли (стр. 107) примѣры гоненій въ демократическихъ Аѳинахъ на философовъ—на Анаксагора, на Протагора. У Еврипида есть характерныя слова:

Вѣдь если ты невѣжъ чему-нибудь
Хоть мудрому, но новому обучишь,
Готовься между нихъ не мудрецомъ
Прослыть, а тунеядцемъ. Пусть молвою
Ты умниковъ, которыхъ городъ чтитъ
Поставленъ хоть на палецъ выше будешь,
Ты—человѣкъ опасный...

Въ одной комедіи говорится: „Я ненавижу и Сократа, этого нищаго болтуна, который всего доискивается и только не заботится о томъ, что̀ ему ѣсть". Уже Аристофанъ призывалъ къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы положить конецъ новому софистическому ученію и тому разложенію, соблазну, къ которымъ, по мнѣнію ревнителей

старины, оно вело: „Облака“ кончаются сожженіемъ Сократова жилища или „мудрилища“,—вмѣстѣ съ философомъ и его учениками—и призывомъ: „Гони, бросай, бей за многое, а больше всего за то, что они оскорбляли боговъ“. Извѣстно, что Аристофанъ въ этой пьесѣ выставилъ Сократа, какъ софиста. Что касается толпы, то она еще легче могла смѣшивать Сократа съ софистами и вѣрить, что „нѣкій Сократъ, мудрый мужъ, испытуетъ и изслѣдуетъ все, что̀ надъ землею, и все, что̀ подъ землею, выдаетъ ложь за правду и другихъ научаетъ тому же“.

Сократъ имѣлъ немало и личныхъ враговъ. Къ числу ихъ принадлежали въ особенности тѣ, кому онъ докучалъ своими вопросами, затрогивая ихъ самолюбіе, ставя ихъ въ смѣшное или неловкое положеніе, кого онъ изобличалъ въ шарлатанствѣ и невѣжествѣ, софисты, отцы тѣхъ сыновей, которые слѣдовали за нимъ, слушая его бесѣды, отвлекаясь отъ хозяйства, ремесла, отъ предназначенной родителями карьеры. Въ частности объ Анитѣ напр. говорили, будто онъ золъ былъ на Сократа между прочимъ за то, что тотъ „сбивалъ съ толку“ его сына, находя его слишкомъ способнымъ для того, чтобы заниматься кожевеннымъ дѣломъ, ремесломъ его отца.

Но главное—отношеніе Сократа къ демократіи. Хотя Сократъ и исполнялъ безупречно обязанности гражданина и свято повиновался законамъ, онъ не скрывалъ однако своего мнѣнія о демократіи, о господствѣ массы, большинства. По его мнѣнію, если вѣрить Платону, масса, большинство не способно ни на великое зло, ни на великое добро. Сократъ въ особенности находилъ нелѣпымъ замѣщать должности по жребію и поручать государственныя дѣла людямъ не подготовленнымъ, не знающимъ или неспособнымъ: вѣдь, никому не придетъ въ голову, говорилъ онъ, назначать по жребію кормчаго, архитектора или музыканта. Еще болѣе возстановляло противъ Сократа то, что его учениками были Алкивіадъ и Критій: выводили заключеніе, что Сократъ вредно вліяетъ, что онъ воспитываетъ плохихъ гражданъ, враговъ отечества и демократіи, и въ числѣ его обвинителей мы видимъ Анита, одного изъ видныхъ сотрудниковъ Ѳрасибула при возстановленіи демократіи въ Аѳинахъ. Нужно вспомнить, что̀ пережили аѳиняне въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны и во время владычества

Тридцати, представить себѣ то настроеніе, которое господствовало въ Аѳинахъ по сверженіи ига тирановъ, чтобы понять судъ надъ Сократомъ.

Наконецъ немалую роль сыграло и поведеніе Сократа во время суда. Онъ не прибѣгалъ къ обычнымъ пріемамъ, не унижался предъ судьями, не старался ихъ разжалобить и прямо заявлялъ, что если его отпустятъ, то онъ, пока есть въ немъ дыханіе и способности, не перестанетъ философствовать, убѣждать. Быть убитымъ, изгнаннымъ, лишеннымъ правъ онъ не считалъ за великое зло для себя. Смерть онъ признавалъ за благо, ибо умереть значитъ одно изъ двухъ: или перейти къ небытію, не испытывать никакого ощущенія, или это переходъ въ другое мѣсто, въ иной міръ... Незначительнымъ большинствомъ Сократъ признанъ былъ виновнымъ. Надлежало опредѣлить наказаніе. Обвинители требовали казни, а Сократъ находилъ, что онъ заслуживаетъ за свою дѣятельность не казни, а почетной награды—дарового обѣда въ пританеѣ, присутственномъ мѣстѣ. Правда, въ концѣ концовъ онъ соглашался уплатить 1 мину, а въ виду поручительства друзей и учениковъ даже 30 минъ, но судьямъ это казалось скорѣе насмѣшкой, глумленіемъ, и смертный приговоръ былъ ему вынесенъ уже бо̀льшимъ числомъ голосовъ.

Когда Сократъ находился въ темницѣ, друзья предлагали ему бѣжать, но онъ отказался, и не чувствуя за собой вины, вѣрный своимъ убѣжденіямъ и законамъ отечества, спокойно, съ обычною невозмутимостью и ясностью духа, семидесятилѣтній философъ выпилъ чашу съ ядомъ,—обычный способъ казни въ Аѳинахъ...

IV. УПАДОКЪ.

1. Отъ возстановленія демократіи до борьбы съ Филиппомъ Македонскимъ.

Положеніе Аѳинъ. Демократія была возстановлена въ Аѳинахъ, но онѣ, послѣ злосчастной войны и тиранніи Тридцати, представляли печальную картину. Число гражданъ уменьшилось на треть, если не на половину: оно понизилось до 20—25 тыс. Страна была разорена; земледѣліе, промышленность, торговля въ упадкѣ. Государство, казалось, находилось наканунѣ полнаго банкротства, казна пуста; доходы крайне ограничены; Аѳинскій союзъ не существовалъ. Аѳиняне лишились владѣній внѣ Аттики. Тысячи клеруховъ принуждены были покинуть свои участки и возвратились въ Аѳины разоренные, безъ средствъ къ существованію. Многіе граждане изъ прежде богатыхъ фамилій обѣднѣли. Укрѣпленія и Длинныя стѣны были разрушены; не существовало ни флота, ни верфей. Еще недавно могущественныя, Аѳины были теперь политически безсильны. Все приходилось возстановлять, начинать какъ-бы съизнова. Требовалось много энергіи, много жизненности, чтобы хотя нѣсколько оправиться, подняться изъ такого упадка...

Въ строѣ Аѳинъ со времени возстановленія демократіи и до конца ихъ независимости не произошло какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Шло лишь постепенное развитіе въ демократическомъ направленіи; масса, какъ говоритъ Аристотель, все болѣе и болѣе присвоивала себѣ власть, всѣмъ заправляя посредствомъ псефизмъ и дикастеріевъ. Изъ нововведеній за это время слѣдуетъ отмѣтить плату за посѣщеніе народнаго собранія. Введеніе платы за участіе въ экклесіи, народномъ собраніи, было дальнѣйшимъ развитіемъ той системы денежнаго вознагражденія, которая существовала уже раньше со временъ Перикла. Плату эту впервые ввелъ демагогъ Агиррій, около 395 г., въ размѣрѣ 1 обола. Даже Аристотель, не сочувствовавшій этой мѣрѣ, признаетъ ея неизбѣжность: безъ нея стало трудно собирать экклесію. Вообще въ то время система денежныхъ раздачъ, ѳеорикона и т.

под. достигла еще бо̀льшаго развитія, чѣмъ прежде, несмотря на тяжелое положеніе государственной казны.

Завѣтная мысль возстановленной демократіи была возстановить и прежній морской союзъ. Это—господствующее, руководящее стремленіе аѳинянъ той эпохи.

Коринѳская война. Спартанская гегемонія не могла быть прочною. Она оказывалась слишкомъ тяжелою для грековъ. Вмѣсто ожидаемой свободы Спарта наложила иго еще менѣе выносимое, нежели иго Аѳинъ. Достигнувъ господства, спартанцы проявили самый грубый произволъ и насиліе, которые не уравновѣшивались и не смягчались чертами, свойственными болѣе утонченнымъ и—несмотря на всѣ свои недостатки—все-же болѣе человѣчнымъ аѳинянамъ.

„Не стоите удачи вы, спартанцы;
Рѣкою кровь вы льете, до прибытка
Лишь алчные, съ рѣчами между губъ
Не тѣми, что̀ въ сердцахъ. О, пусть бы вовсе
Васъ не было на свѣтѣ...“,

говоритъ Андромаха у Еврипида. Побѣда Спарты была побѣдой консервативныхъ и олигархическихъ началъ. Въ городахъ, отторгнутыхъ отъ Аѳинъ, власть перешла къ олигархическимъ комитетамъ, обыкновенно изъ 10 лицъ, и къ начальникамъ гарнизоновъ. Но для первенства и гегемоніи недостаточно одной грубой, матеріальной силы. Между тѣмъ Спарта въ отношеніи образованія и умственнаго развитія отстала отъ многихъ другихъ греческихъ общинъ, была менѣе культурна, чѣмъ большая часть подчиненныхъ ей греческихъ государствъ. Ея собственный строй страдалъ отъ многихъ недостатковъ; ея общественныя язвы были велики: среди самихъ спартіа̀товъ къ тому времени обнаружилось уже большое неравенство, образовался довольно многочисленный пролетаріатъ, недовольный и революціонно-настроенный.

Спарта оттолкнула отъ себя даже своихъ прежнихъ союзниковъ въ Греціи—Ѳивы, Коринѳъ. Измѣнились и ея отношенія къ Персіи. Поводомъ къ этому послужило ея косвенное участіе въ предпріятіи Кира Младшаго противъ его брата, персидскаго

царя, и помощь, оказанная ею мало-азіатскимъ городамъ, которыхъ Тиссафернъ стремился подчинить персидскому царю. Вскорѣ самъ спартанскій царь Агесилай явился въ Малую Азію для войны съ персами и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Но въ тылу его, въ самой Греціи, вспыхнула война. Противъ Спарты образовался союзъ, въ которомъ приняли участіе и ея прежніе враги, Аѳины, Аргосъ, и ея недавніе друзья, Ѳивы, Коринѳъ. Въ битвѣ при Галіартѣ потерпѣлъ пораженіе и палъ Лисандръ (395 г.), и тогда изъ Азіи спартанцами вызванъ былъ Агесилай. При Коронеѣ Агесилай одержалъ побѣду надъ ѳиванцами и аѳинянами, но не рѣшительную, не имѣвшую существенныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ на морѣ произошли важныя событія. Кононъ, одинъ изъ аѳинскихъ стратеговъ, участвовавшихъ въ битвѣ при Эгосъ Потамахъ (стр. 158), теперь поставленный во главѣ снаряженнаго Персіей флота, нанесъ пораженіе спартанцамъ при Книдѣ, у береговъ Малой Азіи (394 г.). Для спартанской гегемоніи на морѣ это былъ ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла вполнѣ оправиться. Кононъ отправляется въ Эгейское море, освобождаетъ Циклады отъ спартанскаго господства, занимаетъ островъ Киѳеру (на югъ отъ Лаконіи) и направляется къ Пирею, къ Аѳинамъ. Здѣсь онъ возстановляетъ Длинныя стѣны, разрушенныя Лисандромъ. Это было великое торжество для Аѳинъ, и граждане въ благодарность воздвигли Конону бронзовую статую на площади, у алтаря Зевса, „Защитника Свободы“, за то, что Кононъ „далъ свободу союзникамъ Аѳинъ“.

Такъ вновь положено было начало аѳинскому морскому господству, первый зародышъ ихъ „Второго союза“, и притомъ при помощи персовъ, для борьбы съ которыми организованъ былъ первый союзъ.

Дѣло Конона продолжалъ Ѳрасибулъ. Во главѣ вновь возникшаго аѳинскаго флота онъ направляется къ берегамъ Ѳракіи и къ Геллеспонту, которымъ такъ дорожили аѳиняне, подчиняетъ о. Ѳасосъ, Херсонесъ Ѳракійскій, Византію и нѣкоторые другіе города.

Между тѣмъ война на сушѣ, въ самой Элладѣ, сосредоточивавшаяся главнымъ образомъ вокругъ Коринѳа (почему она и называется Коринѳскою), шла съ перемѣннымъ успѣхомъ. Аѳиняне вели ее при помощи наемниковъ.

Наемники. *Наемничество*—явленіе, свойственное той эпохѣ. Тогдашнюю Грецію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно сравнить съ Италіей конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ: отсутствіе политическаго единства, раздробленность и жестокая борьба партій, процвѣтаніе городовъ и торговли, блестящее культурное развитіе, и, наконецъ, въ особенности наемничество характеризуютъ ту и другую; съ итальянскими вождями наемниковъ, кондоттьерами, смѣло можно сопоставить вождей греческихъ наемниковъ, подобныхъ Ификрату, Хабрію и Тимоѳею. Въ Греціи наемничество стало развиваться со времени Пелопоннесской войны и было необходимымъ слѣдствіемъ тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ условій. Мирные граждане не могли уже удовлетворять военнымъ требованіямъ; они не могли надолго бросать свои дѣла, свое хозяйство и служить по цѣлымъ годамъ въ войскѣ, гдѣ-нибудь вдали отъ родины. Такимъ образомъ при частыхъ и продолжительныхъ войнахъ долженъ былъ образоваться особый классъ людей, посвящавшихъ себя спеціально военной службѣ, дѣлавшихъ изъ войны себѣ профессію. Являлась необходимость въ спеціалистахъ военнаго дѣла. Кромѣ того, война и перевороты заставляли многихъ покидать родину и искать себѣ дѣла на чужбинѣ. Кто раньше шелъ въ колонисты или въ клерухи, теперь нерѣдко идетъ въ наемники. Въ то время какъ варвары ввозятся въ Грецію массами въ качествѣ рабовъ для работъ въ полѣ и въ домѣ, въ рудникахъ и промышленныхъ заведеніяхъ, греки уходятъ служить въ чужія страны въ качествѣ наемниковъ. Мы видимъ ихъ не только въ Греціи, но и въ Египтѣ, и въ Азіи. Уже у Кира Младшаго было болѣе 10000 греческихъ наемниковъ. Греческіе наемники проникаютъ на Востокъ, неся съ собою свое военное искусство, свой греческій языкъ, нѣкоторыя черты греческихъ учрежденій, нравовъ, культуры. Они являются до нѣкоторой степени предшественниками Александра Македонскаго въ дѣлѣ подчиненія Востока греческому вліянію.

Прославленными вождями наемниковъ были аѳиняне Ификратъ, Хабрій и Тимоѳей. Ификратъ усовершенствовалъ военное дѣло и его реформы составили своего рода эпоху въ исторіи греческаго военнаго искусства. Онъ ввелъ болѣе легкую обувь, болѣе легкій круглый щитъ, но зато болѣе длинный мечъ и копье. Вооруженная

такимъ образомъ пѣхота, такъ называемые *пелтасты,* являлась гораздо болѣе легкой и подвижной, чѣмъ прежніе гоплиты. Хабрій хотя выдвинулся уже въ Коринѳскую войну, но высшей своей славы и вліянія, какъ и Тимоѳей, достигъ нѣсколько позже. Онъ происходилъ изъ богатой фамиліи, любилъ пышность, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересовался философіей и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Платономъ. Еще болѣе славился своимъ богатствомъ и утонченнымъ образованіемъ Тимоѳей, сынъ Конона, ученикъ и другъ оратора и политическаго писателя Исократа. Случалось, что онъ, благодаря своему богатству и личному кредиту, содержалъ аѳинскій флотъ и велъ войну на собственныя средства.

Наемничество, разумѣется, способствовало развитію и усовершенствованію военнаго дѣла, но оказывало и вредное вліяніе. Мирные граждане все болѣе и болѣе отвыкаютъ отъ войны; безъ наемниковъ они дѣлались безпомощными и беззащитными. Для содержанія наемниковъ необходимы были *деньги,* и война требуетъ непомѣрныхъ затратъ, громадныхъ денежныхъ средствъ. Для побѣды теперь нужны не столько патріотизмъ, энергія и мужество гражданъ, сколько эти денежныя средства, субсидіи, большею частію получаемыя отъ Персіи, и такимъ образомъ Персія является часто вершительницей судебъ Греціи. Отъ наемниковъ нечего было ждать патріотизма: ихъ отечествомъ былъ лагерь, ихъ цѣлью—обогащеніе и добыча. Они служили изъ-за денегъ тому, кому было выгоднѣе. По выраженію Лисія, ихъ тѣла принадлежали тому, кто лучше платилъ, а ихъ вѣрность продолжалась до тѣхъ поръ, пока хватало денегъ въ военной кассѣ, чтобы имъ уплачивать жалованье. Правда, и у нихъ были правила чести; и для нихъ необходима была дисциплина. Но все-же это не мѣшало наемнику переходить изъ одного лагеря въ другой, служить, напр., то персидскому царю, то противъ него. Мы видимъ даже знаменитыхъ вождей—Ификрата, Хабрія и Тимоѳея—часто на службѣ за предѣлами Греціи. Главнымъ поприщемъ для Хабрія, напр., былъ Египетъ. А Ификратъ, женатый на дочери ѳракійскаго владѣтеля, одно время командовалъ флотомъ своего тестя и укрѣплялъ его владѣнія, когда тотъ находился въ войнѣ съ Аѳинами.

Наемники и ихъ вожди были крайне неразборчивы на средства. Они позволяли себѣ насиліе, произволъ и грабежъ по от-

ношенію къ населенію, облагали жителей непомѣрными контрибуціями и поборами. Война для нихъ служила средствомъ для обогащенія. Въ ихъ лагерѣ царили обыкновенно буйство и развратъ; цѣлыя толпы продажныхъ женщинъ, гетеръ, нерѣдко слѣдовали за отрядами наемниковъ. Вожди наемниковъ славились большею частію своею роскошью и расточительностью. Они такъ же легко и проживали состояніе, какъ наживали. А состояніе ихъ было подчасъ чисто царское. Они играли вообще видную роль; съ ними роднились владѣтели Ѳракіи; съ ними сносился самъ персидскій царь. Они представляютъ собою политическую силу, являются какъ-бы владѣтельными князьями, получаютъ иногда въ даръ или завоевываютъ для себя города, ведутъ свою политику и т. д.

„Постыдный миръ".

Коринѳская война закончилась „постыднымъ" *Анталкидовымъ* миромъ (387/6), названнымъ по имени его главнаго виновника, спартанца Анталкида, болѣе всѣхъ хлопотавшаго о его заключеніи, или *Царскимъ*, такъ какъ условія его были предписаны персидскимъ царемъ по соглашенію со Спартой. Царь потребовалъ, чтобы греческіе города въ Малой Азіи принадлежали ему; остальные греческіе города, большіе и малые, должны быть свободны, автономны; только Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ отдавались аѳинянамъ. Условія эти сопровождались угрозой—идти войной противъ тѣхъ, кто мира не приметъ. Аѳиняне приняли этотъ миръ.

Итакъ, мало-азіатскіе греки, освобожденные около ста лѣтъ передъ тѣмъ, должны были подчиниться власти персовъ. Другое постановленіе Анталкидова мира—о независимости всѣхъ большихъ и малыхъ городовъ Эллады—удовлетворяло, казалось, завѣтному стремленію грековъ къ автономіи. Но на самомъ дѣлѣ оно упрочивало полную раздробленность и слабость Греціи и среди этой раздробленности—господство блюстительницы условій Анталкидова мира, Спарты, беззастѣнчивый эгоизмъ, произволъ и насилія которой достигаютъ теперь своей крайней степени. Занятіе Ѳивъ среди мира—одно изъ яркихъ проявленій этого произвола и насилія. Но въ 379 г. Ѳивы подымаются, освобождаются отъ спартанскаго ига и затѣмъ наносятъ окончательный ударъ гегемоніи Спарты. Наступаетъ эпоха ѳиванской гегемоніи въ Греціи.

Аѳиняне, особенно состоятельные слои населенія, при всемъ сочувствіи къ Ѳивамъ, сперва вовсе не желали тогда разрыва и войны со Спартой. Но сами спартанцы вынудили ихъ къ этому. Одинъ изъ спартанскихъ военачальниковъ, Сфодрій, попытался захватить неожиданно, среди мира, Пирей, подобно тому, какъ раньше захвачена была ѳиванская Кадмея, но не успѣлъ, а въ отвѣтъ на жалобы аѳинянъ спартанцы оправдали его. Возмущенные этимъ аѳиняне примкнули къ Ѳивамъ и стали дѣйствовать противъ Спарты.

Второй Аѳинскій союзъ. Насталъ моментъ, когда аѳинская демократія могла осуществить наконецъ свою завѣтную мысль—возстановить свое господство на морѣ и морской союзъ съ Аѳинами во главѣ, хотя и въ иномъ видѣ, нежели прежде. Общественное мнѣніе Греціи было къ этому уже подготовлено: еще года за два до того аѳинскій публицистъ, политическій писатель, Исократъ, въ своемъ знаменитомъ „Панегирикѣ“ который онъ отдѣлывалъ, говорятъ, въ теченіе 10 или даже 15 лѣтъ, проводилъ мысль о такомъ союзѣ и возстановленіи гегемоніи Аѳинъ на морѣ.

Зародышъ Второму Аѳинскому союзу былъ положенъ еще побѣдою Конона у Книда и дѣятельностью Ѳрасибула. Послѣ Анталкидова мира нѣкоторые города заключили или продлили уже раньше заключенный союзъ съ Аѳинами. Теперь (377 г.) Второй Аѳинскій союзъ окончательно былъ организованъ и расширенъ. До насъ дошло постановленіе аѳинскаго народнаго собранія, утверждающее основы, на которыхъ образовался союзъ. Цѣль послѣдняго—защита греческой свободы, но не отъ Персіи, какъ прежде, а отъ Спарты, „дабы лакедемоняне предоставили эллинамъ быть свободными, автономными и спокойно пользоваться своими владѣніями“. Постановленіе признаетъ Анталкидовъ миръ и даже господство персовъ надъ азіатскими греками: въ союзъ принимались всѣ тѣ изъ эллиновъ и даже изъ варваровъ, которые не находились въ подданствѣ персидскаго царя. Она обезпечиваетъ ненарушимость правъ и свободы союзниковъ, которые могли имѣть форму правленія, какую хотятъ. Ни фороса, ни клерухій, которые вызывали столько раздраженія въ прежнемъ союзѣ, теперь не должно было быть (вмѣсто фороса существовалъ денежный сборъ,

называемый „синтаксисъ“). Организація Второго Аѳинскаго союза отличалась отъ организаціи Перваго: въ немъ не было такой централизаціи, такого преобладающаго господства Аѳинъ. Въ немъ было больше равенства: союзъ состоялъ какъ-бы изъ двухъ равноправныхъ сторонъ—аѳинянъ и прочихъ союзниковъ, Эти союзники имѣли въ Аѳинахъ свое собраніе или совѣтъ, синедріонъ, состоявшій изъ ихъ представителей. Каждому союзному городу, большому и малому, принадлежало тутъ по одному голосу. Постановленіе такого собранія или синедріона переходило потомъ—черезъ совѣтъ пятисотъ—въ аѳинское народное собраніе.

Одновременно съ образованіемъ союза происходитъ преобразованіе аѳинской податной системы. Ставъ вновь во главѣ союза и задаваясь широкими планами, аѳиняне, естественно, нуждались въ большихъ денежныхъ средствахъ. Прежде они сравнительно рѣдко прибѣгали къ прямому обложенію, къ эйсфорѣ; это была подать чрезвычайная; теперь она становится постоянною и самый порядокъ ея распредѣленія и взиманія измѣняется. Въ податныхъ цѣляхъ производится оцѣнка земельной собственности, домовъ и прочаго имущества аттическихъ гражданъ. На основаніи этой оцѣнки, для болѣе удобнаго сбора подати, граждане, подлежавшіе обложенію, раздѣлены на податныя группы или общества, товарищества, такъ называемыя *симміріи*, съ приблизительно равнымъ состояніемъ. Взимаемая сумма раскладывалась между симміріями поровну. Затѣмъ между членами симміріи раскладка производилась соотвѣтственно состоянію каждаго. Хотя за невзносъ подати грозили штрафъ и даже конфискація имущества, но все же сборы поступали обыкновенно слишкомъ медленно и неисправно. Тогда для бо́льшаго удобства введенъ былъ такой порядокъ, что въ каждомъ демѣ кто-либо изъ болѣе богатыхъ гражданъ уплачивалъ впередъ причитающуюся съ дема сумму, а самъ потомъ собиралъ ее съ демотовъ. Съ 360 г. стали возлагать это на 300 богатѣйшихъ лицъ, заранѣе опредѣленныхъ. Эти 300 пріобрѣли фактически большое вліяніе на раскладку подати и даже на другія дѣла.

Побѣда Хабрія надъ спартанцами на морѣ при Наксосѣ (376 г.) способствовала еще большему упроченію и расширенію союза; Циклады примкнули къ нему.

Вообще Спарта не могла надѣяться на побѣду. Съ другой стороны, не въ интересахъ Аѳинъ было содѣйствовать дальнѣйшему росту ѳиванскаго могущества. Къ тому же война истощала ихъ силы. Въ 371 г. на конгрессѣ въ Спартѣ состоялся миръ между спартанцами и аѳинянами; но тутъ же произошелъ новый разрывъ между Спартой и Ѳивами. Это былъ разрывъ Ѳивъ и съ Аѳинами, которыя остались вѣрны заключенному договору и для которыхъ близкія могущественныя Ѳивы казались еще болѣе опаснымъ противникомъ, нежели отдаленная Спарта.

Въ открывшейся рѣшительной борьбѣ Ѳивъ со Спартою аѳиняне занимаютъ враждебное положеніе по отношенію къ первымъ. Холодно, съ неудовольствіемъ принимаютъ они вѣсть о знаменитой побѣдѣ Эпаминонда при Левктрахъ (371 г.),—побѣдѣ, которая составила эпоху въ греческой исторіи, нанесла рѣшительный ударъ спартанской гегемоніи и дала толчекъ демократическому движенію въ самомъ Пелопоннесѣ: ѳиванскимъ посламъ не было оказано обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ почестей и предложеніе союза съ Ѳивами было отклонено. Со Спартой и съ Діонисіемъ, сиракузскимъ тираномъ, заключенъ формальный союзъ; Діонисію даровано право аѳинскаго гражданства и—чѣмъ особенно дорожилъ тиранъ—его трагедія удостоена награды. Еще враждебнѣе должны были отнестись аѳиняне къ соглашенію Ѳивъ съ Персіей—этому „второму изданію Анталкидова мира“,—по которому отъ нихъ требовалось отказаться отъ Амфиполя и разоружить свой флотъ, и къ попыткѣ ѳиванцевъ завести собственный флотъ, достичь господства и на морѣ. Въ битвѣ при Мантинеѣ (362 г.) противъ ѳиванцевъ сражались и аѳиняне.

Послѣ этой битвы Греція оказывается еще болѣе слабою и въ ней господствуетъ еще бо́льшая неопредѣленность и смута, нежели прежде. Спарта, Аѳины, Ѳивы, поочередно пытались установить свою гегемонію, и цѣль оказывалась недостижимою, задача не по силамъ. Греческій партикуляризмъ, стремленіе къ политической обособленности, одерживали верхъ; могущество Аѳинъ пало въ борьбѣ со Спартой, могущество Спарты—въ борьбѣ съ Ѳивами. Величіе послѣднихъ было кратковременнымъ: оно исчезло со смертью Пелопида и Эпаминонда. Теперь уже ни Спарта, ни Аѳины, ни Ѳивы, не могли возстановить вполнѣ свое прежнее

могущество и надъ разрозненною Греціею устанавливается гегемонія Македоніи...

Второй Аѳинскій союзъ сталъ распадаться (357 г.). Во-первыхъ, самая цѣль, поставленная первоначально этимъ союзомъ, уже была достигнута и онъ утратилъ свой смыслъ: союзъ направленъ былъ главнымъ образомъ противъ Спарты, а Спарта была теперь вытѣснена съ моря, разбита даже на сушѣ, ослаблена и не страшна для союзниковъ: они чувствовали себя внѣ опасности со стороны Спарты и скорѣе могли опасаться Аѳинъ. Между тѣмъ аѳинская демократія IV в. мало-по-малу начала возвращаться къ прежнимъ пріемамъ и практикѣ временъ Делосско-Аттическаго союза: производились тяжкіе поборы съ союзниковъ, вымогательства, контрибуціи; въ нѣкоторые города посылались снова аѳинскія должностныя лица съ гарнизонами и даже клерухи, что̀ прямо противорѣчило союзному соглашенію. И союзники отлагаются отъ Аѳинъ. Эта „Союзническая война“ для аѳинянъ была неудачна. Въ теченіе ея они лишились лучшихъ своихъ вождей—Хабрія, который палъ на войнѣ, Ификрата и Тимоѳея, которые подверглись суду. Война эта стоила аѳинянамъ большого напряженія силъ и большихъ расходовъ на снаряженіе флота. Въ связи съ нею находится реформа такой повинности, какъ снаряженіе кораблей, тріэрархія.

Прежде тріэрархія падала всею своею тяжестью на сравнительно немногихъ, отдѣльныхъ гражданъ: корабль снаряжало одно лицо. Понятно, какъ тяжела была такая повинность, особенно во время финансоваго и экономическаго кризиса, при обѣднѣніи гражданъ. Во время Союзнической войны симміріи, о которыхъ раньше упомянуто, распространены были и на тріэрархіи: назначалось 1200 наиболѣе богатыхъ гражданъ, которые раздѣлялись на 20 симміорій, по 60 членовъ въ каждой, и эти симміріи сообща должны были снаряжать требуемое число тріэръ.

Финансовые вопросы. Въ ту пору финансовый вопросъ въ Аѳинахъ былъ вообще на первомъ планѣ. Война при помощи наемниковъ обходилась очень дорого. Придумывались мѣры для изысканія средствъ и доходовъ, для пополненія нерѣдко пустой казны, вносились предложенія... Учреждена коммиссія по

разысканію долговъ государству и начался рядъ процессовъ. Составлялись проекты и въ тогдашней литературѣ. Есть, напр., сочиненіе „О доходахъ", приписываемое Ксенофонту. Авторъ между прочимъ предлагаетъ улучшить положеніе метэковъ, привлечь ихъ въ Аѳины, предоставивъ льготы, право пріобрѣтать мѣста, которыхъ много пустопорожнихъ въ городѣ, и т. под. Онъ говоритъ о поощреніи торговли. Хорошо было бы также, по его мнѣнію, построить напр. торговыя помѣщенія, лавки, гостиницы. Государство должно выступить въ роли крупнаго предпринимателя. Особенно же авторъ рекомендуетъ разработку серебряныхъ рудниковъ посредствомъ рабовъ, которыхъ надо пріобрѣсти побольше, чтобы на каждаго аѳинянина пришлось по три раба и чтобы всякій могъ нанимать ихъ у государства. Авторъ увѣренъ, что если дѣло организовать такъ, какъ онъ проектируетъ, то всѣмъ аѳинянамъ хватитъ содержанія отъ государства. Нужда, бѣдность исчезнетъ. Авторъ рекомендуетъ своего рода государственный соціализмъ. Но при этомъ необходимое условіе процвѣтанія Аѳинъ—миръ. Множество лицъ заинтересовано въ его установленіи и поддержаніи. Путемъ мира Аѳины скорѣе могутъ достичь и гегемоніи, безъ труда, опасностей и затратъ.

Миръ проповѣдывалъ въ то время и извѣстный публицистъ — Исократъ.

Евбулъ. Въ трактатѣ „О доходахъ" и въ рѣчи Исократа „О мирѣ" ясно выразилось настроеніе, которое овладѣло аѳинскимъ обществомъ во время Союзнической войны, и мирная программа Исократа была, можно сказать, выполнена. Аѳины заключили миръ съ отпавшими союзниками. Второй союзъ распался (355 г.), просуществовавъ немного больше двадцати лѣтъ. На встрѣчу общественному настроенію пошелъ Евбулъ, который пользозался господствующимъ вліяніемъ въ Аѳинахъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Онъ былъ сторонникомъ мира и главное вниманіе его обращено было на финансы, на ихъ упорядоченіе, пополненіе казны и поднятіе матеріальнаго благосостоянія Аѳинъ; а съ другой стороны, съ его именемъ связано непомѣрное развитіе ѳеорикона, подъ которымъ тогда подразумѣвали не только „зрѣлищныя деньги", но и другія денежныя раздачи народу.

Ежегодно смѣнявшемуся составу совѣта трудно было вести послѣдовательную финансовую политику. Уже давно чувствовалась необходимость въ сосредоточеніи и объединеніи финансоваго управленія. Еще до Евбула, въ первой половинѣ IV в., встрѣчается должность „казначея демоса", который завѣдывалъ суммами, находившимися въ распоряженіи народа, иначе народнымъ бюджетомъ. Союзническая война должна была еще болѣе вызвать сознаніе необходимости такого сосредоточенія, упорядоченія и объединенія бюджета. Реформа въ этомъ направленіи и произведена при Евбулѣ. Если прежде на первомъ мѣстѣ, по своему вліянію, среди должностныхъ лицъ стояли въ-старину архонты, а потомъ—стратеги, то теперь самыми вліятельными лицами въ Аѳинахъ являются финансовые дѣятели, подобные Евбулу. Онъ былъ завѣдующимъ кассой ѳеорикона, но ему подвѣдомственно было все финансовое управленіе. Всѣ излишки доходовъ или остатки отъ расходовъ должны были поступать въ кассу ѳеорикона. Евбулу приписываютъ законъ, по которому смертная казнь грозила тому, кто предложитъ употребить „ѳеориконъ" на войну.

Никогда еще ѳеориконъ не достигалъ такихъ размѣровъ и не раздавался съ такою щедростью, какъ при Евбулѣ. Но отдавая излишки массѣ, въ видѣ ѳеорикона, Евбулъ, по словамъ его защитниковъ, сохранялъ другія финансовыя статьи: если обезпеченъ былъ ѳеориконъ отъ какихъ-либо посягательствъ на него, то обезпечены были и другія суммы. По выраженію одного новѣйшаго изслѣдователя, Евбулъ бросалъ толпѣ кость, чтобы спасти остальное.

2. *Внутреннее состояніе Аѳинъ въ IV в.*

Борьба партій и процессы. Хотя въ Аѳинахъ послѣ низложенія Тридцати болѣе не существуетъ олигарховъ, какъ организованной политической партіи, и въ самомъ государственномъ строѣ не совершается уже крупныхъ перемѣнъ, тѣмъ не менѣе и въ IV в. мы здѣсь наблюдаемъ внутреннюю борьбу, которая ведется подчасъ съ большимъ ожесточеніемъ. Обыкновенно ею сопровождаются перемѣны во внѣшней политики Аѳинъ и борьба носитъ

характеръ политическій; иногда она принимаетъ характеръ соціально-экономическій, классовый, а иногда трудно даже уловить крупную, руководящую причину ея: дѣло, повидимому, идетъ не столько о программахъ, сколько о личномъ честолюбіи и соперничествѣ, алчности и интригахъ. Эта внутренняя борьба находитъ себѣ выраженіе въ многочисленныхъ процессахъ стратеговъ, государственныхъ дѣятелей, пословъ и частныхъ лицъ,—процессахъ, которые въ IV в. въ Аѳинахъ происходятъ еще чаще, нежели во время Пелопоннесской войны. Призванъ былъ къ отвѣту и Ѳрасибулъ, которому Аѳины такъ обязаны были своимъ освобожденіемъ отъ тиранніи Тридцати и возстановленіемъ демократіи. Демагоги видѣли въ немъ чуть не аристократа и даже скрытаго тиранна: аѳиняне на этотъ счетъ отличались большою подозрительностью; по выраженію Аристофана, тиранніи была въ бо́льшемъ ходу на рынкѣ, чѣмъ соленая рыба. Враги Ѳрасибула воспользовались жалобами на него изъ-за поборовъ и контрибуцій, къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть, чтобы содержать флотъ; смерть освободила его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Жертвой судебнаго приговора палъ и талантливый государственный дѣятель, ораторъ Каллистратъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Аѳинахъ въ 70-хъ и 60-хъ годахъ IV в. Онъ былъ присужденъ къ смерти и бѣжалъ въ Македонію; когда же спустя нѣсколько лѣтъ попытался вернуться въ Аѳины и въ качествѣ умоляющаго сѣлъ у алтаря боговъ, то надъ нимъ приведенъ былъ въ исполненіе смертный приговоръ. Такъ погибъ государственный дѣятель, котораго нѣкоторые сравниваютъ съ Перикломъ. Нерѣдко процессы велись просто съ цѣлью пополнить пустую казну, достать средства для выдачи платы присяжнымъ и т. под. Система конфискацій теперь особенно часто стала практиковаться.

На раздачу ѳеорикона, праздничныхъ и иныхъ подачекъ народу шли непомѣрныя суммы. Хотя бы казна была пуста, доходы уменьшались, но народная масса все-таки ждала празднествъ, зрѣлищъ и денежныхъ раздачъ. Къ прежнимъ раздачамъ присоединилась еще плата за участіе въ народномъ собраніи. Все болѣе и болѣе примѣнялась та точка зрѣнія, что кто не имѣетъ извѣстнаго дохода, того должно содержать государство. Государственный соціализмъ не былъ чуждъ тому времени.

Соціальныя отношенія. Уже предъ древними греками стояла соціальная задача. Общее экономическое положеніе ухудшилось. Жизнь стала дороже; цѣны повысились. Демократія гордилась своею свободою и равенствомъ, но въ ней немало было бѣдняковъ, терпѣвшихъ тяжелую участь. Наряду съ культурнымъ блескомъ наблюдаются признаки соціальнаго разложенія. Усилилась противоположность между бѣднымъ и богатымъ. Тогдашнее общество можно назвать до нѣкоторой степени капиталистическимъ. Самое слово „плутократія", „господство богатыхъ", было уже извѣстно въ Аѳинахъ: мы встрѣчаемъ его у Ксенофонта. Съ одной стороны мы видимъ богачей, торжество капитализма, съ другой—ихъ обычныхъ спутниковъ, увеличивающуюся бѣдность, пролетаріевъ. Государство, по выраженію Платона, распалось надвое—на бѣдныхъ и богатыхъ, которые жили вмѣстѣ, но были враждебны другъ другу. Это—два непріятельскихъ лагеря. Борьба между ними была ожесточенная. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Греціи общество находилось въ состояніи, которое тотъ-же Платонъ характеризуетъ словами: „война всѣхъ противъ всѣхъ". По свидѣтельству другого древняго писателя, народъ тамъ тѣшился избіеніемъ богатыхъ и, устраивая побоище, радовался сильнѣе, нежели иные радуются, избивая непріятеля. Внѣшняго врага боялись меньше, чѣмъ своихъ же согражданъ. „Богачи готовы были скорѣе бросить свое состояніе въ море, чѣмъ отдать бѣднымъ, а бѣдные ничего такъ не желали, какъ ограбить богатыхъ". Олигархи клялись быть злѣйшимъ врагомъ демосу и вредить ему чѣмъ только можно, а демагоги увѣряли, что высшее сословіе на родинѣ хуже иноземнаго непріятеля—прирожденные враги бѣднаго человѣка. Платонъ ярко, образно изображаетъ настроеніе разоренныхъ въ обществѣ, гдѣ господствуетъ плутократія, гдѣ идоломъ служатъ золото и серебро, гдѣ жажда стяжанія непрерывно растетъ, гдѣ одни чрезмѣрно богаты, а другіе—крайне бѣдны, и гдѣ наряду съ богачами и круглыми бѣдняками появляются праздные лѣнтяи и расточители, которыхъ онъ сравниваетъ съ трутнями, съ тою разницею, что у пчелъ трутни безъ жала, а двуногіе трутни есть и съ жаломъ. И вотъ, говоритъ Платонъ, сидятъ обѣднѣвшіе въ городѣ, снабженные жаломъ и вооруженные, одни обремененные долгами, другіе лишившіеся правъ, третьи испытывая

то и другое, и они ненавидятъ завладѣвшихъ ихъ состояніемъ и всѣхъ остальныхъ, злоумышляютъ противъ нихъ и жаждутъ переворота. А ростовщики, нагнувшись и какъ-бы не видя ихъ, каждаго новаго поддающагося имъ ранятъ, впуская серебро, и наживая огромные проценты, увеличиваютъ въ городѣ число тунеядцевъ и нищихъ.

Въ Аѳинахъ, правда, положеніе не было такъ тяжко, противоположности и крайности не выступали такъ рѣзко; но и здѣсь, хотя и въ меньшей степени, наблюдаются признаки соціальнаго разложенія, классовая борьба, ухудшеніе благосостоянія массы. Подчасъ и богатымъ жилось не лучше. „Ни одинъ изъ гражданъ не живетъ пріятно и беззаботно; но городъ полонъ отчаянія", говоритъ Исократъ. „Одни жалуются на бѣдность и нужду и голосятъ, другіе жалуются на множество распоряженій и повинностей, на бѣды отъ нихъ, и это причиняетъ такое горе, что имѣющимъ состояніе хуже живется, чѣмъ бѣднякамъ". Слышались горькія жалобы на несправедливое распредѣленіе мірскихъ благъ, богатства. Въ комедіи Аристофана „Плутосъ" („Богатство") богобоязненный и честный земледѣлецъ Хремилъ бѣденъ, живетъ плохо; его сосѣди, такіе же поселяне, трудятся въ потѣ лица и терпятъ нужду; они жалуются, что честные голодаютъ, а другіе— „святотатцы, ораторы, сикофанты", шпіоны и доносчики, „и дурные люди" богатѣютъ. Дѣло въ томъ, что Плутосъ, богъ богатства, слѣпъ и слѣпо распредѣляетъ свои дары. Хремилъ, встрѣтившись съ нимъ, ведетъ его къ себѣ въ домъ и обращается потомъ къ Асклепію, богу врачеванія, чтобы тотъ исцѣлилъ Плутоса отъ слѣпоты. Встревоженная этимъ Пенія (Бѣдность) старается отговорить Хремила отъ такого „безразсудства", ибо она и есть виновница всѣхъ благъ, побудительница къ труду и энергіи: безъ нея вѣдь не было бы ни знаній, ни искусствъ; не будь ея, кто сталъ бы работать? Но Хремила это не убѣждаетъ; онъ напоминаетъ о бѣднякахъ, которые отъ холода ищутъ убѣжища въ баняхъ; лохмотья имъ служатъ плащомъ, мѣшокъ съ соломой, полный клоповъ,—постелью, прогнившая плетенка—ковромъ, камень—подушкой, горло разбитаго кувшина—скамьей, бокъ поломанной бочки—квашней; вмѣсто хлѣба они питаются стеблями растеній, вмѣсто ячменной лепешки—завядшею зеленью рѣдьки...

Кумммунистическія воззрѣнія. Уже тогда раздавались голоса: кто самъ не работаетъ, тотъ пусть и не ѣстъ; справедливъ только тотъ, кто живетъ трудами рукъ своихъ. Съ завистью и злобой смотрѣли бѣдняки на богатыхъ. По словамъ Аристотеля, равные въ одномъ отношеніи—именно въ отношеніи свободы—думали, что они должны быть равны и во всемъ: за политическимъ равенствомъ должно было слѣдовать и равенство соціальное. Возникали мечты о новомъ, лучшемъ мірѣ, объ общественномъ строѣ, основанномъ на имущественномъ равенствѣ, на общности имущества; создавались проекты коренного переустройства государства и общества на новыхъ началахъ.

Состояніе не составляетъ полной собственности людей, говорилось въ одной пьесѣ Еврипида; оно дано свыше лишь для временнаго управленія, для пользованія. Одинъ изъ политическихъ мыслителей того времени требовалъ, чтобы вся земельная собственность была уравнена, и тогда не будетъ преступленій, которыя порождаетъ „голодъ и холодъ". Платонъ въ собственности видитъ источникъ несогласій, раздоровъ, раздѣленія общества на части. Для достиженія большей цѣльности и единства онъ въ своемъ „Государствѣ" не допускаетъ собственности для высшихъ классовъ—правителей и стражей или воиновъ—и вводитъ для нихъ коммунизмъ, общность не только имущества, но и женъ и дѣтей. Этотъ коммунизмъ не простирается однако на массу простого населенія, обязаннаго содержать своимъ трудомъ высшіе классы, дабы послѣдніе были свободны отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ и всецѣло отдавали себя на служеніе государству. И состоялъ этотъ коммунизмъ скорѣе въ суровомъ отреченіи отъ пользованія матеріальными благами, нежели въ пользованіи ими. Платонъ вовсе не считалъ жизнь стражей въ его идеальномъ государствѣ блаженною: интересы, счастье отдѣльнаго лица у него приносятся въ жертву цѣлаго, общества, государства.

Насколько коммунистическіе воззрѣнія и планы были распространены въ тогдашнемъ обществѣ, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что Аристофанъ избралъ ихъ темой для своей комедіи: „Женское народное собраніе"; онъ этого не сдѣлалъ бы, если бы въ публикѣ не было интереса къ нимъ. Женщины, переодѣвшись въ мужское платье и подвязавъ бороды, крадучись,

тайкомъ отъ мужей, еще до разсвѣта, отправляются въ народное собраніе и тамъ, принимая во вниманіе, что при главенствѣ мужчинъ государство терпитъ бѣдствія, каждый заботится только о себѣ, а объ общемъ—никто, и „дабы не оставить неиспробованнымъ послѣдняго новшества", постановляютъ: передать управленіе государствомъ женщинамъ и устроить его на совершенно новыхъ основаніяхъ—на началахъ коммунистическихъ, общности женъ—или, вѣрнѣе, мужей—и имущества. Гражданка Праксагора, вождь и душа всего предпріятія, въ разговорѣ со своимъ мужемъ развиваетъ свой планъ и разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія и недоумѣнія. Ее смущаетъ только одно—согласятся ли аѳиняне принять эти новшества? Но мужъ спѣшитъ успокоить ее на этотъ счетъ: у аѳинянъ, говоритъ онъ, новшество и презрѣніе къ унаслѣдованнымъ порядкамъ считается правительственною мудростью. Государство, увѣряетъ Праксагора, станетъ счастливымъ, не будетъ ни преступленій, ни зависти, ни нагого, ни бѣднаго никого, ни грубой брани, ни заклада имущества. Все будетъ общимъ и каждый будетъ жить на общій счетъ, а не такъ, какъ теперь, когда одинъ богатѣетъ, а другой бѣдствуетъ; одинъ имѣетъ много земли, а у другого нѣтъ мѣста даже для могилы; у одного много рабовъ, а у другого нѣтъ ни одного слуги. Отнынѣ жизнь для всѣхъ будетъ общею, одинаковою. Прежде всего земля объявляется общимъ достояніемъ, а затѣмъ и деньги, и все, что у кого есть, сдается въ общую кассу, изъ которой женщины будутъ кормить и содержать мужей. Никто не будетъ работать изъ бѣдности (на это есть рабы, безъ которыхъ не обходится и новое, коммунистическое общество), ибо всѣ имѣютъ все необходимое—хлѣбъ, соленую рыбу, ячменныя лепешки, одежду, вино, вѣнки, бобы... Гражданамъ остается только пировать. Ни грабежей, ни воровства не будетъ, такъ какъ все, вѣдь, общее: кто жо станетъ красть свое? Не будетъ ссоръ и тяжбъ. Если кто пожелаетъ имѣть плащъ, ему добровольно отдадутъ; изъ-за чего спорить, когда другой, еще лучшій, можно получить изъ общаго склада. Образъ жизни для всѣхъ будетъ общій; государство составитъ какъ-бы одинъ домъ. Судовъ не будетъ. Судебныя мѣста и портики превращаются въ общественныя залы. На ораторскихъ трибунахъ будутъ стоять сосуды съ яствами и питьемъ, на площади—урны съ жребіями, но не

для того, чтобы избирать судей или должностныхъ лицъ, а для того, чтобы распредѣлить пирующихъ по разнымъ помѣщеніямъ, согласно вынутой изъ урны буквѣ (номеру). Первый же день введенія новаго порядка долженъ быть ознаменованъ роскошнымъ пиромъ, къ которому и призываетъ глашатай. Одна изъ сценъ показываетъ, какъ приводилось въ исполненіе новое постановленіе. Появляется два гражданина. Одинъ спѣшно собираетъ свое имущество, чтобы добросовѣстно исполнить новый законъ и сдать это имущество въ общую казну. Другой, очевидно, себѣ на умѣ: онъ, по его словамъ, не такъ простъ, чтобы спѣшить, и выжидаетъ, какъ будетъ исполняться приказаніе прочими и не помѣшаетъ ли какой-нибудь случай, напр. землетрясеніе, осуществленію нововведенія. Зато, когда раздался призывъ глашатая на пиръ, онъ первый спѣшитъ на этотъ призывъ, „чтобъ при своемъ имуществѣ остаться, а въ пирѣ все-жъ участіе принять".

Произведеніе Аристофана—комедія, цѣль которой—насмѣшить зрителей. Но и философъ Аристотель въ своей „Политикѣ" считаетъ нужнымъ остановиться на коммунистическихъ проектахъ и подвергнуть ихъ критикѣ. Очевидно, что они обращали на себя вниманіе.

Аристотель указываетъ на трудность и даже невозможность осуществленія ихъ. „Конечно", говоритъ онъ, „при созданіи проекта идеальнаго государства, можно предполагать все, что угодно, но и въ этихъ предположеніяхъ должно все-таки не выставлять завѣдомо неисполнимаго". Еще вопросъ, „будетъ ли лучше, если собственность и пользованіе ею станутъ общими". По мнѣнію Аристотеля, самое существованіе тогда стало бы невыносимымъ. Такая система кажется привлекательною на видъ, какъ основанная на гуманныхъ началахъ; за нее радостно могутъ ухватиться, думая, что при ней наступитъ удивительная всеобщая любовь; особенно къ ней будутъ склоняться, когда кто-либо станетъ изобличать то зло, которое существуетъ въ современномъ обществѣ. Но на самомъ дѣлѣ осуществленіе ея повело бы къ еще большимъ раздорамъ, взаимному неудовольствію и упрекамъ: такъ какъ равенства въ работѣ и въ ея результатахъ провести нельзя, то неизбѣжно возникаютъ упреки по отношенію къ тѣмъ, кто много дѣлаетъ или много получаетъ, хотя и мало трудится, со

стороны тѣхъ, кто меньше получаетъ, а работаетъ больше. Человѣку присуще чувство собственности; о своемъ заботятся усерднѣе, чѣмъ объ общемъ, о томъ, что̀ принадлежитъ многимъ. Не можетъ быть счастливо государство, въ которомъ значительная часть, если не всѣ, поставлена въ такія условія, что не можетъ наслаждаться счастьемъ. Самъ Платонъ говоритъ, что его стражи лишены счастья, но кто тогда счастливъ? Не ремесленники же, не масса, содержащая своимъ трудомъ высшіе классы. Безполезно равнять земельную собственность, если прочія условія остаются неизмѣнными. Если ввести равенство земельныхъ надѣловъ и не упорядочить числа дѣторожденій, то установленное равенство всеравно нарушится, а это неизбѣжно вновь поведетъ къ обѣднѣнію. Установленіе имущественнаго равенства не спасетъ отъ внутренней борьбы: люди будутъ все-таки домогаться власти, почестей или денегъ. Если масса волнуется вслѣдствіе имущественнаго неравенства, то честолюбцы—изъ-за почестей и власти. По наблюденію Аристотеля, „величайшія преступленія совершаются людьми вслѣдствіе стремленія къ преизбытку, а не къ предметамъ первой необходимости. Никто еще не сдѣлался тиранномъ изъ-за того, что ему было холодно и голодно“.

Отношеніе философовъ къ демократіи. Между демократіей съ одной стороны и философами, вообще умственною аристократіею того времени съ другой обнаруживалась все бо̀льшая и бо̀льшая бездна. Умственная аристократія въ IV в. отшатнулась отъ демократіи, и въ тогдашней литературѣ преобладаетъ направленіе, враждебное демократіи: послѣдняя подвергается суровой критикѣ и не она служитъ политическимъ идеаломъ.

Платонъ. Демократія, говоритъ Платонъ въ своемъ „Государствѣ“, кажется прекраснѣйшею формою правленія: она подобна пестрому платью, изукрашенному всевозможными цвѣтами. Въ ней всѣ могутъ дѣлать, что̀ хотятъ. Желаешь управлять государствомъ,—управляй, для этого не надо способностей или подготовки; нѣтъ надобности подчиняться, если не хочешь этого; нѣтъ нужды воевать, когда другіе воюютъ, или заключать миръ, когда другіе заключаютъ. Если законъ запре-

щаетъ тебѣ судить и управлять, ты все-таки можешь, когда тебѣ угодно, судить и управлять. Къ осужденнымъ преступникамъ здѣсь милостивы: приговоренные къ смерти или къ изгнанію остаются, ходятъ открыто, выступаютъ героями. Тутъ все можно попирать ногами, лишь бы ладить съ народомъ.

Такая демократія, по Платону, вырождается въ тираннію. Ее губитъ ненасытная жажда свободы и пренебреженіе ко всѣмъ прочимъ благамъ. Горя жаждой свободы, она попадаетъ въ руки дурныхъ виночерпіевъ: тѣ даютъ народу испить чашу несмѣшанной свободы, и охмелѣвшій демосъ подымается противъ властей, обвиняетъ ихъ, какъ преступниковъ; презираетъ, какъ раболѣпныхъ, тѣхъ, кто повинуется властямъ, и прославляетъ тѣхъ, кто равняетъ правителей и управляемыхъ. Анархія, безначаліе и безпорядокъ вселяется въ частную жизнь, проникаетъ всюду. Тутъ отецъ равняется съ сыномъ, боится его, а сынъ не боится и не стыдится родителей; учитель боится и льститъ ученикамъ, а ученики презираютъ учителей. Старики, чтобы не показаться отсталыми и деспотами, подобострастны и вкрадчивы по отношенію къ молодежи. Граждане здѣсь особенно чувствительны: малѣйшій намекъ на рабство ихъ раздражаетъ. Дабы никому и ни подъ какимъ видомъ не быть подвластными, они ни во что не ставятъ законы писанные и неписанные.

Но одна крайность, продолжаетъ Платонъ, рождаетъ другую, противоположную. Такъ бываетъ въ природѣ, такъ и въ государственномъ строѣ. Разнузданная свобода приводитъ къ рабству; изъ демократіи возникаетъ тираннія, изъ крайней свободы—величайшее, жесточайшее рабство. Происходитъ это такъ. Демосъ, частью живущій собственнымъ трудомъ, частью безработный, мало имущій, но сильный своимъ числомъ, беретъ верхъ. Стоящіе во главѣ его отымаютъ состояніе у имущихъ, распредѣляютъ его между народомъ, большую часть оставляя себѣ. Подвергшіеся экспропріаціи стараются защитить себя. Тогда ихъ обвиняютъ въ стремленіи къ олигархіи, въ заговорѣ противъ народа, и тѣ, видя, что народъ, по невѣжеству и поддаваясь обману, творитъ надъ ними неправду, волей неволей дѣйствительно становятся олигархами. Начинаются доносы, процессы, взаимная борьба. Во главѣ демоса является какой-либо вождь, и народъ

его питаетъ и выращиваетъ. Такъ вырастаетъ тираннія—изъ предстательства, изъ демагогіи. Предстатель, защитникъ и вождь демоса—вотъ изъ кого рождается тираннъ. Онъ изгоняетъ и казнитъ своихъ согражданъ, „оскверняя свои уста и нечестивый языкъ ихъ кровью", обѣщаетъ народу прощеніе долговъ, раздѣлъ земель; онъ не останавливается ни передъ чѣмъ; сама необходимость, сама судьба понуждаетъ его либо самому погибнуть отъ враговъ, либо тиранствовать и изъ человѣка стать волкомъ.

Такъ демосъ, говоритъ Платонъ, „убѣгая отъ дыма рабства, попадаетъ въ огонь деспотіи" и вмѣсто крайней свободы подвергается въ тягчайшее и горькое рабство. Но „когда-нибудь народъ пойметъ, какое чудовище онъ родилъ, взлелѣялъ и возвеличилъ!"

Платонъ не только противъ демократіи IV в., ему современной; онъ—противникъ демократіи вообще, онъ—противъ всего того направленія, которое приняла исторія Аѳинъ. Платонъ сравнивалъ современное ему государство съ кораблемъ, на которомъ пассажиры спорятъ за власть, каждый знающій и незнающій считаетъ себя призваннымъ управлять кораблемъ, каждый хватается за руль, а знающаго и способнаго кормчаго выбрасываютъ за бортъ. Платонъ осуждаетъ, когда каждый берется не за свое дѣло, когда люди, призванные къ ремеслу и не смыслящіе въ управленіи, хватаются за власть. Онъ говорилъ: пока не будутъ или философы править, или нынѣшніе правители не станутъ философами, до тѣхъ поръ не будетъ совершеннаго, образцоваго государства. Въ „Государствѣ" Платона правятъ философы, оберегаютъ его стражи, воины, а остальное населеніе—ремесленники, земледѣльцы—содержатъ эти два высшихъ класса. Правители и стражи не имѣютъ собственности; у нихъ все общее, даже жены и дѣти. Таково идеальное государство Платона.

Аристотель. Аристотель различалъ четыре, если не пять видовъ демократіи, начиная съ умѣренной, въ которой всѣ—и богатые, и бѣдные—обладаютъ одинаковыми правами и въ которой господствуетъ законъ, и кончая крайней, гдѣ царитъ толпа, гдѣ властвуютъ демагоги и гдѣ рѣшающую силу имѣютъ не законы, а псефизмы, декреты народнаго собранія. Въ

такой демократіи, говоритъ онъ, народъ становится многоголовымъ деспотомъ. Демократія эта походитъ на тираннію. Подобно послѣдней, она деспотически расправляется съ лучшими гражданами, и у нея въ почетѣ демагоги, какъ въ монархіи льстецы, ибо демагогъ и льстецъ—это одно и то-же: „демагогъ есть льстецъ демоса". Тутъ демосъ господинъ надъ всѣмъ, а надъ нимъ, надъ его рѣшеніями, господа они, демагоги, имѣющіе въ виду лишь интересы минуты и льстящіе толпѣ, которая и слушаетъ ихъ. Изъ рядовъ демагоговъ, по словамъ Аристотеля, выходила и большая часть древнихъ тирановъ.

Разныя виды демократіи, по Аристотелю, зависятъ отъ преобладанія того или другого класса населенія. Лучшая демократія—та, гдѣ демосъ земледѣльческій; „корабельной черни" Аристотель не любитъ. Онъ—сторонникъ середины: тотъ строй хорошъ и проченъ, въ которомъ средній классъ многочисленъ; это—лучшая основа государства и опора государственнаго порядка. Демократіи, по мнѣнію Аристотеля, подвергаются переворотамъ большею частью вслѣдствіе наглости демагоговъ, которые сикофантствуютъ противъ имѣющихъ состояніе, натравливаютъ на нихъ народную массу, причиняютъ обиды знатнымъ, производятъ раздѣлъ ихъ имѣній, истощаютъ ихъ доходы повинностями, литургіями, клевещутъ, дабы конфисковать ихъ имущество, и тѣмъ побуждаютъ ихъ возставать; демагоги раздѣляютъ городъ надвое...

Демагоги вызываютъ неудовольствіе не однихъ философовъ. Удивляюсь, пишетъ напр. Исократъ, обращаясь къ аѳинянамъ, какъ вы не видите, что нѣтъ рода болѣе злонамѣреннаго въ отношеніи къ массѣ, чѣмъ демагоги: они съ величайшимъ удовольствіемъ готовы видѣть всѣхъ гражданъ въ нуждѣ, благодаря которой они царятъ. Они думаютъ не о томъ, чтобы нуждающимся доставить средства къ жизни, а о томъ, чтобы тѣхъ, кто имѣетъ повидимому какое-либо состояніе, уравнять съ нуждающимися и т. д.

Такъ, въ IV в. ясно обнаружился разрывъ между тогдашнею демократіею и умственною аристократіею.

Многіе, разочаровавшись въ демократіи, обращаютъ свое вниманіе на Спарту и видятъ въ ней образецъ, достойный подражанія,—господство доблести, добрыхъ нравовъ, дисциплины, всего того, чего, казалось, такъ недоставало тогдашнимъ Аѳинамъ,

видятъ государственный порядокъ, прочный и неизмѣнный, не испытывающій колебаній и потрясеній, внутренней борьбы и смутъ, свободный отъ демагоговъ, и не замѣчаютъ тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдала Спарта,—того, что̀ скрывалось подъ покровомъ этой незыблемости и постоянства. Поклонниками Спарты были Платонъ, Ксенофонтъ и другъ.

Монархическія воззрѣнія. Среди ожесточенной борьбы партій и классовъ въ греческомъ обществѣ начинаетъ ощущаться потребность во власти, которая служила бы защитой какъ противъ капиталистовъ, такъ и противъ черни. Государственная власть была представительницей классовыхъ интересовъ, являлась потребность въ посредникѣ, и какъ въ обществѣ, такъ и въ тогдашней литературѣ начинаютъ распространяться монархическія воззрѣнія. Этому способствовало и преклоненіе предъ сильною личностью, проповѣдованіе права сильнаго. Многіе спасенія ждутъ отъ отдѣльной сильной личности. Платонъ надѣялся осуществить свой проектъ образцоваго государства при помощи сиракузскаго *тирана* Діонисія. Исократъ съ своими посланіями, рѣчами и похвальными словами, съ своими программами и совѣтами нерѣдко обращался къ царственнымъ лицамъ.

Но особенно явственно монархическія воззрѣнія обнаруживаются у Ксенофонта. Въ „Киропедіи“, являющейся своего рода историко-политическимъ романомъ, онъ желаетъ представить образецъ монарха, при чемъ за такой образецъ беретъ личность царя *персидскаго,* Кира. Онъ сопоставляетъ людей и стада животныхъ. Обязанности хорошаго пастуха и хорошаго царя, по его мнѣнію, сходны: пастухъ, чтобы пользоваться своими стадами, долженъ сдѣлать ихъ счастливыми, насколько только овцы могутъ быть счастливы, и царь долженъ сдѣлать счастливыми города и людей, если желаетъ пользоваться ими.

Итакъ, царь—пастухъ, а подданные—стадо,—таковъ идеалъ, до котораго дошелъ аѳинянинъ Ксенофонтъ. „Плохо было жить въ Греціи“, замѣчаетъ по этому поводу одинъ русскій авторъ, „когда ученикъ Сократа въ подобномъ устройствѣ способенъ былъ видѣть идеалъ государства“.

Греція въ IV в. была богата силами и талантами на различныхъ поприщахъ. Но политически она была раздроблена и слаба; внутри были разладъ, борьба классовъ. Въ глазахъ многихъ подымался страшный призракъ всеобщаго переворота и анархіи. Спасенія ждали отъ диктатуры. Одни—въ Сициліи—нашли ее въ тиранніи, другіе—въ собственной Элладѣ—въ господствѣ Македоніи. Этому господству проложили, такимъ образомъ, путь внутреннее разложеніе въ Греціи, раздоры, опасенія состоятельныхъ классовъ.

3. Аѳины и Филиппъ Македонскій.

Македонія. Вопросъ о происхожденіи македонянъ—давній и все еще невыясненный. Одни считаютъ ихъ народомъ, чуждымъ грекамъ, другіе—греческимъ племенемъ, третьи—народомъ, родственнымъ эллинамъ, и послѣднее мнѣніе, повидимому, ближе къ истинѣ. Сообразно съ этимъ одни говорятъ, что македоняне уничтожили греческую свободу, другіе—что они объединили грековъ. Въ культурномъ отношеніи македоняне во всякомъ случаѣ стояли ниже грековъ и ихъ бытъ, ихъ политическій строй въ IV в. значительно отличался отъ греческаго. Городская жизнь въ Македоніи не была развита. Здѣсь былъ многочисленный крестьянскій классъ и главное занятіе жителей составляло земледѣліе и скотоводство. Въ Македоніи существовала царская власть; но македонскій царь не былъ восточнымъ деспотомъ. Его окружало вліятельное дворянство и его можно сравнить съ царемъ гомерическаго времени или съ королемъ древнихъ германцевъ. Македоняне были народъ храбрый, полный силъ и энергіи; но нравы ихъ были суровы, даже дики, и во время смутъ и междоусобій, довольно частыхъ въ Македоніи, происходили кровавыя сцены.

Конецъ смутамъ положилъ Филиппъ II (359 г.—336 г.).

Филиппъ. Филиппъ въ юности прошелъ суровую школу несчастій. Одно время онъ находился въ Ѳивахъ, въ качествѣ заложника, и тутъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ сильными и слабыми сторонами тогдашней Греціи, съ ея культурой, съ ея усовершенствованнымъ военнымъ дѣломъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ съ ея политическою слабостью. Филиппъ не увлекался такими широкими и, казалось, фантастическими планами, какъ его знаменитый сынъ Александръ; его умъ былъ болѣе трезвъ. Но онъ обладалъ большою проницательностью, смѣлостью и энергіей, необыкновенною настойчивостью въ достиженіи цѣли. Вступивъ на престолъ, Филиппъ быстро справился съ окружавшими его немалыми затрудненіями и опасностями,—побѣдилъ соперниковъ и сосѣднихъ внѣшнихъ враговъ—ѳракійцевъ, иллирійцевъ,—и принялся за организацію военной силы, за преобразованіе македонскаго войска. Онъ усовершенствовалъ знаменитую *фалангу,* тяжелую пѣхоту, вооруженную длинными копьями.

Жизненнымъ вопросомъ для Македоніи было получить выходъ къ морю, добиться обладанія береговою полосою, которая усѣяна была греческими колоніями. Къ этой цѣли давно уже стремились македонскіе цари. Эту цѣль поставилъ себѣ и Филиппъ и съ удивительною настойчивостью и ловкостью достигаетъ ея.

Филиппъ началъ съ Амфиполя, основаннаго аѳинянами въ вѣкъ Перикла и потомъ утраченнаго ими во время Пелопоннесской войны. Съ тѣхъ поръ имъ никакъ не удавалось возвратить себѣ этотъ городъ. И вотъ Филиппъ входитъ въ соглашеніе съ аѳинянами: онъ обѣщаетъ завоевать Амфиполь *для нихъ,* а тѣ въ вознагражденіе за это обѣщаютъ предоставить ему другой городъ, Пидну. Но овладѣвъ Амфиполемъ, Филиппъ удерживаетъ его за собой, а затѣмъ беретъ и Пидну. Тогда раздраженные аѳиняне вступаютъ въ войну съ Филиппомъ (357—346 г).

Но едва только началась эта война, какъ отъ аѳинянъ отложились недовольные союзники ихъ, о чемъ было упомянуто (стр. 183). Понятно, что ведя войну съ союзниками и при томъ направленіи, которое господствовало въ Аѳинахъ при Евбулѣ (стр. 184), аѳиняне не могли успѣшно бороться съ Филиппомъ. Сосредоточеніе силъ и политики въ однѣхъ рукахъ и военная организація давали перевѣсъ Филиппу. Самъ противникъ его, ораторъ Демосѳенъ, отмѣчаетъ противоположность между нимъ и аѳинянами: съ одной стороны, македонскій царь, какъ единый властитель, ни передъ кѣмъ не отвѣтственный, въ одно и то же время самъ полководецъ и министръ финансовъ, всюду поспѣвающій, всюду являющійся съ войскомъ, пользующійся каждымъ временемъ

года, всякимъ удобнымъ моментомъ; съ другой—аѳинскій демосъ, „непостоянный, туда и сюда обращающійся, словно вѣтеръ на морѣ"; онъ медлитъ, дѣлаетъ постановленія, узнаетъ только тогда, когда противникъ уже находится на важномъ мѣстѣ, рѣшаетъ выступить противъ него, никогда его не предупреждаетъ и постоянно бываетъ захватываемъ врасплохъ.

Филиппу открывается возможность вмѣшаться въ дѣла самой Греціи, гдѣ вспыхнула такъ называемая *Священная война* противъ жителей области Фокиды, обвиняемыхъ врагами въ присвоеніи поля, принадлежавшаго Дельфійскому храму, и отказавшихся уплатить наложенный на нихъ штрафъ. Борьба охватила почти всю Грецію. Аѳины приняли сторону фокидянъ, а противники послѣднихъ призвали къ себѣ на помощь Филиппа, который уже тогда попытался было овладѣть Ѳермопилами, но его попытку предупредили аѳиняне, двинувъ къ проходу свое войско и флотъ и тѣмъ заставивъ македонскаго царя отступить.

Демосѳенъ. Филиппъ обращается во Ѳракію, начинаетъ войну съ Олинѳомъ и другими городами тамошняго побережья. Тогда выступаетъ на первый планъ главный противникъ Филиппа—аѳинянинъ Демосѳенъ. Начинается борьба ораторасъ царемъ. Демосѳенъ, въ молодости вынужденный начать процессъ противъ своихъ опекуновъ и взяться за профессію адвоката, много работавшій надъ собою, пріобрѣлъ славу великаго оратора и отъ судебнаго краснорѣчія перешелъ къ политическому. Въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ—*„Филиппикахъ"*, направленныхъ противъ Филиппа, и въ Олинѳійскихъ—онъ настаиваетъ на томъ, что сами граждане должны участвовать въ походахъ; онъ побуждаетъ обратиться къ другимъ грекамъ, чтобы привлечь ихъ къ общей борьбѣ противъ Филиппа; старается раскрыть предъ аѳи-

8. Демосѳенъ.

нянами затаенные цѣли и планы Филиппа, выяснить основы его могущества, условія его успѣха; въ своихъ рѣчахъ онъ стремится пробудить въ своихъ соотечественникахъ энергію. Для Демосѳена борьба съ Филиппомъ была борьбою за свободу и независимость Аѳинъ и Греціи. Благодаря главнымъ образомъ его настояніямъ, аѳиняне оказали помощь Олинѳу. Но помощь все-же была недостаточна и Филиппъ покорилъ города одинъ за другимъ, частью силой, частью подкупомъ, и при помощи измѣны овладѣлъ самимъ Олинѳомъ (348 г.), который былъ разрушенъ, а жители его проданы въ рабство. Цѣль Филиппа была достигнута: побережье Эгейскаго моря все было теперь въ его рукахъ.

Въ Аѳинахъ паденіе Олинѳа произвело сильное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, какъ ни велико было возбужденіе противъ Филиппа, дальнѣйшая война казалась и тягостной, и безполезной. Былъ заключенъ миръ *(Филократовъ,* по имени одного изъ аѳинскихъ пословъ къ Филиппу), по которому за каждой стороной оставалось то, чѣмъ она владѣла при заключеніи мира (346 г.). Вскорѣ затѣмъ сдались и фокидяне; у нихъ было отнято право голоса въ союзѣ амфиктіоновъ, блюстителей интересовъ дельфійскаго храма, и передано Филиппу. Теперь царь македонскій могъ засѣдать въ амфиктіоніи, дѣлался членомъ ея. Онъ, слѣдовательно, пріобрѣталъ формальное право на участіе въ греческихъ дѣлахъ, получалъ возможность постоянно вліять на Элладу. Отсюда до гегемоніи надъ Греціей былъ одинъ только шагъ.

Враги и сторонники Македоніи. Въ то время въ Аѳинахъ обнаруживается два противоположныхъ теченія: одно—противъ македонскаго царя, другое—за него. Главою и самымъ яркимъ, лучшимъ выразителемъ стремленій враждебной Македоніи партіи былъ Демосѳенъ. Въ его глазахъ Филиппъ являлся заклятымъ и самымъ опаснымъ врагомъ Эллады, ея свободы и независимости. Демосѳенъ отстаивалъ тотъ идеалъ, который дорогъ былъ греку, въ особенности аѳинянину. Для него борьба противъ Филиппа была борьбою не на животъ, а на смерть, борьбою за свободу противъ насилія и тиранніи. По Демосѳену, правовымъ государствомъ можетъ быть только демократическое: только въ демократіи господствуетъ законъ. Монархія для него равно-

значуща съ тиранніей и каждый монархъ или тираннъ—врагъ свободы и противникъ законовъ. Впрочемъ, это не мѣшало Демосѳену искать опоры у персидскаго царя. Филиппъ для него—олицетвореніе коварства, вѣроломства и насилія, и гражданинъ, попавшій въ зависимость отъ царя, подобнаго Филиппу, изъ свободнаго и самоуправляющагося, „автономнаго", становится рабомъ. Мѣры, предлагаемыя Демосѳеномъ для того, чтобы можно было съ успѣхомъ вести борьбу съ такимъ противникомъ, какъ Филиппъ, сводились къ поднятію энергіи гражданъ, къ участію ихъ самихъ въ военной службѣ, къ болѣе справедливому и цѣлесообразному распредѣленію между ними тягостей, къ употребленію доходовъ государства не на ѳеориконъ, а прежде всего на военныя цѣли и т. под. Но мѣры эти оказывались или не осуществленными, или недостаточными... Рядомъ съ Демосѳеномъ среди дѣятелей той же партіи мы видимъ еще двухъ ораторовъ—даровитаго Гиперида и суроваго Ликурга, знатока финансовъ.

Исократъ. Но была партія, которая стояла на сторонѣ македонскаго царя и не только по корыстнымъ побужденіямъ, вслѣдствіе подкупа и т. под., какъ утверждали противники, но и по убѣжденію. Къ македонской партіи принадлежалъ знаменитый соперникъ Демосѳена Эсхинъ, сначала по профессіи актеръ и писецъ или секретарь, потомъ ораторъ, одинъ изъ лицъ, близкихъ къ Евбулу.

Выразителемъ мыслей этой партіи былъ Исократъ. Родился онъ за нѣсколько лѣтъ до Пелопоннесской войны и умеръ почти столѣтнимъ старцемъ, доживъ до Херонейской битвы. По собственному его сознанію, природа не создала его способнымъ править государствомъ или быть ораторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: она не дала ему ни достаточно сильнаго голоса, ни смѣлости, чтобы говорить предъ народомъ и вступать въ споръ или состязаніе съ людьми, тѣснящимися на трибунѣ; но она одарила его здравымъ смысломъ, онъ пріобрѣлъ хорошее образованіе и считалъ себя способнымъ давать совѣты родному городу, т. е. Аѳинамъ, эллинамъ и выдающимся людямъ того времени. Исократъ сталъ политическимъ писателемъ, „публицистомъ". Съ особенною ясностью Исократъ изложилъ свою программу въ посланіи къ

Филиппу. „Я хочу посовѣтовать тебѣ стать во главѣ соединенныхъ грековъ и идти противъ варваровъ", говоритъ Исократъ. Надо завоевать если не все Персидское царство, то сколько можно, хотя бы Малую Азію. И это вовсе не такъ трудно. Надо воспользоваться массой людей, которые теперь скитаются вслѣдствіе нужды и опасны для общественнаго спокойствія, отвоевать земли и, основавъ въ нихъ города, поселить въ нихъ скитающихся и такимъ образомъ освободить отъ бѣдствій, отъ которыхъ они страдаютъ и которыя другимъ причиняютъ. Филиппъ долженъ считать всю Грецію своею. Онъ долженъ быть благодѣтелемъ для эллиновъ, царемъ для македонянъ, повелителемъ для варваровъ. Вокругъ него должны собраться уполномоченные всей Эллады для общаго обсужденія общеэллинскихъ интересовъ... Такимъ образомъ, Исократъ намѣтилъ программу, которая выполнена была отчасти Филиппомъ и въ болѣе огромныхъ размѣрахъ Александромъ.

Противъ борьбы съ Филиппомъ былъ и лучшій полководецъ Аѳинъ того времени, 45 разъ избиравшійся въ стратеги,—Фокіонъ, прославленный своею честностью и безкорыстіемъ, строгими нравами и образомъ жизни. Фокіонъ зналъ слабость аѳинянъ и не вѣрилъ въ ихъ побѣду надъ Филиппомъ. По его мнѣнію, надо было или быть сильнымъ, или дружить съ сильными.

Наконецъ на сторонѣ македонскаго царя было большинство вообще состоятельныхъ.

Херонея. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ миръ не могъ быть проченъ. Взаимныя неудовольствія росли. Дѣйствія аѳинянъ во Ѳракіи, гдѣ они нападали на города и мѣстности, покровительствуемые или принадлежавшіе Филиппу, давали послѣднему поводъ къ жалобамъ и требованіямъ. Аѳиняне отвергли ихъ. Демосѳенъ въ своей третьей „Филиппикѣ" развивалъ воинственную программу, требуя обширныхъ приготовленій на сушѣ и на морѣ и союза съ другими греками противъ Македоніи, какъ общаго врага. А когда Филиппъ двинулся противъ Перинѳа (на берегу Пропонтиды, т. е. Мраморнаго моря) и затѣмъ Византіи, то послѣдовалъ окончательный разрывъ (340 г.). Аѳиняне заключили союзъ съ нѣкоторыми греческими государствами

и входятъ въ сношенія даже съ Персіей. Демосѳенъ поставленъ былъ во главѣ морского дѣла и преобразовалъ симморіи, облегчивъ среднихъ гражданъ и увеличивъ долю наиболѣе богатыхъ при снаряженіи кораблей. Онъ достигъ наконецъ и того, что остатки доходовъ шли не на ѳеоріконъ, а на военныя нужды. И Перинѳъ, при поддержкѣ персовъ, и Византія, съ помощью аѳинянъ, устояли противъ Филиппа. Филиппъ снялъ осаду, предпринялъ походъ на сѣверъ противъ скиѳовъ и возвратился оттуда въ тотъ моментъ, когда ему открывался опять удобный случай вмѣшаться въ дѣла Греціи, гдѣ вспыхнула новая Священная война, на этотъ разъ противъ локровъ изъ Амфисы (у Коринѳскаго залива). Филиппъ, призванный въ качествѣ полководца, немедленно двинулся къ Ѳермопиламъ и занялъ Элатею, бывшую ключемъ къ Средней Греціи.

Изъ знаменитой рѣчи Демосѳена „О вѣнкѣ“ мы знаемъ, какое потрясающее впечатлѣніе произвело на аѳинянъ это занятіе. „Былъ уже вечеръ“,—такъ спустя нѣсколько лѣтъ напоминалъ Демосѳенъ своимъ соотечественникамъ объ этомъ моментѣ,—„когда пришла вѣсть пританамъ, что Элатея занята. Тогда одни, тотчасъ вставъ изъ-за стола, удалили торговцевъ изъ палатокъ на рынкѣ и зажгли плетенныя лавки (какъ тревожный сигналъ); другіе послали за стратегами и приказали трубить тревогу. Городъ былъ полонъ смятенія. На другой день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, пританы созвали совѣтъ, а вы отправились въ народное собраніе, и прежде чѣмъ совѣтъ обсудилъ попоженіе и составилъ предварительное рѣшеніе, весь народъ уже сидѣлъ на мѣстахъ. Затѣмъ, когда совѣтъ пришелъ въ собраніе, пританы сообщили полученное извѣстіе, ввели вѣстника и тотъ разсказалъ самъ,—тогда глашатай спросилъ: „кто желаетъ говорить?“ Никто не выступилъ; глашатай нѣсколько разъ повторилъ вопросъ,—никто не подымался, хотя были тутъ всѣ стратеги, были тутъ всѣ ораторы“... Наконецъ выступилъ Демосѳенъ. Онъ предложилъ отправить пословъ въ Ѳивы, чтобы заключить съ ними союзъ противъ Филиппа. Самъ Демосѳенъ во главѣ посольства отправился къ ѳиванцамъ. Союзъ былъ заключенъ, при чемъ аѳиняне соглашались на все,—брали на себя большую часть издержекъ, подчинялись предводительству Ѳивъ на сушѣ, признавали господство ихъ надъ Беотіей.

Къ нимъ примкнули Евбея, Коринѳъ, Мегара и нѣкоторыя другія. На первыхъ порахъ греки имѣли успѣхъ. Но Филиппъ искуснымъ движеніемъ перенесъ войну въ Беотію и далъ своимъ врагамъ битву при Херонеѣ (338 г.). Здѣсь должна была рѣшиться участь Греціи. По численности силы обѣихъ сторонъ были почти равныя. Но во главѣ грековъ были неспособные вожди, подобные Харесу и Лисиклу; во главѣ же македонскаго войска стоялъ Филиппъ, окруженный опытными полководцами, имѣя въ качествѣ помощника геніальнаго сына—Александра. Сами македоняне были испытанные въ бояхъ воины; ими руководила единая воля, и Херонейская битва окончилась пораженіемъ грековъ. Однихъ аѳинянъ пало 1000 и 2000 было взято въ плѣнъ.

Аѳиняне, въ распоряженіи которыхъ находились еще флотъ и море, съ энергіей и лихорадочной поспѣшностью стали принимать мѣры для обороны своего города, въ ожиданіи появленія у его стѣнъ побѣдителя. Но Филиппъ обнаружилъ большую умѣренность и желаніе мира, который и былъ заключенъ при посредствѣ попавшаго въ плѣнъ при Херонеѣ оратора Демада, даровитаго, но низкаго и продажнаго. По этому *Демадову миру* Аѳины сохраняли свою самостоятельность; за ними оставались нѣкоторые острова, но должны были уступить Филиппу Херсонесъ Ѳракійскій. Филиппъ далъ плѣннымъ аѳинянамъ свободу безъ всякаго выкупа, даже одѣлъ тѣхъ изъ нихъ, кто былъ нагъ, и кости павшихъ отослалъ въ Аѳины. Въ благодарность за все это аѳиняне предоставили Филиппу, его сыну Александру и потомству право аѳинскаго гражданства; онъ объявленъ „благодѣтелемъ“ города; ему поставлена статуя на площади...

Послѣ этого Филиппъ отправляется въ Пелопоннесъ и въ Коринѳѣ созываетъ уполномоченныхъ греческихъ государствъ. На этомъ собраніи объявленъ былъ общій миръ между греками. На будущее время запрещались взаимныя войны и междоусобія, всякіе насильственные перевороты и перемѣны въ имущественныхъ отношеніяхъ—конфискаціи, раздѣлы земель, уничтоженіе долговъ, а также возвращеніе изгнанниковъ, освобожденіе рабовъ въ революціонныхъ цѣляхъ; обезпечивалась безопасность торговли и плаванія. Въ этихъ постановленіяхъ находили себѣ выраженіе и поддержку интересы преимущественно состоятельнаго класса, который и слу-

жилъ одною изъ опоръ для македонскаго царя. Филиппъ стремился положить конецъ войнамъ и смутамъ въ Греціи, взялъ подъ свою охрану миръ и существовавшій порядокъ. Между греками и македонскимъ царемъ устанавливался союзъ, и Филиппъ былъ провозглашенъ гегемономъ, предводителемъ, въ предстоявшей войнѣ съ Персіей.

Конецъ самостоятельности Аѳинъ. Херонейскою битвою заканчивается независимое существованіе древней Греціи. Начинается новый періодъ міровой исторіи, который принято называть эпохой *эллинизма*. Это—періодъ распространенія греческаго вліянія и образованности среди отжившихъ культурныхъ народовъ Востока, когда изъ сліянія началъ греческихъ и восточныхъ возникла такъ называемая эллинистическая культура. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ ударами Александра Македонскаго, сына Филиппа, пало обширное Персидское царство. Востокъ соединился съ греко-македонскимъ міромъ. „Мы прожили не обычную человѣческую жизнь", говорилъ современникъ, ораторъ Эсхинъ, въ 330 г. „Исторія нашихъ дней покажется сказкою грядущимъ поколѣніямъ. Персидскій царь, который прорылъ Аѳонъ и проложилъ мостъ чрезъ Геллеспонтъ, который требовалъ отъ эллиновъ земли и воды и осмѣливался называть себя въ своихъ письмахъ владыкою всѣхъ людей отъ восхода до заката,—онъ борется теперь уже не за владычество надъ другими, а за собственную жизнь... А нашъ городъ, убѣжище всѣхъ эллиновъ, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у насъ помощи каждое для своего города,—онъ борется теперь уже не за гегемонію надъ Элладой, а за собственный клочекъ земли".

Матеріальное благосостояніе и положеніе финансовъ въ Аѳинахъ въ годы, слѣдовавшіе за Херонеей, улучшилось. Важныя заслуги тутъ принадлежатъ оратору Ликургу, въ то время главному государственному дѣятелю въ Аѳинахъ, происходившему изъ стариннаго, знатнаго рода, отличавшемуся строгимъ образомъ жизни, честностью, суровымъ нравомъ. Въ теченіе 12 лѣтъ (338—326) онъ завѣдывалъ финансами и упорядочилъ ихъ; доходы онъ довелъ до 1200 тал. въ годъ, увеличилъ флотъ и т. д. Народное постановленіе въ честь Ликурга, дошедшее до насъ, подробно

отмѣчаетъ его заслуги. Но прежнее значеніе руководящихъ греческихъ государствъ, въ томъ числѣ и Аѳинъ, пало. Со времени господства Македоніи судьбы аѳинской демократіи уже не представляютъ общаго интереса; онѣ имѣютъ интересъ спеціальный. Ходъ развитія аѳинской демократіи закончился, особенно послѣ того, какъ по смерти Александра (323 г.) противъ македонскаго господства въ Греціи вспыхнула война, въ которой приняли участіе многія эллинскія государства, главнымъ образомъ Аѳины, и которая кончилась пораженіемъ грековъ (война эта получила названіе *Ламійской*—отъ города Ламіи, въ Ѳессаліи, гдѣ осажденъ былъ македонскій намѣстникъ Антипатръ). Аѳины сдались на милость и немилость Антипатра (322 г.). Самостоятельности ихъ положенъ конецъ; македонскій гарнизонъ расположился въ Мунихіи; во внутреннемъ строѣ Аѳинъ произведена перемѣна: право гражданства оставлено только за тѣми, кто имѣлъ состояніе не менѣе 2000 драхмъ, т.-е. за болѣе состоятельными, которые большею частью принадлежали къ македонской партіи; передъ тѣмъ всѣхъ гражданъ было 21000; теперь только 9000 сохранили свои права, а 12000, т.-е. большинство, лишились ихъ. Надъ Демосѳеномъ, Гиперидомъ и другими ревностными противниками македонскаго господства произнесенъ былъ смертный приговоръ. Они бѣжали изъ Аѳинъ. Гиперидъ былъ схваченъ на Эгинѣ, доставленъ живымъ Антипатру и казненъ; Демосѳенъ лишилъ себя жизни, принявъ ядъ, въ Калавріи, въ храмѣ Посейдона, чтобы не отдаться въ руки преслѣдователей.

Такъ отнята была самостоятельность у Аѳинъ. Потомъ она вновь была имъ возвращаема, но не надолго, и Аѳины находились въ зависимости отъ Македоніи, а потомъ отъ Рима. Демократическія формы большею частью оставались, но онѣ утратили былое значеніе.

Заключеніе. Мы видѣли, съ какою послѣдовательностью шло развитіе государственнаго строя Аѳинъ. Постепенно совершается переходъ отъ монархіи къ аристократіи, затѣмъ такъ же постепенно демократія занимаетъ мѣсто аристократіи.

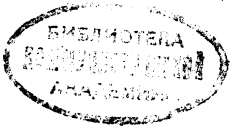
Вспомнимъ, напр., какъ лишь мало-по-малу открывался низшимъ классамъ доступъ къ должностямъ, какъ „переживанія“, въ родѣ двойного жребія, сохранялись въ послѣдующемъ строѣ Аѳинъ. Тираннъ Писистратъ во многомъ является продолжателемъ и даже завершителемъ дѣла „перваго предстателя демоса“, Солона, и предшественникомъ такихъ его вождей, какъ Ѳемистоклъ и Периклъ; Периклъ оказывается вовсе не такимъ ужъ нововводителемъ, какимъ его иногда изображали. Аѳинская демократія была чисто народнымъ созданіемъ, слѣдствіемъ работы цѣлаго ряда дѣятелей и поколѣній, а не слѣдствіемъ честолюбія и интригъ отдѣльныхъ личностей. Достигнувъ блестящаго расцвѣта въ періодъ „Пятидесятилѣтія“, она во время злосчастной Пелопоннесской войны пережила тяжелый кризисъ, внутренній и внѣшній, и стала клониться къ упадку. Ея разложеніе, недостатокъ въ организаціи аѳинскаго правительства, политическая раздробленность Греціи, раздоры и соціальные недуги, не говоря уже объ ослабленіи энергіи гражданъ и порчѣ нравовъ, привели Аѳины къ паденію.

Древняя Греція и въ особенности аѳинская демократія создала учрежденія, осуществила многія изъ тѣхъ началъ, которыя знакомы и дороги современному человѣчеству, которыя служатъ основами и современнаго государства. Она выработала понятіе *гражданина*, призвала гражданъ къ участію въ судѣ и правленіи, создала судъ присяжныхъ. Аѳинская демократія впервые въ исторіи сознательно и ясно поставила идеаломъ свободу и равноправіе, и свободу не необузданную, не безпорядочную, а въ сочетаніи съ закономъ. Мы видимъ, какъ въ ней нерѣдко проводится начало самоограниченія: державный демосъ самъ пытается ограничить себя: надъ нимъ стоитъ законъ.

Осуществленія *правды* и *справедливости* древній грекъ ждалъ отъ государства: оно—строитель справедливости. Грекъ полагалъ, что если есть правда на землѣ, если есть нравственныя начала, то они должны существовать не только въ душѣ человѣка: они должны найти выраженіе въ общественныхъ отношеніяхъ, въ государственномъ строѣ. Забота о справедливости для государства—все равно, что забота о здоровьѣ для отдѣльнаго человѣка. Для государства необходимы *нравственныя основы*. Оно можетъ существовать только тогда, когда въ немъ господствуетъ

совѣсть, нравственное чувство, право и справедливость. Для греческаго мыслителя политика, ученіе о государствѣ, составляетъ лишь часть этики, науки о нравственности. Платонъ развиваетъ мысль о томъ, какъ государство возникаетъ въ силу матеріальныхъ потребностей человѣка, но онъ считаетъ задачей государства и государственныхъ дѣятелей содѣйствіе нравственному совершенствованію человѣка: только въ государствѣ человѣкъ можетъ развить свои лучшія стремленія и качества, и государство должно имѣть въ виду общее благо, а не благо одного сословія. По Аристотелю, всякое государство—продуктъ естественнаго процесса, естественнаго развитія, и человѣкъ по природѣ своей—существо политическое. Государство возникаетъ ради потребностей жизни, для достиженія самодовлѣющаго существованія. Но этого мало: цѣлью его служитъ *благая жизнь;* государство создается не только для того, чтобы люди могли жить, но и для того, чтобы они могли жить *счастливо* и *прекрасно.*

Конечно, дѣйствительность иногда далеко расходилась съ идеаломъ; аѳинская демократія имѣла свои недостатки; на ея памяти немало грѣховъ и даже преступленій. Но чтобы правильно оцѣнить эту демократію, надо судить о ней съ точки зрѣнія того времени, современныхъ ей порядковъ и условій тогдашняго міра. Она напр. не отрѣшилась отъ рабства, которое въ древнемъ мірѣ было такъ распространено, но все-же она его часто смягчала, вносила и въ эти отношенія человѣчность. Вообще, несмотря на нѣкоторыя печальныя исключенія, человѣчность—одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ аѳинской демократіи, особенно въ лучшую ея пору. А по слову поэта, чистая человѣчность искупаетъ всѣ человѣческіе недостатки....



НАСТОЯЩІЙ „ОЧЕРКЪ“ представляетъ собой переработку моей „Исторіи аѳинской демократіи“, вышедшей въ свѣтъ въ 1909 г. и давно уже разошедшейся. Онъ даетъ эту „Исторію“ въ сокращенномъ, болѣе доступномъ изложеніи: опущены подробности, несущественныя или же имѣющія лишь спеціальный интересъ. Но есть въ данномъ „Очеркѣ“ и добавленія: вставлены объясненіе того, что̀ разумѣли греки подъ словомъ ***демократія*** *(стр. 3), характеристика природныхъ условій Аттики (стр. 13), исторія борьбы аѳинской демократіи съ персами (стр. 42 сл.), мнѣніе Аристотеля о коммунизмѣ (стр. 191—2), отмѣчены нравственныя основы греческаго государства (стр. 207—8), а то, что̀ касается государственнаго устройства Аѳинъ, выдѣлено въ особую главу (стр. 89 сл.).*

В. Б.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей аѳинской демократіи можно указать на слѣдующія книги, имѣющіяся на русскомъ языкѣ:

Белохъ, Исторія Греціи. М. 1897—9. 2 т.

В. Бузескулъ, Исторія аѳинской демократіи. Спб. 1909.

Р. Ю. Випперъ, Исторія Греціи въ классическую эпоху IX—IV в.в. до Р. Х. М. 1916.

Н. И. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра. Спб. 1903.

В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей. Ч. I. Спб. 1897 (3-е изд.).

Пельманъ, Очеркъ греческой исторіи. Спб. 1910.

Его-же, Исторія античнаго коммунизма и соціализма. Спб. 1910 (во II т. коллекціи: «Общая исторія европейской культуры»).

Фюстель де Куланжъ. Древняя гражданская община. М. 1903.

М. М. Хвостовъ, Исторія Греціи. Лекціи. Изд. 2-е, Каз. 1917.

Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей подъ ред. **Н. Н. Шамонина** и **Д. М. Петрушевскаго**. Т. I. М. 1896 (Библіотека для самообразованія).

Отрывки изъ источниковъ—изъ греческихъ авторовъ и нѣкоторые документы, надписи—въ русскомъ переводѣ можно найти въ хрестоматіи **Д. А. Жаринова, Н. М. Никольскаго, С. И. Радцига** и **В Н. Стерлигова**, Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Ч. II. Грецiя. М. 1917. **Геродотъ** и **Ѳукидидъ** имѣются въ рус. переводѣ **Ѳ. Г. Мищенка** (переводъ Ѳукидида—въ переработкѣ **С. А. Жебелева**, въ коллекціи «Памятники міровой литературы»), **Ксенофонтъ—Г. А. Янчевецкаго, Плутархъ—В. Алексѣева**, «Государство» **Платона—Карпова**, «Политика» **Аристотеля—С. А. Жебелева**, его «Аѳинская Политія» **А. М. Ловягина**.

Оглавленіе.

Введеніе.

Отъ монархіи къ демократіи въ Греціи. Стр.
Греческая демократія.—Паденіе царской власти въ Греціи.—Владычество знати.—Колонизація.—Перемѣны въ хозяйственной жизни и возвышеніе демоса.—Борьба демоса съ аристократіей.—Тираннія 3

Демократія въ Аѳинахъ.

I. Начало.

1. Переходъ отъ монархіи къ архонтату.
Аттика и ея жители.—Начало архонтата.—Строй того времени. 13

2. Время смутъ.
Килонова смута.—Законодательство Дракона.—Тяжелое положеніе земледѣльцевъ. 18

3. Законодательство Солона.
Солонъ.—Сисахѳія.—Имущественные классы и государственный строй.—Уголовное и гражданское законодательство.—Характеръ Солоновыхъ мѣръ и отношеніе къ нимъ 22

4. Тираннія Писистрата и его сыновей.
Новыя смуты и партіи.—Писистратъ.—Правленіе Писистрата.—Паденіе тиранніи 30

5. Реформы Клисѳена.
Клисѳенъ.—Новыя филы и демы.—Преобразованіе совѣта.—Стратеги.—Остракизмъ.—Внѣшняя опасность. 36

6. Время персидскихъ войнъ.
Причины войнъ.—Возстаніе Іоніи.—Мильтіадъ и Марѳонъ.—Упадокъ архонтата.—Ѳемистоклъ и созданіе флота.—Нашествіе Ксеркса.—Саламинъ.—Платеи и Микале 42

II. Расцвѣтъ.

1. До Тридцатилѣтняго мира. Стр.

Слѣдствія персидскихъ войнъ.—Образованіе Аѳинскаго союза.—Кимонъ и Эфіальтъ.—Реформа ареопага.—Борьба изъ-за гегемоніи на сушѣ.—Нововведенія средины V в. 55

2. Правленіе перваго гражданина.

Периклъ.—Реформы Перикла.—Денежное вознагражденіе.—Клерухіи и колоніи.—Украшеніе Аѳинъ.—Аѳины—„школа Эллады".—Финансы.—Матеріальное благосостояніе.—Внѣшняя политика. 69

3. Государственное устройство.

Народное собраніе.—Народный судъ.—Совѣтъ.—„Обвиненіе въ противозаконности".—Порядокъ законодательства.—Характеръ финансоваго управленія.—Доходы и повинности.—Должностныя лица.—Жребій и докимасія. 89

4. Основныя черты аѳинской демократіи.

Гражданская присяга.—Свобода и равноправіе.—Идеалъ и дѣйствительность.—Граждане и неполноправные.—Метэки.—Рабы.—Женщины.—Общественное неравенство.—Свобода мысли и слова; стѣсненіе ея. 98

5. Отношеніе къ союзникамъ.

Союзники автономные и неавтономные.—Договоры.—Судъ.—Возстаніе Самоса. 103

III. Кризисъ.

1. Начало Пелопоннесской войны.

Причины.—Поводы.—Положеніе Перикла.—Переговоры.—Силы сторонъ.—Первый годъ войны.—Эпидемія и смерть Перикла . 114

2. Отъ смерти Перикла до Никіева мира.

Демагоги и стратеги.—Клеонъ.—Никій.—Вліяніе войны на общество.—Сфактерія.—Брасидъ.—Никіевъ миръ 123

3. Темныя стороны аѳинской демократіи и недовольные.

Опасность охлократіи.—Присяжные.—Сикофанты.—Вражда къ богатымъ.—Недовольство сельскаго населенія.—Олигархи.—Гетеріи.—Политическая литература 131

4. Сицилійскій походъ.

«Гнилой миръ».—Алкивіадъ.—Снаряженіе Сицилійскаго похода.—Гермокопиды.—Пораженіе въ Сициліи 141

5. Послѣдніе годы войны. Стр.
Олигархическій переворотъ.—Демократія пяти тысячъ.—Побѣды и возстановленіе прежней демократіи.—Конецъ войны . 150

6. Тираннія Тридцати и возстановленіе демократіи.
«Тридцать».—Ѳераменъ.—Критій.—Возстановленіе демократіи. – Софисты.—Сократъ.—Казнь Сократа. 159

IV. Упадокъ.

1. Отъ возстановленія демократіи до борьбы съ Филиппомъ Македонскимъ.
Положеніе Аѳинъ.—Коринѳская война.—Наемники.—«Постыдный миръ».—Второй Аѳинскій союзъ.—Финансовые вопросы.—Евбулъ. 174

2. Внутреннее состояніе Аѳинъ въ IV в.
Борьба партій и процессы.—Соціальныя отношенія.—Коммунистическія воззрѣнія.—Отношеніе философовъ къ демократіи. —Платонъ.—Аристотель.—Монархическія воззрѣнія 185

3. Аѳины и Филиппъ Македонскій.
Македонія.—Филиппъ.—Демосѳенъ.—Враги и сторонники Македоніи.—Исократъ.—Херонея.—Конецъ самостоятельности Аѳинъ.—Заключеніе. 197

СОЮЗ

Книгоиздательство Харьковскаго Кредитнаго Союза Кооперативовъ „Союзъ"

Харьковъ Московская 18 „Союзбинъ" ✻ тел. 48-81

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

Культурно-Историческая Библіотека. Історія Слободської України — *проф. Д. І. Багалій.* Древнѣйшая цивилизація въ Европѣ—*проф. В. Бузескулъ.* Школьное дѣло у древнихъ грековъ — *проф. В. Бузескулъ.* Начерк розвитку української літературної мови — *проф. М. Ф. Сумцов.* Слобожане — *проф. М. Ф. Сумцов.* Судівництво на Україні 17 — 18 стол.— *М. Слабченко.* Искусство (его психилогія, его стилистика, его эволюція) — *проф. Ѳ. И. Шмитъ.* Мистецтво старої Руси-України — *проф. Ф. І. Шміт.* Ѳинская демократія — *проф. В. Бузескулъ.* Історія України й її народа — *проф. О. Я. Ефименко.*

Соціально-Экономическая Библіотека. Состояніе и развитіе русскаго сельскаго хозяйства — *проф. А. Н. Челинцевъ.* Кредитъ и его роль въ народномъ хозяйствѣ — *проф. М. Н. Соболевъ.* Мѣстные финансы — *А. П. Марковъ.* Бумажныя деньги — *І. А. Трахтенбергъ.* Кооперація въ Галичинѣ—*И. Хоткевичъ.* Политическая экономія—*проф. М. Н. Соболевъ.* Война и народное хозяйство — *Н. Ясный.* Синдикаты и тресты — *проф. П. И. Фоминъ.* Экономическая теорія кооперації — *проф. М. Н. Соболевъ.*

Сельско-Хозяйственная Библіотека. Як треба боротися з зоною — *С. Пархоменко.* Клеверъ въ толокѣ — *С. П. Кулжинскій.* Жизнь сельско-хозяйственныхъ животныхъ — *проф. А. В. Палладинъ.* Успѣхи сельскаго хозяйства — *С. П. Кулжинскій.* Бесѣды по огородному сѣменоводству — *Р. Г. Бетнеръ.* Какъ получить два урожая въ году — *С. П. Кулжинскій.* Кормовыя травы — *М. М. Фоминовъ.* Важнѣйшіе вредители сельскаго хозяйства — *В. Г. Аверинъ.* Пчеловодство — *В. Нестеровскій.* Пасішництво — *В. Нестеровський.* Свиноводство — *проф. М. Ф. Ивановъ.* Смушково-молочное овцеводство — *проф. М. Ф. Ивановъ.* Болѣзни домашнихъ животныхъ — *доц. А. Н. Макаровскій* и *П. А. Косминскій.* Кормовые корнеплоды — *Сильвестрова.* Какъ самому устроить улей — *В. Нестеровскій.* Огородъ въ полѣ — *М. С. Балабановъ.* Сахарная свекла и ея возлѣлываніе— *В. И. Сазановъ.* Кооперація въ животноводствѣ — *Г. О. Свиренко.* Перегонъ пчелъ — *В. Нестерводскій.* Куроводство — *доц. А. Н. Макаревскій.* Выращиваніе свекловичныхъ сѣмянъ — *К. И. Киттенко.* Бесѣды по полеводству — *Матисенъ.* Доходный плодовый садъ — *М. С. Балабановъ.* Сельско-хозяйственное птицеводство — *проф. М. Ф. Ивановъ.* Копальні багацтва на Україні — *А. Федоровскій.* Опытъ изученія организаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства — *проф. А. Н. Челинцевъ.* Перегон бджіл — *В. Нестерводський.*

Книгоиздательство Харьковскаго Кредитнаго Союза Кооперативовъ „СОЮЗЪ"

Харьковъ Московская 18 „Союзбанкъ" * тел. 42-81

Естественно-Историческая Библіотека. Природа и населеніе Слободской Украины — *проф. В. И. Таліевъ, пр.-доц. А. С. Федоровскій, Д. К. Педаевъ, В. І. Аверинъ, И. В. Емельяновъ.* Птицы — друзья человѣка — *Г. А. Брызгалинъ.* Охороняйте рідну природу — *Е. Шарлеманъ.* Что такое національные парки и для чего они учреждаются — *Г. А. Брызгалинъ* и *Б. А. Захаровъ.* Ч. Дарвинъ — Что онъ сдѣлалъ для человѣчества? — *проф. В. И. Таліевъ.* Строеніе и жизнь растенія — *проф. В. И. Таліевъ.* Научныя основы народнаго питанія — *проф. А. В. Палладинъ.*

Школьная и Внѣшкольная Библіотека. Короткий нарис української мови — *О. Н. Синявський.* Хрестоматія по українській літературі — *проф. М. Ф. Сумцов.* Народные дома, какъ культурно-просвѣт. центры — *проф. В. Я. Данилевскій* и *А. А. Богомоловъ.* Азбука для взрослыхъ — *И. Рахмановъ-Николаевъ.* Ключикъ грамоты (начальная грамматика по новому правописанію) — *Н. П. Дашевскій.* Задачникъ по кредитной кооперації — *Н. Г. Сокальскій.* Товаровѣдѣніе — *Н. Классенъ.* Букварь (обученіе чтенію и письму по старому правописанію) — *Н. П. Дашевскій, Здравомыслова, Колинько.* Начальное руководство по укр.-великорусской исторіи — *проф. А. Я. Ефименко.* Вчімось писати (початкова наука письма) — *О. Н. Синявський.* Кооперативный кредитъ и кооперативные банки — *проф. А. Н. Анцыферовъ.* Рідний край (читанка з малюнками) — *П. Г. Ковалевський.* Шкільна збірка українських пісень для початкових шкіл — *С. П. Дремцов.* Ясне сонечко (граматка з малюнками) — *П. Г. Ковалевський.* Чижикове весілля — *В. Олександрів.* Пісня про всяку рибу — *В. Олександрів.* Записки охотника — *И. С. Тургеневъ* (избран. разсказы со вступительнымъ очеркомъ — *Д. Г. Панадіади).* Музеи — *проф. Ѳ. И. Шмитъ.* Что читать и разсказывать дѣтямъ въ дѣтскихъ садахъ и на лѣтнихъ площадкахъ — *Фарафонтова.* Початковий підручник українсько-московської історії для шкіл народніх — *проф. О. Я. Ефименко.*

Редакторы:
Проф. Д. И. Багалѣй.
Доц. І. А. Трахтенбергъ.
Проф. А. Н. Челинцевъ.
Проф. В. И. Таліевъ.
Д.м. Г. Панадіади.

Заказы на изданія Издательства принимаются въ Книжномъ Складѣ „СОЮЗЪ", Московская ул., 18.